

С л о в о

за Божественной литургіей 2 февраля 1916 года въ храмѣ Императорскаго Александровскаго Лицея въ Петроградѣ.

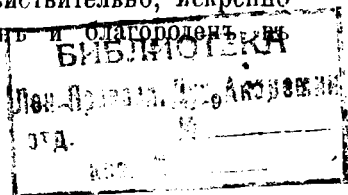
Возлюбленніи, братіе и сестры!

КТО слышалъ сегодняшнее евангельское чтеніе, у того, конечно, запали глубоко въ сердца слѣдующія дивныя слова святаго благовѣствованія: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ, яко видѣсть очи мои спасеніе твое* (Луки 2, 29. 30)... Эти слова сказалъ праведный старецъ Симеонъ, жившій на рубежѣ ветхаго и новаго заветъа и заканчивавшій уже свой земной жизненный подвигъ, когда, просвѣщенный Духомъ Святымъ, онъ воспринялъ на руки свои Богомладенца Іисуса. Онъ былъ счастливъ, что узрѣлъ Христа, принесшаго собой спасеніе людямъ,—Христа, просвѣтившаго всѣхъ свѣтомъ своея Истины,—Христа, даващаго сіяніе Правды святой, искру чистой любви небесной въ міръ.

Да любите другъ друга (Іоан. 13, 34)—заповѣдалъ Христосъ Своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ намъ.

Да, святая любовь къ ближнему, свѣтъ чистаго благородства, честность и справедливость, проводимая въ жизнь, возсіяли намъ со Христомъ и во Христѣ.

О, какъ высоки и какъ святы эти начала! Чье сердце не горитъ особымъ, святымъ огнемъ при этихъ дивныхъ словахъ? Кто не пламенѣетъ горячимъ желаніемъ проводить эти начала въ жизни своей? Всѣ чувствуютъ себя высоко счастливыми—осуществить бы хоть частичку этого дивнаго цѣлаго въ своей дѣятельности. И блаженъ тотъ, кто, дѣйствительно, искренно и объективно справедливъ, кто честенъ и благороденъ въ жизни своей.

Къ сожалѣнію, возлюбленніи, и мы, воспитанные уже на истиннохристіанскихъ началахъ, часто только много говоримъ о своей справедливости, честности и благородствѣ, или больше для видимости поступаемъ такъ, чтобы только о насъ побольше хорошаго говорили другіе, чтобы люди считали насъ таковыми... Наше гордое самолюбіе, кичливость и собственное благо, а не истинная дѣятельная любовь къ ближнимъ, заложенная въ насъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ, на благо ближняго, для котораго мы живемъ и котораго должны возлюбить, какъ самаго себя, къ прискорбію, влечетъ насъ часто къ этому возвышенному идеалу. Да не будетъ этого съ вами, возлюбленніи!

Образъ жизни въ смиреніи и самоотреченіи, что далъ намъ самъ Господь Іисусъ Христосъ—вотъ жизнь во Христѣ—истинно-христіанская жизнь. Это есть истинный свѣтъ чело-вѣкомъ. И такая жизнь—наше счастье.

Итакъ, Христосъ—источникъ нашего спасенія, други мои. Христосъ смиренный да будетъ и вашимъ путеводнымъ свѣточемъ на всю вашу жизнь. Здѣсь вы увидите правду и истину; въ Немъ, исполняя Его законы, вы найдете себѣ благополучіе и счастье, сдѣлавшись потомъ полезными членами общества и дѣятелями, на всѣхъ поприщахъ жизни истинно просвѣщенными, ставящими выше всего не свое личное благо и благополучіе, а благо ближнихъ своихъ и, значить, всего общества.

Человѣчество теперь, переживъ настоящую великую и тяжелую борьбу за правду, должно будетъ вступать въ обновленную жизнь. Стоя по возрасту своему на грани стараго и этого новаго положенія, вы, молодые люди, вступая въ дѣятельную жизнь, особенно будете близко чувствовать эту свѣжесть обновленной жизни. Торжество правды и истины Христовой да поставить васъ, возлюбленніи, въ условія, когда и вы, исполнивъ истиннохристіански свой жизненный путь на землѣ, путь развитія въ людяхъ правды и добра Христова, можете каждый сказать вмѣстѣ съ праведнымъ Симеономъ: *нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ, яко видѣсть очи мои спасеніе твое* (Луки 2, 29, 30), еже Ты уготовалъ дорогому нашему Отечеству, славянству и всѣмъ, любящимъ Тебя и творящимъ Волю Твою, вѣрнымъ сынамъ Твоимъ—христіанамъ!

Епископъ Анастасій.

Поученіе въ день празднованія 107 годовщины Академіи, 17 февраля 1918 года.

Преподаю тебѣ... такое завѣщаніе, чтобы ты воинствовалъ..., какъ добрый воинъ. (1 Тим. I, 18).

ВЕЛИКАЯ борьба народовъ, быть свидѣтелями которой Господь привелъ и насъ,—борьба, раздѣлившая почти весь міръ на два враждебные лагеря, невольно напоминаетъ намъ о той великой духовной борьбѣ, которая непрерывно совершается въ мірѣ,—борьбѣ между вѣрой и невѣріемъ, борьбѣ противъ Христа и Его Церкви.

«Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ... раздѣленіе». (Мтѣ. X, 34; Лук. XII, 51), говорилъ Своимъ слушателямъ Іисусъ Христосъ.

И этотъ мечъ, это раздѣленіе сказываются въ средѣ человечества въ непрестающей духовной борьбѣ.

Приведеніе на память этой борьбы въ нынѣшній день—день академическаго праздника—намъ представляется вполне благовременнымъ: ибо питомцы Дух. Академіи, черплющіе изъ источника высшей богословской науки, тѣмъ самымъ призываются къ участию въ этой борьбѣ, и притомъ—къ участию не заурядному, а особенному.

Каждый христіанинъ долженъ быть добрымъ воиномъ Христовымъ; но наипаче къ питомцу Академіи должны быть направлены слова Ап. Павла въ посланіи къ Тимофею: «преподаю тебѣ... такое завѣщаніе, чтобы ты воинствовалъ..., какъ добрый воинъ» (1 Тим. I, 18).

Способности человѣческія ограничены; не всѣмъ въ равной мѣрѣ даются различныя дары Божіи. Но всякій даръ Божій, по слову Апостола, долженъ быть направленъ къ одной цѣли: «служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ» (1 Петр. IV, 10).

Питомцы Академіи получаютъ дары высшей богословской науки,—и этими дарами должны служить другъ другу—своимъ ближнимъ—черезъ служеніе Христу и Его св. Церкви.

И въ томъ обстоятельствѣ, что открытіе нашей Академіи, сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, совершилось въ день празднованія памяти св. великомуч. Θεодора Тирона, который, посему, является и небеснымъ покровителемъ нашей Академіи, мы склонны усматривать мистическое указаніе на то, что питомцы Академіи призываются служить Церкви Христовой на почвѣ науки преимущественно, именно, какъ добрые воины Христовы—защитники вѣры и Церкви.

Св. великомуч. Θεодоръ, память котораго празднуется нынѣ, имѣетъ прибавленіе къ своему имени—«тиронъ», соотвѣтствующее латинскому слову—*tiro*, т. е. новобранецъ, молодой воинъ, въ каковой должности св. Θεодоръ и состоялъ, когда доблестно пострадалъ за Христа.

И молодые люди, вступая въ стѣны Академіи, подъ покровъ св. великомуч. Θεодора Тирона, призываются взирать на предстоящее имъ поприще—сперва учебное, а затѣмъ житейское,—какъ на воинское служеніе о Христѣ: сначала приготовленіе къ нему, а послѣ—и самое воинствованіе.

Понятно, что, для успѣшнаго воинствованія оружіемъ научнымъ, необходимо облечься и въ то всеоружіе Божіе, какое Ап. Павломъ указано для всякаго христіанина, какъ воина о Христѣ: «станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облечшись въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего—возьмите шить вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть Слово Божіе» (Ефес. VI, 14—17).

Какъ это ни странно, но и нынѣ, послѣ многовѣковаго существованія и процвѣтанія христіанской богословской науки, приходится слышать сужденія о ея малозначимости, почти граничащей съ нендобностью ея для пастыря Церкви. Указываютъ на то, что св. Апостолы, люди совершенно неученые, своею проповѣдью о Христѣ покорили міръ. Говорятъ

и о томъ, что, для воздѣйствія на пасомыхъ, пастырю необходимо имѣть не богатство научнаго богословскаго вѣдѣнія, но воодушевленіе горячею вѣрою и проявленіе этой вѣры въ своей жизни и дѣлахъ.

Вѣра и житіе! Прекрасное и вполне справедливое требованіе! Но въ томъ, чтобы этимъ устранялась надобность въ богословскомъ образованіи, умалялось великое значеніе богословской науки для вѣры и Церкви, по меньшей мѣрѣ, нужно видѣть прискорбное недоразумѣніе, недомысліе.

Ибо вѣра и жизнь по вѣрѣ, съ одной стороны, и богословское вѣдѣніе—съ другой,—понятія совсѣмъ не исключаютъ другъ друга, ни въ какой мѣрѣ не враждебны другъ другу.

Правая вѣра и жизнь по вѣрѣ въ равной степени необходимы и требуются отъ христіанина, будетъ ли онъ совершенно несвѣдущимъ въ наукахъ, или же преуспѣвать въ нихъ въ высшей степени. Въ данномъ случаѣ вполне уместно сдѣлать приложеніе словъ Іисуса Христа: «сіе надлежало дѣлать и того не оставлять» (Мтѣ. XXIII, 23).

Въ христіанскомъ обществѣ всегда высоко почитались и нынѣ почитаются люди глубокой вѣры и святой христіанской жизни, хотя бы они были и совершенно несвѣдущими въ наукахъ. Почитаніе такихъ людей является столь естественнымъ и распространеннымъ, что на ряду съ ними—истинными руководителями и наставниками въ духовной жизни—часто появляются и искусные подражатели имъ, имѣющіе, по слову Апостола, лишь видъ благочестія, силы же его отречшіеся (2 Тим. III, 5); подобно тому, какъ и самъ сатана принимаетъ видъ Ангела свѣта (2 Кор. XI, 14).

И тогда, какъ первые сѣютъ въ стадѣ Христовомъ, на нивѣ Божіей, сѣмена чистой пшеницы, вторые—посѣваютъ плевелы.

То, что происходитъ въ практической жизни духовной, то совершается и въ области научной, теоретической. И здѣсь появляются сѣятели плевелъ, съ которыми необходима борьба, противъ которыхъ долженъ быть направленъ духовный мечъ добраго воина о Христѣ.

Истины вѣры Христовой столь просты и столь немногочисленны, что ихъ могутъ воспринимать своею вѣрою и умы младенчаствующие. И въ то же время ученіе о Богѣ, Его свойствахъ и дѣяніяхъ столь обширно, что писаній объ этомъ

не можетъ вмѣстить не только никакая наука человѣческая, но и весь міръ даже, по слову Апостола.

Стремленіе человѣческаго ума, какъ дара Божія, къ сильному уразумѣнію, раскрытію и обоснованію того, что воспринимается вѣрою, вполне естественно и законно. Оно не только не противно вѣрѣ, но прямо поощряется Словомъ Божиимъ.

«Изслѣдуйте Писанія», говоритъ Самъ І. Христосъ (Іоанн. V, 39). И когда это понадобилось для учениковъ Его, Онъ Самъ «отверзъ имъ умъ къ уразумѣнію Писаній» (Лук. XXIV, 45).

Апостолъ Павелъ, самъ бывшій весьма свѣдущимъ въ Писаніи, наставлялъ своего любимаго ученика Тимофея: «занимайся чтеніемъ, наставленіемъ, ученіемъ (1 Тим., IV, 13)... Священные Писанія могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою во Христа Иисуса; все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности» (2 Тим. III, 15—16).

Вотъ наилучшее обоснованіе законности существованія и великаго значенія богословской науки!

Тѣ темныя, враждебныя Христу и Его Церкви, силы, которыя образно названы Христомъ «вратами ада» (Мтѣ. XVI, 18), ведутъ упорную и разнообразную борьбу противъ религіи вообще и христіанства, въ особенности.

И нужно сказать, что благопріятной для вратъ ада почвой въ этой борьбѣ является и область научная, гдѣ эти силы посягаютъ множество заблужденій и зла.

«Знаніе надмеваетъ», говоритъ Апостолъ (1 Кор. VIII); оно дѣлаетъ человѣка гордымъ, самоувѣреннымъ, внушаетъ ему ложное представленіе о его способностяхъ, могуществѣ и т. дал., коль скоро человѣкъ поставяетъ это знаніе внѣ связи съ ученіемъ Слова Божія.

Несовершенный разумъ человѣческій, будучи доступенъ воздѣйствію на него врага нашего спасенія, способенъ увлекаться по пути заблужденій. И человѣку бываетъ крайне тяжело, обидно для его самолюбія—разтаться съ своими заблужденіями, которыя онъ считаетъ за истину; надъ выработкою которыхъ онъ, быть можетъ, потратилъ много труда и времени.

Поэтому-то въ области научнаго вѣдѣнія враждебныя религіи силы и встрѣчаютъ благопріятную для ихъ дѣятельности среду.

И вотъ, питомцы Академіи, какъ добрые воины Христовы, призываются на борьбу за вѣру Христову, прежде всего, противъ «лжеименнаго званія» (1 Тим. VI, 20), которое стремится къ уничтоженію въ человѣчествѣ этой вѣры.

Въ равной мѣрѣ близкою для духовныхъ воиновъ о Христѣ должна быть и та сторона научной борьбы, которая направлена не прямо противъ религіи и христіанства, но, такъ сказать, касается внутренней области христіанскаго научнаго вѣдѣнія.

Это—борьба съ, такъ называемымъ, раціонализмомъ, который является тѣмъ худшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ вѣры Христовой и Церкви, что онъ является врагомъ не прямымъ, до извѣстной степени скрытымъ.

Поселяя въ душѣ человѣка обольстительное для него стремленіе—повѣрять и согласовать Божественное Откровеніе съ человѣческимъ разумомъ, раціонализмъ незамѣтно, но весьма успѣшно работаетъ въ сторону невѣрія, расшатывая и наполняя своимъ тлетворнымъ ядомъ религіозные и церковные устои.

На борьбу и съ этимъ врагомъ вѣры и Церкви,—въ тѣ мѣста, кои подвергаются наибольшему его нападенію,—должны быть устремлены силы и оружіе добрыхъ научныхъ воиновъ о Христѣ.

Въ защиту Христовой вѣры и Церкви будетъ воинствовать православный богословъ—питомецъ Духовной Академіи—тогда, когда онъ посвятитъ себя изслѣдованію Слова Божія—Свящ. Писанія, его изъясненію, при свѣтѣ толкованій богопросвѣщенныхъ мужей—св. отцовъ Церкви, опроверженію неправильныхъ его пониманій и примѣненій; отраженію нападокъ, дѣлаемыхъ противъ происхожденія и самаго состава священнаго текста, и т. дал.

Онъ будетъ воинствовать, какъ добрый воинъ Христовъ, и тогда, когда, углубляясь въ вѣка древніе, въ область тѣхъ открытій, которыя воскрешаютъ предъ нашими глазами жизнь древняго міра, онъ укажетъ тамъ то, о чемъ давно мы знаемъ со страницъ Библіи, но что стараются опровергнуть уста «глаголющихъ неправедная».

Будетъ воинствовать за Христа и Его Церковь и тогда, когда онъ, насколько это возможно для человѣческихъ силъ, въ раскрытіи глубины христіанскихъ догматовъ и высоты христіанскаго нравственнаго ученія, покажетъ неизмѣримое пре-

восходство христіанства падѣ всѣмъ, что высказала религіозная и философская мысль человѣчества за цѣлыя тысячелѣтія своей виѣ-богооткровенной работы.

Будетъ защитникомъ вѣры и Церкви онъ и тогда, когда, изображая вѣрованія и жизнь древнихъ христіанъ, онъ тѣмъ самымъ обличить заблужденія и измышленія отдѣляющихся отъ Церкви въ различные сектантскія общества, горделиво называющія себя иногда «духовными, евангельскими» христіанами и т. под. наименованіями, т. е. какъ будто бы возстанавливающими то христіанство, которое существовало въ вѣкъ апостольскій.

Будетъ подвизаться онъ за вѣру и Церковь и тогда, когда выступитъ на обличеніе и указаніе несостоятельности тѣхъ измышленій человѣческаго разума, которыя стремятся вытѣснить христіанство, какъ нѣчто несовершенное, устарѣвшее, отжившее свой вѣкъ.

Къ великому прискорбію, мы видимъ въ нашъ вѣкъ, что, вопреки предостереженіямъ Апостола: «не увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія» (Ефес. IV, 14);—«не увлекаться ученіями различными и чуждыми» (Евр. XIII, 9);—«не внимать ученіямъ бѣсовскимъ» (1 Тим. IV, 1), многіе христіане увлекаются масонствомъ, спиритизмомъ, оккультизмомъ, теософіей, какъ будто чѣмъ-то высшимъ христіанства, и тѣмъ готовятъ погибель душамъ своимъ.

Но, подобно тому, какъ говоритъ Апостолъ: «не доста-нетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, Самсонѣ, Давидѣ и другихъ пророкахъ» (Евр. XI, 32); такъ и мы скажемъ, что въ своей краткой рѣчи не сможемъ указать тѣхъ многоразличныхъ областей, гдѣ добрый воинъ о Христѣ, вооруженный богословскимъ вѣдѣніемъ, можетъ выступить въ защиту вѣры Христовой и Святой Православной Церкви.

Въ какую бы сторону онъ ни направилъ свою дѣятельность, онъ не только не будетъ лишнимъ, безъ дѣла; но часто будетъ видѣть, что «жатвы много, дѣлателей же (добрыхъ) мало» (Мтѣ. IX, 37).

Вознесемъ же Господину жатвы усердныя молитвы, чтобы Онъ далъ намъ силы быть добрыми дѣлателями на нивѣ Христовой, добрыми воинами о Христѣ.

Помолимся и нашему небесному покровителю, св. великомученику Θεодору Тирону, чтобы онъ помогъ намъ быть

подражателями его мужеству. И подобно тому, какъ онъ безстрашно исповѣдывалъ свою вѣру во Христа, чтобы и намъ быть столь же безстрашными борцами и защитниками св. Православной Церкви и ея ученія.

Да не устрашить насъ и то, что въ борьбѣ за Христа и Церковь намъ могутъ предстоять и даже, можно думать, неизбежны злостраданія, которыя предсказаны Апостоломъ, какъ удѣлъ добраго воина Христова (2 Тим. II, 3).

Да не смутить никого и то, если на чью-либо долю выпадетъ слишкомъ скромное и малозамѣтное поле дѣятельности. И здѣсь пусть высоко и крѣпко онъ держитъ знамя добраго воина Христова, въ сознаніи того, что онъ здѣсь не менѣе нуженъ и полезенъ, чѣмъ другіе на болѣе широкихъ поприщахъ.

Подобно тому, какъ равно нуженъ и живителенъ лучъ солнца для обширнаго поля, покрытаго милліонами растеній, такъ и для узкой расщелины въ скалѣ, пріютившей одинокую былинку.

Да подкрѣпляетъ и утѣшаетъ cadaго самаго скромнаго дѣлателя увѣренность въ томъ, что достоинъ трудящійся награды за труды свои (Лук. X, 7); и что въ свое время онъ сподобится услышать сладостный гласъ Господа: «добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю; войди въ радость Господина Твоего» (Мтѣ. XXV, 21). Аминь.

Проф.-свещ. В. Зыковъ.

Епархія Константинопольской церкви въ XV—XVIII в.

ЕПАРХІИ Константинопольской церкви по территориальному своему положенію раздѣлялись на восточныя и западныя. *Восточными* епархіями (αἱ ἀνατολικαὶ ἐπαρχίαι) назывались тѣ, которыя находились къ востоку отъ Константинополя, т. е. въ Малой Азіи или Анатоліи, на «Востокѣ» (ἡ Ἀνατολή) въ собственномъ смыслѣ. *Западными* же епархіями (αἱ δυτικαὶ или δυτικαὶ ἐπαρχίαι) именовались тѣ, которыя были расположены къ западу отъ Константинополя, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ вообще, на западѣ (ἡ δύσις) вселенскаго партріархата въ собственномъ смыслѣ. Кромѣ того, изъ состава западныхъ епархій иногда выдѣлялись—въ специальной церковной терминологіи—епархія въ Пелопоннисѣ или «Пелопоннисъ» (ἡ Πελοπόννησος) въ собственномъ смыслѣ. Отмѣченные отгѣнки въ распредѣленіи епархій, а вмѣстѣ и архіереевъ Константинопольскаго престола встрѣчаются въ историческихъ извѣстіяхъ, относящихся къ XV и XVI вѣкамъ ¹⁾, при чемъ преемство отъ византий-

¹⁾ Объ избраніи патріарха Нифонта II въ 1486 г. сказано: συνεκροτήθη σύνοδος ἀπὸ τε τῶν ἀνατολικῶν καὶ τῶν δυτικῶν ἀρχιερέων (Historia Politica, 58¹⁰—11; Ecthesis Chronica (ed. Lampros), 45¹¹—12; Πατριαρχεύσας δὲ ὁ κύριος Σμεῶν ἔτη ἑξ ἑτελεύτησε. Συνόδου αὖν γενομένης, ἦλθον πάντες οἱ ἀρχιερεῖς Δύσεως καὶ Ἀνατολῆς. Ср. Ἀνώνομος, Σύνοψις χρονική, 594 (Σάφας, М. В., VII); Ἀθανάσιος Κομνηνός: Ὑψιφάντης, τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν, 30; Κωνστ. 1870. Изъ избраніи патріарха Ιωσαφα II въ 1555 г. говорится: Ἀκούσαντες οἱ ἀρχιερεῖς τὸν θάνατον τοῦ πατριάρχου (Διονυσίου II) ἔδραμαν πολλοί, καὶ ἀπὸ τῆς ἀνατολῆς τὸ μέρος καὶ ἀπὸ τῆς δύσεως καὶ συνόδου γενομένης κτλ. (Historia Patriarchica, 178—179). О соборѣ при томъ же патріархѣ въ январѣ 1565 г. источникъ

ской эпохи въ данномъ отношеніи несомѣнно²⁾. Но въ «чинахъ» или каталогахъ митрополій дѣйствовали и примѣнялись другія основанія для послѣдовательнаго ихъ распредѣленія и порядка, заключавшіяся то въ болѣе раннемъ фактическомъ подчиненіи той или иной епархіи Константинопольскому патріарху, скрывавшемся въ глубинѣ вѣковъ, то въ церковно-гражданскомъ значеніи и возвышеніи кафедральнаго города, то въ территоріальной близости епархіи къ Константинополю, какъ центру патріаршаго и синодально-соборнаго управленія, то во времени возникновенія епархіи въ силу внутреннихъ самобытныхъ потребностей церковнаго строя, или выдѣленія подчиненной епископіи на степень самостоятельной архіепископіи, а потомъ и митрополіи, и прочее. Впрочемъ, въ каталогахъ отъ второй половины XV в. и въ послѣдующихъ мотивы возникновенія и возвышенія многихъ епархій остаются для изслѣдователя уже въ значеніи вполнѣ опредѣлившагося церковнаго факта, выступающаго лишь въ конкретномъ отображеніи регламентированнаго церковною властью τὰς αἰῶνας или каталога, но, съ другой стороны, церковное творчество развивалось въ нашу эпоху и въ отношеніи то дополненія и исправленія уже существующихъ каталоговъ епархій, то самостоятельнаго и критическаго ихъ составленія какъ въ виду древней и прежней санкціи ихъ офіціального распорядка, такъ и по руководству новыхъ церковныхъ для этого основаній и при свѣтѣ конкретныхъ данныхъ того или иного періода въ историческомъ положеніи Великой Христовой церкви.

заявляютъ: Καὶ ἀπέστειλε (ὁ πατριάρχης) καὶ ἐβούλετο ὅλους τοὺς ἀρχιερεῖς τῆς ἀνατολῆς, τῆς δούσεως καὶ τῆς Πελοποννήσου (ibid., 180^{14—16}). А въ заключеніе подписей опредѣленія этого собора сказано: Τέλος τῶν ὑπογραφῶν τῶν ἀρχιερέων τῆς ἀνατολῆς, τῆς δούσεως καὶ τῆς Πελοποννήσου (ibid., 187^{8—9}). Любопытно также отмѣтить, что въ декабрѣ 1605 г. при патріархѣ Рафаилѣ II состоялось избраніе новаго Мврѣ-Ликійскаго митрополита Матеея въ соотвѣтствіи съ новеллою византійскаго императора Алексѣя I Комнина (отъ 1094 г.), въ силу которой архіереи должны были назначаться и въ восточныя епархіи (ἐν ταῖς ἀνατολικαῖς ἐπαρχίαις), хотя бы они фактически и не могли вступить въ управленіе своими церквами (Σάβας, М. В., III, 554. Ср. Zachariae u. Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, 384—385).

²⁾ Miklosich et Müller, Acta, I, 143; II, 133.—Раздѣленіе епархій или церквей на восточныя и западныя существовало еще въ IV вѣкѣ (проф. рот. П. И. Лепорскій, Исторія Фессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату, стр. 7—8. П. 1901).

По своему существу новая законодательная дѣятельность церкви, поскольку она проявлялась въ составленіи, дополненіи и исправленіи каталоговъ епархій, примыкала къ правообразующему церковному началу византійской эпохи и неразрывно была связана съ установившимся въ прежнее время типомъ церковнаго въ этомъ направленіи строительства. Но живая историческая дѣятельность XV—XVIII в. выдвинула, въ свою очередь, рядъ весьма интересныхъ фактическихъ иллюстрацій къ основнымъ мотивамъ этого созидательнаго церковнаго труда и представила многогранное преемство для прежнихъ аналогій, свидѣтельствующее о внутренней силѣ законодательнаго церковнаго творчества и о конкретномъ обновленіи и оживленіи въ области епархіальнаго управленія во вселенскомъ патріархатѣ, поскольку дѣло касается даже сухого и—на первый взглядъ—малосодержательнаго исчисления подчиненныхъ епархій. Проявленія этой внутренней силы и сокровенной жизни и будутъ отчасти раскрыты нами въ обзорѣ состава епархій по санкціонированному церковью каталогу второй половины XV в., въ связи съ позднѣйшими—до конца XVIII в.—въ этой области нарастаніями и измѣненіями, касающимися какъ митрополій и подчиненныхъ имъ епископій, такъ и архіепископій.

І. Кесарія.

Кесарія (ἡ Καισάρεια, тур. Kaissarié)—главный городъ провинціи (ἐπαρχία) Каппадокіи (Великой) въ Понтѣ, потомъ еямы Харсіанской (ἡμεῖς Харσιανόν)³⁾, въ южной ея части, близъ горы Аргейской, нынѣ—главный городъ Кесарійскаго санджака и казы въ Анкирскомъ вилаетѣ, расположенный на разстояніи одной мили отъ древняго города Кесаріи, развалины котораго и нынѣ сохраняются⁴⁾.

³⁾ *Constantinus Porphyrogenitus*, De thematibus, lib. I, p. 20. Bonnae; К. Παπαρρηγόπουλος, Πινυξ τοῦ μεσαιωνικοῦ ἑλληνισμοῦ. Ἀθήναι: 1887; проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 203. П. 1884.

⁴⁾ Professor W. Ramsay, The Historical Geography of Asia Minor, p. 267 etc. London 1890; *Heinrich Kiepert*, Lehrbuch der alten Geographie, S. 92—96; Berlin 1878; *Albert Forbiger*, Handbuch der alten Geographie, B. II, S. 291, 297—298. Hamburg 1877; проф. С. А. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной Церкви до IX в., вып. I, стр. 246—249. Казань 1899. Ber-

Митрополія Кесаріи Каппадокійской занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ извѣстныхъ *Notitiae episcopatum*—съ именемъ св. Епифанія, архіепископа Кипрскаго († 403)⁵⁾, съ именемъ императора Льва VI Мудраго⁶⁾, времени императора Іоанна Цимисхія (969—976)⁷⁾, императора Андроника II Палеолога и императора Андроника III Палеолога. Это первенство обусловливается тѣмъ, что Кесарійскій митрополитъ подчинился Константинопольскому патриарху раньше, чѣмъ митрополиты другихъ діоцезовъ⁸⁾. Поэтому Кесарійскій митрополитъ по-

nardakis, Notes sur la topographie de Césarée de Cappadoce (*Echos d'Orient*. 1908 (XI), p. 22—27; *Cuinet*, La Turquie d'Asie, I, 307, etc. Paris 1892; Σταμάτιος Ἀντωνόπουλος, Μικρὰ Ἀσία, σ. 227. Ἀθήναι 1907; Ἀ. Αεβίδης, Ἱστορία τῆς Καππαδοκίας, т. Α'. Ἑκκλησιαστικὴ ἱστορία. Ἀθήναι 1885; Ἀ. Αεβίδης, Αἱ ἐν μοναῖθις μοναὶ τῆς Καππαδοκίας καὶ Λυκαονίας, σ. 11 κтл. K. 1899.

⁵⁾ Ἐπὶ Εὐφρανίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου ἐκθεσις πρωτοκληριῶν πατριαρχῶν τε καὶ μητροπολιτῶν (*Constantinus Porphyrogenitus*, De cerimoniis aulae byzantinae, I, 791—798. Bonnae 1829; *Parthey*, 150—161; *Gelzer*, 534—542). Ср. Des Euphranios von Cypern „Ἐκθεσις πρωτοκληριῶν πατριαρχῶν τε καὶ μητροπολιτῶν“ armenisch und griechisch herausgegeben von Fr. Nikolaus Finck. Marburg in H. 1902; Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 455—464.—„Изложение“ св. Епифанія Кипрскаго въ изданныхъ редакціяхъ нужно отгосить къ VII в.

⁶⁾ Τὰς τῶν ὑποκειμένων μητροπόλεων τῷ ἀποστολικῷ καὶ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῆς θεοφυλάκτου καὶ βασιλίδος Κωνσταντινουπόλεως Ἀβτῇ τῇ τάξει ἐκ συνοδικῆς διακέψεως τὸ ἀκριβὲς εἰλήφει, καθὼς τῇμερον ἐν τῷ ἱερῷ χαρτοφυλακίῳ ἀνογέγραπται“ (*Gelzer*, 550—559), или: „Περὶ γέροντος τοῦ Χοφροῦ, ὅπως ἔχουσι τάξεις οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν, τῶν ὑποκειμένων τῷ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως“ (Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 474—486; *Parthey*, 95—101). Этотъ каталогъ въ опубликованныхъ редакціяхъ относится къ XI в. Θεόδωρ Вальсамонъ въ толкованіи на 86 (95)-е правило Карѳагенскаго собора (419 г.) говоритъ: „Какъ кажется, въ то время еще не были приведены въ порядокъ и опредѣлены престолы церквей, и вслѣдствіе этого отцы опредѣлили, чтобы пользовались предпочтеніемъ тѣ [епископы], которые раньше были хиротонисаны. А нынѣ это не дѣйствуетъ, но престолы церквей пользуются честью согласно составленному царемъ Львомъ Мудрымъ уставу, находящемуся въ хартофилакии святѣйшей великой Божіей церкви“ (Ράλλης καὶ Ποτлῆς, III, 516).

О составѣ Кесарійской митрополіи въ эпоху IX—XI в. свѣдѣнія сообщаетъ *Henri Grégoire*, L'évêché cappadocien d'Aragina (Вυζαντίς, 1909 (I), 51—56).

⁷⁾ Τὰς τῶν ὑποκειμένων μητροπόλεων τῷ ἀποστολικῷ καὶ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῆς θεοφυλάκτου καὶ βασιλίδος Κωνσταντινουπόλεως“ (*Gelzer*, 569—572).

⁸⁾ *Le Quien* относитъ этотъ фактъ ко [времени императора Зинона (474—491 г.) и патриарха Акакія (471—489) (*Oriens christianus*, I, 304. Parisiis 1740).

лучилъ наименованіе «*πρωτόθρονος*—первотронный»⁹⁾ и ему принадлежалъ первый престолъ [*πρῶτος θρόνος*] въ ряду каедръ прочихъ митрополитовъ Константинопольской церкви, равно и первое мѣсто во время богослуженій, на соборахъ, въ засѣданіяхъ священнаго синода и въ другихъ церковныхъ и пныхъ собраніяхъ.

Умѣстно при этомъ отмѣтить, что о порядкѣ возсѣданія (*περί τῆς κατὰ τὴν καθεδρὰν τάξεως*) митрополитовъ и архіепископовъ, соотвѣтственно официальной записи въ патріаршей хартофилакии, сдѣлалъ постановленіе византійскій патріархъ Николай Мистикъ († 925 г.). Города, которые почтены достоинствомъ архіерейства,—говорится въ этомъ постановленіи,—и въ которыхъ священные пастыри проручествуются отъ патріаршей десницы, надлежало бы записывать здѣсь [въ хартофилакии], какъ заключающіеся въ предѣлахъ нѣкоторой ограниченной вселенной и безпрепятственно представляемые для [свѣдѣнія] каждаго желающаго. Съ другой стороны, основаніе по порядку располагать въ особомъ официальном спискѣ города, принадлежащіе безкровной власти, заключается въ томъ, что [тогда] предстоительство надъ ними и чинъ ихъ сдѣлаются вполнѣ ясными и извѣстными всѣмъ остальнымъ. Вмѣстѣ съ городами, находящимися къ востоку солнца, записываются и тѣ, которые находятся къ западу: вѣдь мы издавна и до настоящаго времени еще не поставили ихъ въ спискѣ съ остальными, а между тѣмъ изъ нихъ тѣ, которымъ была ввѣрена ефорія¹⁰⁾, когда время призывало къ каедрамъ, отталкивались пребывающими въ одинаковомъ чинѣ, и они, въ свою очередь, толкали этихъ—увы, какая дерзость—съ равною силой сопротивленія. Но когда христілюбивый благочестивѣйшій царь нашъ предсѣдательствовалъ вмѣстѣ съ

⁹⁾ *Zachariae a Lingenthal, Jus graeco-romanum*, III, 512. —Другія историческія данныя о „первотронномъ“ митрополитѣ Кесаріи сообщаются въ нашемъ изслѣдованіи „Избраніе патріарховъ въ Византію съ половины IX до половины XV в.“, стр. 141—142. П. 1907. Ср. *Ducange, Glossarium graecitatis*, I, 498.—Σωκρ. Κορυέας въ специальномъ трудѣ „Ὁ Καισαρείας Ἀρχιεπίσκοπος καὶ τὰ ἔργα αὐτοῦ“ (Αθήναι 1913) не входитъ въ подробности ни о церковномъ положеніи Кесаріи въ ряду прочихъ митрополій византійской церкви X в., ни о специальномъ значеніи „первотроннаго“ ея іерарха.

¹⁰⁾ Ефорія—въ данномъ случаѣ участіе въ общихъ для епископовъ, какъ церковныхъ ефоровъ, официальныхъ собраніяхъ.

нами въ честномъ храмѣ святой Ирины ¹¹⁾, гдѣ мы совершали память славныхъ патріарховъ, а съ нимъ [присутствовали] и боголюбезные митрополиты, то мы, обсудивши совмѣстно съ ними право чести (αἰδέσιμον) каждаго престола, предоставили всѣмъ соотвѣтствующее мѣсто, какъ и показываетъ настоящій чинъ (τάξις), со всѣмъ вниманіемъ написанный по нашему побудительному слову. Вѣдь намъ казалось неумѣстнымъ, что служители алтаря спорятъ изъ-за первенства и ради славы, которая есть безславіе; лучше же сказать,—оскорблять честь архіерейства предъ всѣмъ прочимъ есть позоръ (αἰσχύνη). Мы должны заботиться только о безсмертной славѣ, которая недоступна увяданію, но всегда цвѣтетъ, украшаетъ своихъ почитателей и возвеличиваетъ нетлѣннымъ прославленіемъ ¹²⁾.

Представленный документъ имѣетъ важное значеніе. Онъ проливаетъ свѣтъ на составленіе того «чина», или «устава» подчиненныхъ Константинополю митрополій, который извѣстенъ съ именемъ императора Льва Мудраго и въ своемъ существѣ относится къ X в. Несомнѣнно, въ изложеніи этого

¹¹⁾ О храмѣ св. Ирины сообщаютъ: академикъ *Н. П. Конбаковъ*, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 128 и сл. (Одесса 1886); *Д. Θ. Буляевъ*, Byzantina, II, 235. П. 1893.

¹²⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς. Σύστασις, V, 473; Parthey, 321 — 322.—*М. Γεζεών* (П. П., 319) приписываетъ составленіе каталога кафедръ и изложенное распоряженіе патріарху Алексію Студиту (1025—1043 г.), но не представляетъ доказательствъ для своего утвержденія. Проф. *Н. А. Скабалановичъ* (Византійское государство и церковь въ XI в. П. 1884) также ничего не говоритъ о такомъ дѣяніи патріарха Алексія. Въ виду того, что изложенное анонимное патріаршее распоряженіе соединяется съ τάξις-омъ архіерейскихъ престоловъ, извѣстнымъ съ именемъ императора Льва VI Мудраго, представляется возможнымъ приписывать его именно Николаю Мистіку (ср. *Constantinus Porphyrogenitus*, De cerimoniis, p. 739, 790),—тѣмъ болѣе, что раскрываемыя нами другія историческія данныя побуждаютъ приурочивать этотъ административный актъ къ періоду оживленной законодательной дѣятельности въ Византіи въ IX—X в. и не отодвигать его—вслѣдъ за г. Гедеономъ—на цѣлое столѣтіе отъ этого знаменательнаго времени [ср. *Н. Поповъ*, Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи, стр. 256. М. 1892: здѣсь въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ указываются территоріальныя границы Константинопольскаго патріархата при Львѣ Мудромъ; проф. *В. Н. Бенешевичъ*, Очерки по исторіи Византіи, в. II, стр. 45—46. П. 1912: излагается—по *І. В. Вугу*—содержаніе патріаршаго распоряженія съ нѣкоторыми уклоненіями отъ греческаго текста].

чина принимала участіе и церковная власть—въ лицѣ патріарха Николая Мистика и священнаго при немъ синода митрополитовъ. Это обусловливалось принципомъ симфоніи, заложеннымъ въ основѣ системы взаимоотношеній церкви и государства въ Византіи, и вызывалось существомъ предмета, касавшагося интересовъ и церкви, и государства. Затѣмъ, нужда въ новомъ таксисѣ была безспорна и вызывалась фактическимъ состояніемъ Византійской церкви. Еще въ тридцатыхъ годахъ VIII в. въ предѣлы вселенскаго патріархата былъ включенъ обширный Восточный Иллирикъ съ многочисленнымъ составомъ іерарховъ, признавшихъ надъ собою юрисдикцію константинопольскаго предстоятеля. Надлежало и ихъ каеодры внести въ общій синтагматіонъ, во избѣжаніе и факческаго безпорядка въ общецерковныхъ собраніяхъ: случалось, что митрополиты восточныхъ епархій удалялись съ своихъ каеодръ равночестными имъ митрополитами епархій западныхъ, раньше принадлежавшихъ къ Иллирику,—и такое столкновение вызывало соблазнъ среди народа, да и по существу не соотвѣтствовало характеру и назначенію архіерейскаго служенія. Составленіе новаго «чина» совпало и съ періодомъ оживленной законодательной дѣятельности въ Византіи, относящимся къ царствованію Македонской династіи: тогда не только церковное самоопредѣленіе достигло наивысшей степени развитія, но и византизмъ, какъ система самобытной культуры, сдѣлался объектомъ глубокаго всеобщаго опознанія и выразился въ расцвѣтѣ мощныхъ внутреннихъ силъ. Въ связи съ общимъ возрожденіемъ въ Византіи и въ соотвѣстствіи съ фактическими запросами и состоялось, при совмѣстномъ участіи церковной и государственной власти, составленіе особаго регламента для установленія права чести каждаго изъ митрополитовъ и архіепископовъ, подчиненныхъ вселенскому патріаршему престолу, и для опредѣленія порядка ихъ возсѣданія во всѣхъ официальныхъ собраніяхъ. Регламентъ приобрѣлъ для послѣдующаго времени значеніе дѣйствующаго закона, сохранившаго свою силу—въ разныхъ отношеніяхъ—и въ турецкую эпоху исторіи Константинопольской церкви.

Въ «изложенія» или каталогѣ съ именемъ св. Епифанія указываются пять городовъ или епископій, которыя были подчинены митрополиту Кесаріи Каппадокійской, въ таксисѣ императора Льва Философа исчисляются по одной редакціи восемь, а по другой—пятнадцать епископій, подчиненныхъ тому

же митрополиту, но въ изложеніяхъ императоровъ Андроника II и Андроника III вовсе не указаны подчиненныя Кесарійской митрополіи епископіи. И дѣйствительно, въ XIV и въ первой половинѣ XV в. Кесарійская митрополія находилась въ печальномъ положеніи, вслѣдствіе занятія области турками. Въ связи съ этимъ, въ январѣ 1327 г. состоялось важное административное распоряженіе вселенскаго патріарха Исаіи и священнаго при немъ синода, въ силу котораго митрополитъ Кесаріи получилъ во временное управленіе и для пользованія доходами (*κατὰ λόγον ἐπιδόσεως*) митрополіи на Востокъ—Севастію, Евхαιтъ, Иконію и Мокиса и архіепископію Назіанза. Эти епархіи,—какъ сообщаетъ синодальное дѣяніе,—были уже продолжительное время лишены законныхъ архіереевъ, вслѣдствіе господствовавшего безпорядка и ненормальности въ политическомъ положеніи, возникшихъ отъ нашествія безбожныхъ враговъ (турокъ), и поэтому мѣстная православная паства не имѣла архіерейскаго попеченія, наблюденія и освященія. Вслѣдствіе затрудненія назначить сюда архіереевъ, патріархъ и священный синодъ и возложили на митрополита Кесаріи, пречестнаго и экзарха всего Востока, какъ находящагося вблизи этихъ епархій, завѣдываніе митрополіями Севастіи, Евхαιтъ, Иконіи и Мокиса и архіепископіей Назіанза и управленіе по основанію пожалованія. Онъ долженъ былъ наблюдать за епархіями и за всѣми ихъ имуществами и вещами, духовно надзирать и пасти клиръ и весь народъ, рукополагать для нихъ діаконѡвъ и пресвитерѡвъ и возводить согласно церковному и каноническому преданію и совершать все остальное, что свойственно законнымъ архіереямъ, но, конечно, безъ возсѣданія на священномъ сопребстоли (ἀνευ μέντοι τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐγκαθίδρυσως). Клирики этихъ церквей и всѣ христіане должны подчиняться ему и повиноваться, принимать и исполнять его духовныя наставленія и руководства, полезныя для духовнаго спасенія. А если будетъ избранъ законный архіерей въ одну изъ указанныхъ епархій, то Кесарійскій митрополитъ долженъ удалиться отсюда и уступить ему завѣдываніе и архіерейское управленіе ¹³).

¹³) *Miklosich et Müller*, Acta, I, 143—144. Ср. Ράλλης καὶ Ποτλῆς, I, 53 (Номоканонъ патріарха Фотія, тит. I, гл. 13), III, 156—157 (толкованіе Θεοδора Вальсамона на 16-е правило Антиохійскаго собора—въ связи съ значеніемъ „пожалованія“ празднои епархіи).

Но Кесарійскій митрополитъ, какъ и другіе іерархіи Востока, проживалъ большею частью въ Константинополѣ. Въ октябрѣ 1352 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской Василій Карантиносъ принесть жалобу императору Іоанну VI Кантакузину на патріарха Каллиста I, при чемъ эта жалоба оказалась несправедливою. По распоряженію императора, въ Никейѣ надлежало созвать соборъ епископовъ для суда надъ Кесарійскимъ митрополитомъ, при участіи Антіохійскаго патріарха Пахомія. На соборѣ Антіохійскій патріархъ подаль голосъ относительно лишенія Кесарійскаго митрополита всякаго священнаго сана¹⁴⁾. Въ 1365 г. патріархъ Филоеей и священный синодъ вновь присоединили къ митрополіи Кесаріи, по мотиву пожалованія (*κατ' ἐπίδοσιν*), митрополіи Севастіи, Иконія и Мокиса и архіепископію Назіанза, а также митрополію Тіанъ, въ виду избранія на Кесарійскую кафедру киръ Мееодія¹⁵⁾. Въ синодальныхъ актахъ этого времени Кесарійскій митрополитъ поставленъ на первомъ мѣстѣ изъ всего состава священнаго синода¹⁶⁾. Въ ноябрѣ 1370 г. на митрополію Мокиса былъ избранъ киръ Іоанникій, который и далъ патріарху Филоею и священному синоду письменное обѣщаніе въ томъ, что постоянно будетъ проживать въ своей епархіи¹⁷⁾. Но одновременно патріархъ далъ и грамоту митрополиту Кесаріи, разрѣшавшую ему совершать богослуженія и рукополагать, согласно канонамъ и древнему церковному обычаю, въ томъ случаѣ, если какая либо изъ двухъ митрополій, именно Тіанъ и Мокиса, будетъ вдовствовать¹⁸⁾. Значить, и митрополія Тіанъ въ это время была изъята отъ управленія Кесарійскаго митрополита — въ силу прежняго пожалованія. Но архіепископія (митрополія) Назіанза по прежнему была присоединена къ Кесарійской епархіи¹⁹⁾. А 20 ноября 1370 г. патріархъ Филоеей повелѣлъ митрополитамъ Кесаріи Каппадокійской и Мокиса отправиться въ епархію Иконійскую для разслѣдованія незаконныхъ рукоположеній и другихъ дѣлъ, со-

¹⁴⁾ *Zachariae a Lingenthal*, Jus, III, 711—712; *Miklosich et Müller*, I, 322—323. См. *ibid.*, I, 445, 467, 468.

¹⁵⁾ *Miklosich et Müller*, I, 468.

¹⁶⁾ *Ibid.*, I, 476, 477 etc.

¹⁷⁾ *Ibid.*, I, 536.

¹⁸⁾ *Ibid.*, I, 536.

¹⁹⁾ *Ibid.*, I, 536.

вершенныхъ самозванцемъ-епископомъ Павломъ Тагарі²⁰⁾. Кесарія Каппадокійская иногда называлась *великою* (μεγάλη²¹⁾), въ отличіе отъ другихъ малыхъ городовъ съ именемъ Кесаріи, напримѣръ, Фессалійской, Палестинской²²⁾.

Въ византійскую эпоху митрополитъ великой Кесаріи Каппадокійской носилъ титулъ — «пречестный пречестныхъ и экзархъ всего Востока—ὁπέρτιμος ὁπέρτιμων καὶ ἑξάρχος πάσης Ἀνατολῆς»²³⁾. Съ такимъ титуломъ Кесарійскій митрополитъ выступаетъ и въ «Новомъ изложеніи» вселенскаго патріарха Нила отъ 1 сентября 1386/7 года²⁴⁾; въ которомъ была воспроизведена болѣе ранняя церковная практика, именно XIII вѣка²⁵⁾. Точно установить время, когда Кесарійскій митрополитъ получилъ это единственное и исключительное—въ составѣ прочихъ митрополичьихъ титуловъ — наименованіе, представляется затруднительнымъ, хотя и въ срединѣ XII в. онъ еще не имѣлъ этого титула²⁶⁾, — но смыслъ послѣдняго ясенъ.

²⁰⁾ Miklosich et Müller, I, 537—538. О Тагарі говоритъ архіепископъ Арсеній, Исслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви, стр. 19—22. П. 1904. Ср. проф. О. А. Кургановъ, Отзывъ о сочиненіи архіеп. Арсенія, стр. 31—34. П. 1908.

²¹⁾ M. et M., I, 471.

²²⁾ Parthey, 353.

²³⁾ M. et M., I, 471 (1365 г.), 537 (1370 г.).—Въ болѣе раннюю эпоху Кесарійскій епископъ титуловался какъ „μικχαρίωτατος“ (Le Quien, I, 371, 376, 383), „δουλώτατος“ (ibid. I, 378) ἑξάρχος τῆς Ποντικῆς διοικήσεως—«экзархъ Понтійскаго діоцеза (ibid., I, 379), „πανιερώτατος“ (ibid., 388).

²⁴⁾ Ἐκθέσις νέα κтл. Полное заглавіе этого документа таково: „Новое изложеніе того, какъ патріархъ Константинополя нынѣ пишетъ папѣ, прочимъ патріархамъ, архіепископамъ, равно и митрополитамъ и завѣдующимъ мірскими властями,—какой нынѣ чинъ имѣютъ престолы, подчиненные патріарху Константинополя, и какія архіепископіи и епископіи возведены въ достоинство митрополій,—какъ митрополиты пишутъ къ самому патріарху, къ прочимъ патріархамъ и нѣкоторымъ другимъ. Настоящее изложеніе было написано 1 сентября 6895 года, индиктіона десятаго“ (Ράλλη καὶ Ποτλῆς, V, 497—512).

²⁵⁾ H. Gelzer, 611.

²⁶⁾ Въ актѣ собора 26 февраля 1147 г., низложившаго византійскаго патріарха Косму Атика, первую помѣщена слѣдующая подпись: „Κωνσταντῖνος ὁ εὐταλὴς ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Καισαρείας Καππαδοκίας ἐπὶ γράφῃ“ (Ράλλη καὶ Ποτλῆς, V, 309).—Относительно такой подписи свѣдѣнія сообщаетъ † проф. В. В. Болоотовъ, Лекція по исторіи древней церкви, III: Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, подъ редакціей проф. А. Бриллиантова, стр. 336—339. П. 1913.

Прежде всего, титулъ «ὁπέρτιμος» носили всѣ митрополиты Византійской церкви позднѣйшей эпохи, въ отличіе отъ архіепископовъ и епископовъ, которые этого титула не имѣли. Титулъ указывалъ на особую честь митрополитовъ сравнительно съ архіепископами и епископами, воздававшуюся имъ какъ духовенствомъ, такъ и народомъ. Въ византійскую эпоху этотъ титулъ давался митрополитомъ василевсами²⁷⁾, которые, усвоили себѣ и право возводить и низводить архіерейскіе престолы и вообще измѣнять синтагматіонъ епархій Византійской церкви²⁸⁾.

О положеніи Кесарійской митрополіи въ XI в. см.: проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, стр. 404—405.

²⁷⁾ Титулъ „ὁπέρτιμος“ въ XI в. получали, по царскому пожалованію, и простые монахи, напр., извѣстный Михаилъ Пселлъ, монахъ Михаилъ, первый министр императора Никифора Вотаіата. Этотъ титулъ считался не ниже гражданскаго титула протопроедра, который занималъ пятое мѣсто въ византійской табели о рангахъ XI в. Титулъ „ипертима“ давалъ право на участіе въ дѣятельности государственнаго снѣклита (проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 158—159). Императоръ Алексѣй Комнинъ пожаловалъ титулъ „ипертима“ венеціанскому патріарху—митрополиту Доминику за услуги, оказанныя ему венеціанцами въ борьбѣ съ латинянами (*Anna Comnena*, *Alexias*, I, 286 12. Воннае). Значить, начало пожалованія іерархамъ титула „ὁπέρτιμος“ можно относить къ XI вѣку.

²⁸⁾ Относящійся къ этому вопросу матеріалъ сообщаетъ *Zachariae a Lingenthal*, *Jus graeco-romanum*, III, 60, 224, 241, 300—301, 326, 330, 341, 364 и др. (возвышеніе различными царями епархій). Но въ 1065 г. императоръ Константинъ Дука издалъ хрисовуль о томъ, что царь не имѣетъ права измѣнять порядокъ епархій (*Ράλλη καὶ Ποτλῆς*, V, 274—275; *Zachariae a Lingenthal*, III, 323—325. Ср. *Cedrenus*, *Historiarum compendium*, II, 486. Воннае—о пожалованіи императоромъ Романомъ III Аргиромъ (1028—1034) титула „σὺγκελλος“ митрополитамъ Ефеса, Кизика и Евхаиты). Императоръ же Алексѣй I Комнинъ между 1081 и 1087 г.г. издалъ хрисовуль слѣдующаго содержанія: епископіи, которыя издавна были возведены на степень митрополій или архіепископій, должны и впредь пользоваться тѣмъ же достоинствомъ и основаніемъ, и никто не долженъ низводить ихъ и измѣнять то положеніе, которымъ онѣ пользуются,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда царь, въ зависимости отъ времени и лицъ, совершить даръ въ этомъ отношеніи и пожалуетъ кого либо изъ іерарховъ соотвѣтствующимъ возвышеніемъ его каведры (*Zachariae*, III, 367). Въ 1087 г. императоръ Алексѣй I Комнинъ издалъ другой хрисовуль—о правѣ василевса, по личному побужденію (*οἰκόμεν ὀρεγθεῖς*), возводить епископіи въ архіепископіи или митрополіи, ради чести города, или по вѣрѣ его въ церковь, или изъ уваженія къ добродѣтели ея предстоятеля, но съ условіемъ, чтобы современный вселенскій

Митрополитъ Кесарійскій титуловался «пречестнымъ пречестныхъ», какъ «первотронный» или «первокаедральный»—*πρωτοκαθεδρoς* митрополитъ, пользовавшійся, въ силу первен-

патріархъ не прежде издавалъ свой питтакій о возвышеніи той или другой епархіи, какъ признаеть дарованіе ей царемъ чести согласнымъ съ божественными канонами и благословнымъ, и совмѣстно съ синодомъ архіереевъ приметъ царское распоряженіе и сопричислить пожалованнаго царемъ іерарха къ сонму пользующихся высшею честью (*Zachariae*, III, 368—370). Значить, императоръ Алексѣй и въ дѣлѣ возвышенія архіерейскихъ престоловъ установилъ согласное участіе власти гражданской и церковной. Въ свою очередь, современный патріархъ Николай III Грамматикъ, по просьбѣ аккирсака митрополита Никиты, обратился въ 1099 г. къ императору Алексѣю съ пространною грамотою, въ которой на основаніи святыхъ канонѣвъ и законовъ доказывалъ, что невозможно отдѣлять епископіи отъ митрополій по силѣ лишь царскаго распоряженія (*Ράλλης καὶ Πουλάης*, V, 62—75). Объ императорѣ Маврулѣ Комнинѣ извѣстно, что онъ пожаловалъ титулъ „пречестнаго“ (*ὁπέρτιμος*)“ афинскому митрополиту Николаю Агіоеодориту, который, на основаніи этого царскаго повелѣнія, заявилъ притязаніе на возвышеніе его престола и на предоставленіе ему права сидѣть выше всѣхъ прочихъ архіереевъ (*προκαθίσαι πάντων τῶν ἀρχιερέων*). Это требованіе послужило поводомъ къ столкновенію между царемъ и священнымъ синодомъ (*Ράλλης καὶ Πουλάης*, V, 474—475). Императоръ Исаакъ II Ангелъ также издалъ хрисовулъ о правѣ василевса возводить архіерейскіе престолы на высшія степени и фактически осуществлялъ это право (*Zachariae*, III, 552, 539, 553). Въ 1271 г. императоръ Михаилъ Палеологъ, по просьбѣ митрополита Птолемаиды, преосвященнаго и пречестнаго, пожаловалъ титулъ „ὁπέρτιμος“ предстоятелю горы Синаи, съ предоставленіемъ ему и другихъ привилегій въ процессіяхъ, сидѣніяхъ, стояніяхъ и собраніяхъ и съ правомъ одѣвать тѣ одежды, которыми пользовались и другіе митрополиты, имѣвшіе титулъ „ὁπέρτιμος“ (*Zachariae*, III, 593—595). Тотъ же императоръ пожаловалъ титулъ „пречестнаго“ митрополиту Кизика, который вмѣстѣ съ этимъ и получилъ право носить саккосъ и полиставріонъ за богослуженіемъ и—въ предѣлахъ своей епархіи—входить въ храмъ въ преднесеніи возженнаго свѣтильника (*ibid.*, III, 598—599; ср. *Ducange*, *Glossarium*, I, 1198—1199, 785—786). Большія церемѣны въ синтагматѣ византійскихъ епархій были произведены императорами Андроникомъ II и Андроникомъ III Палеологами (*Zachariae*, III, 617—623, 635—639, 641—643; *H. Gelzer*, 595—611). Насколько устойчиво было право византійскихъ василевсовъ въ области церковнаго синтагматона,—видно изъ сохранившагося собранія „царскихъ приказѣвъ“ (*βασιλικά διατάγματα*), въ ряду которыхъ имѣется и образецъ (*τύπος*) царскаго повелѣнія о „возвышеніи церкви“ (*προβιβασμοῦ ἐκκλησίας*).

„Царство мое,—говорится здѣсь,—по обычаю и прономіи, которую царство мое получило свыше и отъ начала со стороны святой церкви Божіей для возведенія нѣкоторыхъ изъ церквей на большія и высшія степени, возводить нынѣ и святѣйшую церковь... изъ епископіи въ ми-

ства своей кафедры, преимущественною честию предъ всѣми прочими митрополитами, какъ только «пречестными—*ὁπέρτις*», которую ему воздавали митрополиты другихъ епархій и архі-

трополію и узаконяетъ и повелѣваетъ, чтобы она впредъ была митрополіей и имѣла достоинство и имя митрополіи; царство мое также опредѣляетъ, чтобы состоящій теперь ея предстоятелемъ и архіереемъ киръ... былъ отнынѣ митрополитомъ, почитался вмѣстѣ съ пречестными и занималъ мѣсто такого-то (*τοῦ δεῦτος*) до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ среди живыхъ, и царство мое желаетъ, чтобы были и назывались митрополитами и тѣ, которые послѣ него будутъ архіереями въ этой святѣйшей церкви. И вслѣдствіе сего состоялось настоящее повелѣніе моего царства указанной митрополіи и архіерею, ея предстоятелю, преосвященному митрополиту... и пречестному и занимающему мѣсто“ (*Σάβας, M. B., VI, 649—650. 'Εν Παρίσις 1877*).

Если же византійскій императоръ, по своему положенію епископонарха и эклика церкви, пользовался давнею прономіею возвышать престолы и измѣнять дѣйствовавшій синтагматіонъ епархій, то, разумѣется, ему принадлежало право и редактированія этого синтагматіона *in pleno*, примѣнительно къ общему ряду частныхъ административно-іерархическихъ перемѣнъ, состоявшихся по его же отдѣльнымъ повелѣніямъ. Такое право возрастало въ своей полнотѣ тогда, когда границы имперіи, какъ это было въ началѣ XIV вѣка, сокращались сравнительно съ прежними ея предѣлами и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшались размѣры и византійскаго патріархата.

Однако, въ византійскую эпоху василевсы возводили и низводили архіерейскіе престолы не единолично и не по абсолютному праву, но совмѣстно съ патріархами и при участіи священнаго синода. Объ этомъ свидѣлствуетъ и сохранившійся *τύπος* или образецъ церковной грамоты относительно возведенія престоловъ (*προβιβασμός θρόνων*). „Мѣрность наша, — говорится здѣсь, — съ соизволенія державнѣйшаго и святого моего императора и по рѣшенію находящагося при ней священнаго и великаго синода преосвященныхъ архіереевъ и пречестныхъ (имя рекъ), посредствомъ настоящей грамоты даруетъ святѣйшей епископії (такой же) имя, честь и предсѣдательство митрополіи и боголюбивѣйшему епископу ея повелѣваетъ отнынѣ быть и называться митрополитомъ, такъ чтобы онъ сопричислялся къ прочимъ пречестнымъ и имѣлъ мѣсто и честь митрополита въ стояніяхъ и сидѣніяхъ и въ прочихъ синодальныхъ и церковныхъ собраніяхъ и во всѣхъ правахъ и прономіяхъ митрополитовъ. Ради сего и дана ему, преосвященному митрополиту (имя рекъ) и пречестному, во Святомъ Духѣ возлюбленному брату нашей мѣрности и сослужителю, и настоящая ея грамота для удостовѣренія“ (*Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 588*). Вообще, и въ отношенія формальнаго измѣненія синтагматіона епархій въ Византіи *de jure* установлена была симфонія между патріаршей и царской властью, хотя *de facto* иногда наблюдался и наклонъ въ сторону власти царской (ср. *Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 247—249* (толкованіе Θεодора Вальсамона на 12-е правило IV вѣс. собора), 392—394 (толкованіе его же на 38-е пр. Трулльскаго собора).

епископы, подчиненные ему епископы и народъ, равно и другіе члены Византійской церкви.

Кромѣ того, онъ именовался и былъ «экзархомъ всего Востока». Какъ уже упомянуто, — «Востокомъ» вообще въ византійскую эпоху назывались тѣ епархіи, которыя находились къ востоку отъ Константинополя, т. е. въ Малой Азіи, въ отличіе отъ Запада, т. е. отъ епархій, находившихся на западѣ отъ Константинополя, или въ европейскихъ оемахъ. Но въ частномъ смыслѣ «Востокомъ» называлась область, расположенная въ оемахъ Харсіанской, гдѣ и находилась Кесарійская митрополія, Севастійской, Каппадокійской и Анатоліѣ, какъ внутреннихъ провинціяхъ Азіи, въ отличіе отъ пограничныхъ и побережныхъ ея оемъ²⁹). Въ такомъ именно смыслѣ понимается «Востокъ» въ патріаршемъ и синодальномъ актѣ отъ января 1327 г., въ силу котораго находившіяся въ мѣстности Востока святѣйшія митрополіи Севастіи, Евхаитъ, Иконія и Мокиса и святѣйшая архіепископія Назианза были ввѣрены временному управленію митрополита Кесаріи, пречестному и экзарху Востока³⁰). Значить, экзаршескія полномочія Кесарійскаго митрополита нѣкогда распространялись на «весь Востокъ», а потомъ лишь на внутреннія малоазійскія оемы, вмѣстѣ съ провинціей «Восточною — 'Ανατολικόν», хотя въ титулѣ и сохранилось указаніе на первоначальное пространство экзаршескихъ полномочій Кесарійскаго митрополита.

Эти полномочія возникли въ связи съ общимъ развитіемъ власти экзарховъ въ Греко-восточной Церкви, въ томъ числѣ и экзарха, или высшаго митрополита, въ Понтійскомъ діоцезѣ, расположенномъ въ восточной части Малой Азіи, съ главнымъ городомъ Кесаріей Каппадокійской³¹): митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, какъ видно и изъ толкованія Іоанна Зонары

²⁹) См. карту „Средневѣковаго эллинизма“ въ атласѣ † проф. К. Панапригопула къ его „Ιστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους“. Ἀθήναι 1887. Ср. проф. Н. А. Скабалановичъ, 207—208.

³⁰) Ἐπειδὴ αἱ κατὰ τὸν τόπον τῆς Ἀνατολῆς ἀγιώταται μητροπόλεις, ἡ τῆς Σεβαστείας δὲ γλονότι, ἡ τῶν Εὐχαϊτῶν, ἡ τοῦ Ἰκονίου, ἡ τοῦ Μωκησοῦ καὶ ἡ ἀγιωτάτη ἀρχιεπισκοπὴ Ναζιανζῶς ἀμοιροῦσι γνησίων ἀρχιερέων ἐπὶ χρόνον ἤδη συχνόν., ἡ μετριότης ἡμῶν... ἐπέτρεψε καὶ ἀνέθετο τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Καισαρείας, ὑπερίμῳ καὶ ἐξάρχῳ πάσης Ἀνατολῆς κτλ. *Μ. et Μ.*, I, 143. Ср. *ibid.* 471, 537.

³¹) *Le Quien*, *Oriens christianus*, I. 365.

на 17-е правило четвертаго вселенскаго собора, имѣть право, какъ экзархъ округа³²⁾, судить епископовъ, а равно пользовался и административными полномочіями. Но такія специально экзаршескія полномочія Кесарійскаго митрополита исчезли вмѣстѣ съ возвышеніемъ Константинопольскаго патріарха, власть котораго подавила вообще развитіе экзархатовъ Понтійскаго, Асійскаго и Θρακійскаго³³⁾. На эту давность реальныхъ экзаршескихъ правъ Кесарійскаго митрополита указалъ и Іоаннъ Зонара. Въ его эпоху, равно какъ и въ позднѣйшую, митрополитъ Кесарійскій выступаетъ, какъ «экзархъ всего Востока», уже съ инымъ назначеніемъ. Говоря вообще, — ему принадлежало наблюденіе и исполненіе патріаршихъ правъ (ἡ ἐπισκοπὴ καὶ διεξαγωγή τῶν πατριαρχικῶν δικαίων) въ митрополіяхъ «Востока». Въ частности же экзархъ, канонически наблюдая и исполняя патріаршія права по полномочію патріарха, долженъ былъ заботиться, чтобы во вѣрренныхъ его экзаршескому вѣдѣнію епархіяхъ не совершалось ничего чуждаго христіанскому общежитію, но все происходило согласно господствующимъ узаконеніямъ и письменнымъ установленіямъ, и чтобы въ патріаршіихъ монастыряхъ и прочихъ подобныхъ же храмахъ возносилось и поминалось имя современнаго патріарха; затѣмъ, церковныя и духовныя дѣла, возникающія въ этихъ монастыряхъ и храмахъ, должны разслѣдоваться и исправляться экзархомъ, при чемъ никто изъ лицъ посвященныхъ, монаховъ и прочихъ христіанъ, равно изъ мѣстныхъ архіереевъ не долженъ препятствовать ему или беспокоить его при исполненіи и соблюденіи здѣсь патріаршихъ правъ, а напротивъ, — всѣ обязаны многоразлично содѣйствовать ему и помогать въ исполненіи возложеннаго на него служенія. Если же умереть кто-либо изъ мѣстныхъ архіереевъ, то по общему мнѣнію и обсужде-

³²⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 260: Ελέγοντο δὲ ἑκτροχοὶ καὶ ἑτεροὶ, ἧγουν ὁ Καισαρείας, Καππαδοκίας, καὶ ὁ Ἐφέσου, καὶ ὁ Θεσσαλονίκης, καὶ ὁ Κορίνθου, οἷς λέγεται διὰ τοῦτο καὶ προνόμιον δοθῆναι, πολυσταύρια φορεῖν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις αὐτῶν κτλ.

³³⁾ Объ экзархахъ см. также: *Zhishman*, Die Synoden und die Episkopalämter in der morgenlandischen Kirche S. 158—160. Wien 1867; проф. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви, III, 216—222; проф. Н. С. Бердниковъ, Краткій курсъ церковнаго права, стр. 150. Казань 1888; проф. Н. С. Суворовъ, Учебникъ церковнаго права, стр. 37—39. М. 1902; П. Липинъ, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-каноническій очеркъ, стр. 234—235. Казань 1909.

нію прочихъ сосѣднихъ архіереевъ надлежало избрать, подъ предсѣдательствомъ экзарха, наиболѣе соотвѣтствующаго изъ клириковъ этой перкви для временнаго управленія и завѣдыванія дѣлами этой епархіи, а затѣмъ происходило избраніе и другого способнаго и достойнаго лица для архіерейскаго сана, не имѣющаго никакого каноническаго препятствія, и этотъ кандидатъ, снабженный грамотою и свидѣтельствами экзарха и сосѣднихъ архіереевъ посылался въ Константинополь, дабы предстать здѣсь предъ священнымъ синодомъ и получить представленіе на вакантную архіерейскую каѳедру. Экзархъ получалъ право наблюдать и за патріаршими монастырями въ предѣлахъ его епархіи³⁴). Кромѣ того, экзархъ-митрополитъ, получая патріаршія экзаршескія права (πατριαρχικὰ ἐξαρχικὰ δίκαια), долженъ былъ заботиться о духовной пользѣ находящихся въ ввѣренныхъ ему мѣстностяхъ клириковъ, монаховъ и мірянъ, учить и наставлять ихъ, какъ слѣдуетъ жить похристіански, а всѣ жители обязаны были оказывать ему надлежащую честь, послушаніе и повиновеніе во всемъ, что служить къ ихъ пользѣ, а иногда — и давать ему каноническій взносъ и платить другіе доходы, которые они должны были представлять Великой Христовой церкви³⁵). Затѣмъ, митрополитъ, какъ получившій всю экзархію патріаршихъ правъ (τὴν ἀντίκρουσαν πᾶσαν ἐξαρχίαν τοῖς πατριαρχικοῖς δίκαιοις), долженъ былъ наблюдать за всѣми монастырями, находившимися въ данной мѣстности въ положеніи патріаршихъ, учить подвижающихся здѣсь монаховъ, чтобы они проводили жизнь боголюбезную и согласно обѣту, оказывать покровительство повинующимся и врачевать непослушныхъ мѣрами то кроткими, то болѣе строгими, — поставлять въ монастыряхъ игуменовъ, кого самъ признаетъ изъ находящихся здѣсь монаховъ болѣе пригодными для такого служенія, наблюдать за имуществами и предметами, принадлежащими монастырямъ, и внушать всѣмъ служащимъ здѣсь и работающимъ, чтобы они беззаконно не прикасались къ священному, помня смерть наказанныхъ за корыстолюбіе Ананіи и Сапфиры, — священнодѣйствовать въ монастыряхъ и рукополагать по господствующему церковному обычаю, при чемъ всѣ монахи обязаны были повиноваться

³⁴) Miklosich et Müller, Acta, t. I, 83—85.

³⁵) Ibid., I, 257—258. Ср. I, 528.

митрополиту-экзарху во всемъ, что онъ говорить для духовнаго ихъ успѣха и совершенства, а неповинующіеся ему подлежать отлученію (*ἀφορισμός*), которое и можетъ быть митрополитомъ разрѣшено въ случаѣ раскаянія виновныхъ ³⁶⁾). Иногда патріаршій экзархъ, получая право на сборъ денежныхъ доходовъ, обязывался представлять Великой Христовой церкви лишь половину ихъ, удерживая въ свою пользу другую половину, какъ вознагражденіе за свои труды ³⁷⁾). Вообще же экзархъ долженъ былъ поступать во всемъ согласно акривіи священныхъ канонѣвъ ³⁸⁾).

Наряду съ этимъ, Кесарійскій митрополитъ, какъ экзархъ Востока, былъ духовнымъ начальникомъ тѣхъ восточныхъ или малоазійскихъ епископій, которыя были ему подчинены и на которыя распространилась власть его, какъ митрополита определенной области или провинціи. Какъ экзархъ цѣлой группы восточныхъ епископій, митрополитъ Кесаріи Каппадокійской стоялъ во главѣ соборнаго управленія своей провинціи, былъ предсѣдателемъ соборовъ іерарховъ его области и руководителемъ всей административно-судебной ихъ дѣятельности. Онъ же служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ между своимъ митрополичьимъ округомъ и вселенскимъ патріаршимъ престоломъ и, по уполномочію патріарха и священнаго синода, исполнялъ экзаршескія обязанности въ епархіяхъ всего Востока, когда, напримѣръ, возбуждались предъ центральною церковною властію жалобы на тѣхъ или другихъ митрополитовъ восточныхъ митрополичьихъ округовъ или вообще митрополій, и т. п.

Съ такимъ именно характеромъ выступало въ византійскую эпоху и положеніе Кесарійскаго митрополита, какъ экзарха всего Востока. Оно *de jure* сохранилось и въ турецкую эпоху, а въ извѣстной степени могло имѣть и фактическое значеніе, въ силу особаго каждый разъ распоряженія со стороны Константинопольскаго патріарха. Поэтому Кесарійскій митрополитъ и въ XV вѣкѣ титуловался какъ *ὁπέρτιμος τῶν ὑπερτίμων καὶ ἑξάρχος πάσης Ἀνατολῆς* ³⁹⁾),—хотя въ то время, а равно и въ

³⁶⁾ Ibid., I, 328—329. Ср. I, 455—456.

³⁷⁾ Ibid., II, 47—48.

³⁸⁾ Ibid., II, 133—134.

³⁹⁾ *Gelzer*, 636; *И. И. Соколовъ*, *Ἐπαρχιακὰ ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως*, № С, стр. 214. II. 1915.

XVI вѣкѣ онъ не имѣлъ ни одной подчиненной ему епископіи ⁴⁰). Это отмѣчено и въ Notitia отъ XVII вѣка: «митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, — сказано здѣсь, — имѣлъ восемь епископій и нынѣ (σήμερον) не имѣетъ ни одной» ⁴¹). Затѣмъ, въ каталогѣ епархій Константинопольской церкви отъ 1710 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской титулуется, какъ «первотронный, пречестный пречестныхъ и экзархъ всего Востока», но подчиненныхъ епископій онъ и тогда не имѣлъ ⁴²). А іерусалимскій патріархъ Хрисанъ въ началѣ своего каталога престоловъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, и вообще заявилъ читателю: «Прежде всего, замѣть, что никто изъ митрополитовъ Востока нынѣ не имѣетъ епископовъ, такъ какъ они совершенно разорены варварскимъ игомъ» ⁴³). Лишившись прежняго величія и власти, подписываясь какъ ἐπίσκοπος или ταπεινός ⁴⁴), митрополитъ Кесаріи Каппадокійской ⁴⁵) и въ послѣдующее время оставался «первотроннымъ» и титуловался «пречестнымъ пречестныхъ и экзархомъ всего Востока» ⁴⁶). Лишь отъ 1797/8 г. имѣется свѣдѣніе, что въ Кесарійской митрополіи былъ титулярный—ἐπί ψιλῷ ὀνόματι—епископъ Назіанза» ⁴⁷). Не пользуясь фактической властью, этотъ епископъ, однако, возстановилъ порванную временемъ и обстоя-

⁴⁰) И. И. Соколовъ, 'Επαρχιακὰ κτλ., № VII, σ. 15.

⁴¹) Gelzer, 638.

⁴²) И. И. Соколовъ, 'Επαρχιακὰ, № CXII, σ. 240.

⁴³) Χρυσάνθου, τοῦ μακαριωτάτου πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων, Συνταγμάτων, σ. 55'. 'Εν Τεργεβούστῳ 1714.

⁴⁴) *Historia Patriarchica*, 1848; *Regel*, *Analecta byzantino-russica*, 77. Petropoli 1891.

⁴⁵) Впрочемъ, въ документѣ 1561 г. митрополитъ Макарій подписался—«Κεσαρίας καὶ Καππαδοκίας» (*Regel*, 77).

⁴⁶) De graecae ecclesiae hodierno statu epistola auctore Thoma Smitho, editio nova, p. 61. Trajecti ad Rhenum 1698; 'Α. Παπαδόπουλος Κερμαεύς, Ταχτικὸν τῶν ὀρθόδοξων ἐκκλησιῶν τῆς Ἀνατολῆς καὶ κατάλογος ἀρχιερέων ἀκμασάντων ἐν αὐταῖς μεταξύ τοῦ ΙΖ' καὶ ΙΗ' αἰῶνος (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, III, 469); Χρυσάνθος, 55'. Русскій переводчикъ „Συνταγμάτων“ патріарха Хрисанѳа приписалъ Кесарійскому митрополиту слѣдующій титулъ: „Первопрестольный митрополитъ Кесаріи и Каппадокіи, первостепенный надъ первостепенными и патріаршаго престола первоблюстителъ во всей Азій“ (*Описание Четырехъ Вселенскихъ (sic) Патріаршихъ Престоловъ: Константинопольскаго Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго*, стр. 3. Спб. 1784).

⁴⁷) И. И. Соколовъ, К. Ц., I, *приложенія*, № CCXIV, стр. 144.

тельствами историческую связь между позднѣйшимъ положеніемъ Кесарійской митрополіи и прошлою ея судьбою ⁴⁸⁾).

* * *

Назіанъ (Ναζιανζός)—городъ въ Каппадокійской области, на юго-западъ отъ Кесаріи и Синассоса (въ 10 ч. пути) и на югъ отъ Мокиса, по направленію къ Тіанамъ, нынѣ село Нинези, къ востоку отъ озера Татта (Тузь-Гкіюлу) въ Иконійской митрополіи.

По Notitiae св. Епифанія и Льва Мудраго Назіанъ составлялъ епископію не Кесаріи или Тіанъ, а митрополіи Мокиса (на первомъ мѣстѣ изъ четырехъ). При императорѣ Романѣ Діогенѣ (1067—1071 г.) городъ былъ возведенъ въ митрополію ⁴⁹⁾, занялъ 74-е, потомъ 72-е мѣсто въ синтагматіонѣ, но подчиненныхъ епископій не имѣлъ ⁵⁰⁾. И въ Н. двухъ Андрониковъ Назіанъ исчисляется въ составѣ митрополій. Между тѣмъ, въ грамотѣ патріарха Исаи и священнаго синода отъ января 1327 г., которою митрополиту Кесаріи былъ пожалованъ κατὰ λόγον ἐπίδοσις и Назіанъ, послѣдній называется «ἡ ἀνωτάτη ἀρχιεπισκοπή», при чемъ и отмѣчается, что здѣсь долго не было своего законнаго архіерея, вслѣдствіе нашествія нечестивыхъ враговъ ⁵¹⁾. Очевидно, упадокъ епархіи былъ такъ великъ, что Назіанъ, не имѣвшій, какъ и многіе другіе престолы, подчиненныхъ епископій, мыслился въ сознаніи дѣятелей патріаршей канцеляріи не митрополіей, а простою архіепископіею ⁵²⁾,—такъ какъ въ существующихъ матеріалахъ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно формальнаго низведенія Назіанза на степень архіепископіи ⁵³⁾. Но въ ноябрѣ 1370 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской Аѳанасій получилъ отъ священнаго синода, по тому же мотиву пожалованія, уже не архіепископію, а митрополію Назіанза ⁵⁴⁾: патріаршая канце-

⁴⁸⁾ Отмѣтимъ, между прочимъ, что 25 декабря 1768 г. изъ монастыря Варлаама на Метеорахъ уѣхалъ Кесарійскій митрополитъ Паисій, который жилъ здѣсь въ изгнаніи свыше двухъ лѣтъ (А. П.—Κεραμεύς, Θεσσαλικά σημειώματα. Ἐπετηρίς τοῦ Φιλ. Σολ. Πατριάρχου, VI, 142).

⁴⁹⁾ Io. Scylitzes, Historia, 705 10—11. В.

⁵⁰⁾ Gelzer, 586—587; ср. Zachariae, III, 513 (отъ 1187 г.): ἡκολούθουν αὐτῷ καὶ τινες τῶν μητροπολιτῶν, ὅτε Μηθύμνης, ὁ Ναζιανζοῦ, ὁ Παροναζίας καὶ ἑτεροι.

⁵¹⁾ M. et M., I, 143. Ср. 468.

⁵²⁾ Ср. Gelzer, 586—587.

⁵³⁾ Le Quien, I, 413—414.

⁵⁴⁾ M. et M., I, 536.

лярія исправила ошибку, допускавшуюся раньше. Но и отъ этого положеніе разоренной митрополіи Назіанза не улучшилось и она во второй половинѣ XV в. прекратила свое бѣдственное существованіе, будучи присоединена по частямъ къ сосѣднимъ Кесарійской и Иконійской митрополіямъ. И въ послѣдующее время епархія Назіанза не была возстановлена, сохранивъ лишь свое наименованіе для титулярнаго епископа Кесарійской митрополіи.

И. Соколовъ.

Епархія Константинопольской церкви въ XV—XVIII в.

ЕПАРХІИ Константинопольской церкви по территориальному своему положенію раздѣлялись на восточныя и западныя. *Восточными* епархіями (αἱ ἀνατολικαὶ ἐπαρχίαι) назывались тѣ, которыя находились къ востоку отъ Константинополя, т. е. въ Малой Азіи или Анатоліи, на «Востокѣ» (ἡ Ἀνατολή) въ собственномъ смыслѣ. *Западными* же епархіями (αἱ δυτικαὶ или δυτικαὶ ἐπαρχίαι) именовались тѣ, которыя были расположены къ западу отъ Константинополя, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ вообще, на западѣ (ἡ δύσις) вселенскаго партріархата въ собственномъ смыслѣ. Кромѣ того, изъ состава западныхъ епархій иногда выдѣлялись—въ специальной церковной терминологіи—епархія въ Пелопоннисѣ или «Пелопоннисъ» (ἡ Πελοπόννησος) въ собственномъ смыслѣ. Отмѣченные отгѣнки въ распредѣленіи епархій, а вмѣстѣ и архіереевъ Константинопольскаго престола встрѣчаются въ историческихъ извѣстіяхъ, относящихся къ XV и XVI вѣкамъ ¹⁾, при чемъ преемство отъ византий-

¹⁾ Объ избраніи патріарха Нифонта II въ 1486 г. сказано: συνεκροτήθη σύνοδος ἀπὸ τε τῶν ἀνατολικῶν καὶ τῶν δυτικῶν ἀρχιερέων (Historia Politica, 58¹⁰—11; Ecthesis Chronica (ed. Lampros), 45¹¹—12; Πατριαρχεύσας δὲ ὁ κὺρι Συμεὼν ἔτη ἑξ ἑτελεύτησε. Συνόδου αὖν γενομένης, ἦλθον πάντες οἱ ἀρχιερεῖς Δύσεως καὶ Ἀνατολῆς. Ср. Ἀνώνομος, Σύνοψις χρονική, 594 (Σάφας, М. В., VII); Ἀθανάσιος Κομνηνός: Ὑψιφάντης, τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν, 30; Κωνστ. 1870. Изъ избраніи патріарха Ιωσαφα II въ 1555 г. говорится: Ἀκούσαντες οἱ ἀρχιερεῖς τὸν θάνατον τοῦ πατριάρχου (Διονυσίου II) ἔδραμαν πολλοί, καὶ ἀπὸ τῆς ἀνατολῆς τὸ μέρος καὶ ἀπὸ τῆς δύσεως καὶ συνόδου γενομένης κτλ. (Historia Patriarchica, 178—179). О соборѣ при томъ же патріархѣ въ январѣ 1565 г. источникъ

ской эпохи въ данномъ отношеніи несомѣнно²⁾. Но въ «чинахъ» или каталогахъ митрополій дѣйствовали и примѣнялись другія основанія для послѣдовательнаго ихъ распредѣленія и порядка, заключавшіяся то въ болѣе раннемъ фактическомъ подчиненіи той или иной епархіи Константинопольскому патріарху, скрывавшемся въ глубинѣ вѣковъ, то въ церковно-гражданскомъ значеніи и возвышеніи кафедральнаго города, то въ территоріальной близости епархіи къ Константинополю, какъ центру патріаршаго и синодально-соборнаго управленія, то во времени возникновенія епархіи въ силу внутреннихъ самобытныхъ потребностей церковнаго строя, или выдѣленія подчиненной епископіи на степень самостоятельной архіепископіи, а потомъ и митрополіи, и прочее. Впрочемъ, въ каталогахъ отъ второй половины XV в. и въ послѣдующихъ мотивы возникновенія и возвышенія многихъ епархій остаются для изслѣдователя уже въ значеніи вполнѣ опредѣлившагося церковнаго факта, выступающаго лишь въ конкретномъ отображеніи регламентированнаго церковною властью τὰς αἰῶνας или каталога, но, съ другой стороны, церковное творчество развивалось въ нашу эпоху и въ отношеніи то дополненія и исправленія уже существующихъ каталоговъ епархій, то самостоятельнаго и критическаго ихъ составленія какъ въ виду древней и прежней санкціи ихъ офіціального распорядка, такъ и по руководству новыхъ церковныхъ для этого основаній и при свѣтѣ конкретныхъ данныхъ того или иного періода въ историческомъ положеніи Великой Христовой церкви.

заявляютъ: Καὶ ἀπέστειλε (ὁ πατριάρχης) καὶ ἐβούλετο ὅλους τοὺς ἀρχιερεῖς τῆς ἀνατολῆς, τῆς δούσεως καὶ τῆς Πελοποννήσου (ibid., 180^{14—16}). А въ заключеніе подписей опредѣленія этого собора сказано: Τέλος τῶν ὑπογραφῶν τῶν ἀρχιερέων τῆς ἀνατολῆς, τῆς δούσεως καὶ τῆς Πελοποννήσου (ibid., 187^{8—9}). Любопытно также отмѣтить, что въ декабрѣ 1605 г. при патріархѣ Рафаилѣ II состоялось избраніе новаго Мврѣ-Ликійскаго митрополита Матеея въ соотвѣтствіи съ новеллою византійскаго императора Алексѣя I Комнина (отъ 1094 г.), въ силу которой архіереи должны были назначаться и въ восточныя епархіи (ἐν ταῖς ἀνατολικαῖς ἐπαρχίαις), хотя бы они фактически и не могли вступить въ управленіе своими церквами (Σάβας, М. В., III, 554. Ср. Zachariae u. Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, 384—385).

²⁾ Miklosich et Müller, Acta, I, 143; II, 133.—Раздѣленіе епархій или церквей на восточныя и западныя существовало еще въ IV вѣкѣ (проф. рот. П. И. Лепорскій, Исторія Фессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату, стр. 7—8. П. 1901).

По своему существу новая законодательная дѣятельность церкви, поскольку она проявлялась въ составленіи, дополненіи и исправленіи каталоговъ епархій, примыкала къ правообразующему церковному началу византійской эпохи и неразрывно была связана съ установившимся въ прежнее время типомъ церковнаго въ этомъ направленіи строительства. Но живая историческая дѣйствительность XV—XVIII в. выдвинула, въ свою очередь, рядъ весьма интересныхъ фактическихъ иллюстрацій къ основнымъ мотивамъ этого созидательнаго церковнаго труда и представила многогранное преемство для прежнихъ аналогій, свидѣтельствующее о внутренней силѣ законодательнаго церковнаго творчества и о конкретномъ обновленіи и оживленіи въ области епархіальнаго управленія во вселенскомъ патріархатѣ, поскольку дѣло касается даже сухого и—на первый взглядъ—малосодержательнаго исчисления подчиненныхъ епархій. Проявленія этой внутренней силы и сокровенной жизни и будутъ отчасти раскрыты нами въ обзорѣ состава епархій по санкціонированному церковью каталогу второй половины XV в., въ связи съ позднѣйшими—до конца XVIII в.—въ этой области нарастаніями и измѣненіями, касающимися какъ митрополій и подчиненныхъ имъ епископій, такъ и архіепископій.

I. Кесарія.

Кесарія (ἡ Καισάρεια, тур. Kaissarié)—главный городъ провинціи (ἐπαρχία) Каппадокіи (Великой) въ Понтѣ, потомъ еемы Харсіанской (ἡμεῖς Харσιανόν)³⁾, въ южной ея части, близъ горы Аргейской, нынѣ—главный городъ Кесарійскаго санджака и казы въ Анкирскомъ вилаетѣ, расположенный на разстояніи одной мили отъ древняго города Кесаріи, развалины котораго и нынѣ сохраняются⁴⁾.

³⁾ *Constantinus Porphyrogenitus*, De thematibus, lib. I, p. 20. Bonnae; К. Παπαρρηγόπουλος, Πίνυξ τοῦ μεσαιωνικοῦ ἑλληνισμοῦ. Ἀθήναι: 1887; проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 203. П. 1884.

⁴⁾ Professor W. Ramsay, The Historical Geography of Asia Minor, p. 267 etc. London 1890; *Heinrich Kiepert*, Lehrbuch der alten Geographie, S. 92—96; Berlin 1878; *Albert Forbiger*, Handbuch der alten Geographie, B. II, S. 291, 297—298. Hamburg 1877; проф. С. А. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной Церкви до IX в., вып. I, стр. 246—249. Казань 1899. *Ber-*

Митрополія Кесаріи Каппадокійской занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ извѣстныхъ *Notitiae episcopatum*—съ именемъ св. Епифанія, архіепископа Кипрскаго († 403)⁵⁾, съ именемъ императора Льва VI Мудраго⁶⁾, времени императора Іоанна Цимисхія (969—976)⁷⁾, императора Андроника II Палеолога и императора Андроника III Палеолога. Это первенство обусловливается тѣмъ, что Кесарійскій митрополитъ подчинился Константинопольскому патриарху раньше, чѣмъ митрополиты другихъ діоцезовъ⁸⁾. Поэтому Кесарійскій митрополитъ по-

nardakis, Notes sur la topographie de Césarée de Cappadoce (*Echos d'Orient*. 1908 (XI), p. 22—27; *Cuinet*, La Turquie d'Asie, I, 307, etc. Paris 1892; Σταμάτιος Ἀντωνόπουλος, Μικρὰ Ἀσία, σ. 227. Ἀθήναι 1907; Ἀ. Αεβίδης, Ἱστορία τῆς Καππαδοκίας, т. Α'. Ἑκκλησιαστικὴ ἱστορία. Ἀθήναι 1885; Ἀ. Αεβίδης, Αἱ ἐν μοναῖθαις μοναὶ τῆς Καππαδοκίας καὶ Λυκαονίας, σ. 11 κтл. K. 1899.

⁵⁾ Ἐπὶ Εὐφρανίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου ἐκθεσις πρωτοκληριῶν πατριαρχῶν τε καὶ μητροπολιτῶν (*Constantinus Porphyrogenitus*, De cerimoniis aulae byzantinae, I, 791—798. Bonnae 1829; *Parthey*, 150—161; *Gelzer*, 534—542). Ср. Des Euphranios von Cypern „Ἐκθεσις πρωτοκληριῶν πατριαρχῶν τε καὶ μητροπολιτῶν“ armenisch und griechisch herausgegeben von Fr. Nikolaus Finck. Marburg in H. 1902; Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 455—464.— „Изложение“ св. Епифанія Кипрскаго въ изданныхъ редакціяхъ нужно отгосить къ VII в.

⁶⁾ Τὰς τῶν ὑποκειμένων μητροπόλεων τῷ ἀποστολικῷ καὶ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῆς θεοφυλάκτου καὶ βασιλίδος Κωνσταντινουπόλεως Ἀβτῇ ἡ τάξις ἐκ συνοδικῆς διακέψεως τὸ ἀκριβὲς εἰλήφει, καθὼς τῇμερον ἐν τῷ ἱερῷ χαρτοφυλακίῳ ἀναγέγραπται“ (*Gelzer*, 550—559), или: „Περὶ γέροντος τοῦ Χοροῦ, ὅπως ἔχουσι τάξεις οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν, τῶν ὑποκειμένων τῷ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως“ (Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 474—486; *Parthey*, 95—101). Этотъ каталогъ въ опубликованныхъ редакціяхъ относится къ XI в. Θεόδωρ Вальсамонъ въ толкованіи на 86 (95)-е правило Карѳагенскаго собора (419 г.) говоритъ: „Какъ кажется, въ то время еще не были приведены въ порядокъ и опредѣлены престолы церквей, и вслѣдствіе этого отцы опредѣлили, чтобы пользовались предпочтеніемъ тѣ [епископы], которые раньше были хиротонисаны. А нынѣ это не дѣйствуетъ, но престолы церквей пользуются честью согласно составленному царемъ Львомъ Мудрымъ уставу, находящемуся въ хартофилакии святѣйшей великой Божіей церкви“ (Ράλλης καὶ Ποτлῆς, III, 516).

О составѣ Кесарійской митрополіи въ эпоху IX—XI в. свѣдѣнія сообщаетъ *Henri Grégoire*, L'évêché cappadocien d'Aragina (*Bυζαντίς*, 1909 (I), 51—56).

⁷⁾ Τὰς τῶν ὑποκειμένων μητροπόλεων τῷ ἀποστολικῷ καὶ πατριαρχικῷ θρόνῳ τῆς θεοφυλάκτου καὶ βασιλίδος Κωνσταντινουπόλεως“ (*Gelzer*, 569—572).

⁸⁾ *Le Quien* относитъ этотъ фактъ ко [времени императора Зинона (474—491 г.) и патриарха Акакія (471—489) (*Oriens christianus*, I, 364. Parisiis 1740).

лучилъ наименованіе «*πρωτόθρονος*—первотронный»⁹⁾ и ему принадлежалъ первый престолъ [*πρῶτος θρόνος*] въ ряду каедръ прочихъ митрополитовъ Константинопольской церкви, равно и первое мѣсто во время богослуженій, на соборахъ, въ засѣданіяхъ священнаго синода и въ другихъ церковныхъ и пныхъ собраніяхъ.

Умѣстно при этомъ отмѣтить, что о порядкѣ возсѣданія (*περί τῆς κατὰ τὴν καθεδρὰν τάξεως*) митрополитовъ и архіепископовъ, соотвѣтственно официальной записи въ патріаршей хартофилакии, сдѣлалъ постановленіе византійскій патріархъ Николай Мистикъ († 925 г.). Города, которые почтены достоинствомъ архіерейства,—говорится въ этомъ постановленіи,—и въ которыхъ священные пастыри проручествуются отъ патріаршей десницы, надлежало бы записывать здѣсь [въ хартофилакии], какъ заключающіеся въ предѣлахъ нѣкоторой ограниченной вселенной и безпрепятственно представляемые для [свѣдѣнія] каждаго желающаго. Съ другой стороны, основаніе по порядку располагать въ особомъ официальном спискѣ города, принадлежащіе безкровной власти, заключается въ томъ, что [тогда] предстоительство надъ ними и чинъ ихъ сдѣлаются вполнѣ ясными и извѣстными всѣмъ остальнымъ. Вмѣстѣ съ городами, находящимися къ востоку солнца, записываются и тѣ, которые находятся къ западу: вѣдь мы издавна и до настоящаго времени еще не поставили ихъ въ спискѣ съ остальными, а между тѣмъ изъ нихъ тѣ, которымъ была ввѣрена ефорія¹⁰⁾, когда время призывало къ каедрамъ, отталкивались пребывающими въ одинаковомъ чинѣ, и они, въ свою очередь, толкали этихъ—увы, какая дерзость—съ равною силой сопротивленія. Но когда христілюбивый благочестивѣйшій царь нашъ предсѣдательствовалъ вмѣстѣ съ

⁹⁾ *Zachariae a Lingenthal, Jus graeco-romanum*, III, 512. —Другія историческія данныя о „первотронномъ“ митрополитѣ Кесаріи сообщаются въ нашемъ изслѣдованіи „Избраніе патріарховъ въ Византію съ половины IX до половины XV в.“, стр. 141—142. П. 1907. Ср. *Ducange, Glossarium graecitatis*, I, 498.—Σωκρ. Κορυέας въ специальномъ трудѣ „Ὁ Καισαρείας Ἀρχιεπίσκοπος καὶ τὰ ἔργα αὐτοῦ“ (Αθήναι 1913) не входитъ въ подробности ни о церковномъ положеніи Кесаріи въ ряду прочихъ митрополій византійской церкви X в., ни о специальномъ значеніи „первотроннаго“ ея іерарха.

¹⁰⁾ Ефорія—въ данномъ случаѣ участіе въ общихъ для епископовъ, какъ церковныхъ ефоровъ, официальныхъ собраніяхъ.

нами въ честномъ храмѣ святой Ирины ¹¹⁾, гдѣ мы совершали память славныхъ патріарховъ, а съ нимъ [присутствовали] и боголюбезные митрополиты, то мы, обсудивши совмѣстно съ ними право чести (αἰδέσιμον) каждаго престола, предоставили всѣмъ соотвѣтствующее мѣсто, какъ и показываетъ настоящій чинъ (τάξις), со всѣмъ вниманіемъ написанный по нашему побудительному слову. Вѣдь намъ казалось неумѣстнымъ, что служители алтаря спорятъ изъ-за первенства и ради славы, которая есть безславіе; лучше же сказать,—оскорблять честь архіерейства предъ всѣмъ прочимъ есть позоръ (αἰσχύνη). Мы должны заботиться только о безсмертной славѣ, которая недоступна увяданію, но всегда цвѣтетъ, украшаетъ своихъ почитателей и возвеличиваетъ нетлѣннымъ прославленіемъ ¹²⁾.

Представленный документъ имѣетъ важное значеніе. Онъ проливаетъ свѣтъ на составленіе того «чина», или «устава» подчиненныхъ Константинополю митрополій, который извѣстенъ съ именемъ императора Льва Мудраго и въ своемъ существѣ относится къ X в. Несомнѣнно, въ изложеніи этого

¹¹⁾ О храмѣ св. Ирины сообщаютъ: академикъ *Н. П. Конбаковъ*, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 128 и сл. (Одесса 1886); *Д. Θ. Буляевъ*, Byzantina, II, 235. П. 1893.

¹²⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς. Σύστασις, V, 473; Parthey, 321 — 322.—*М. Γεζεών* (П. П., 319) приписываетъ составленіе каталога кафедръ и изложенное распоряженіе патріарху Алексію Студиту (1025—1043 г.), но не представляетъ доказательствъ для своего утвержденія. Проф. *Н. А. Скабалановичъ* (Византійское государство и церковь въ XI в. П. 1884) также ничего не говоритъ о такомъ дѣяніи патріарха Алексія. Въ виду того, что изложенное анонимное патріаршее распоряженіе соединяется съ τάξις-омъ архіерейскихъ престоловъ, извѣстнымъ съ именемъ императора Льва VI Мудраго, представляется возможнымъ приписывать его именно Николаю Мистіку (ср. *Constantinus Porphyrogenitus*, De cerimoniis, p. 739, 790),—тѣмъ болѣе, что раскрываемыя нами другія историческія данныя побуждаютъ приурочивать этотъ административный актъ къ періоду оживленной законодательной дѣятельности въ Византіи въ IX—X в. и не отодвигать его—вслѣдъ за г. Гедеономъ—на цѣлое столѣтіе отъ этого знаменательнаго времени [ср. *Н. Поповъ*, Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи, стр. 256. М. 1892: здѣсь въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ указываются территоріальныя границы Константинопольскаго патріархата при Львѣ Мудромъ; проф. *В. Н. Бенешевичъ*, Очерки по исторіи Византіи, в. II, стр. 45—46. П. 1912: излагается—по *І. В. Вугу*—содержаніе патріаршаго распоряженія съ нѣкоторыми уклоненіями отъ греческаго текста].

чина принимала участіе и церковная власть—въ лицѣ патріарха Николая Мистика и священнаго при немъ синода митрополитовъ. Это обуславливалось принципомъ симфоніи, заложеннымъ въ основѣ системы взаимоотношеній церкви и государства въ Византіи, и вызывалось существомъ предмета, касавшагося интересовъ и церкви, и государства. Затѣмъ, нужда въ новомъ таксисѣ была безспорна и вызывалась фактическимъ состояніемъ Византійской церкви. Еще въ тридцатыхъ годахъ VIII в. въ предѣлы вселенскаго патріархата былъ включенъ обширный Восточный Иллирикъ съ многочисленнымъ составомъ іерарховъ, признавшихъ надъ собою юрисдикцію константинопольскаго предстоятеля. Надлежало и ихъ каедръ внести въ общій синтагматіонъ, во избѣжаніе и факческаго безпорядка въ общенерковныхъ собраніяхъ: случалось, что митрополиты восточныхъ епархій удалялись съ своихъ каедръ равночестными имъ митрополитами епархій западныхъ, раньше принадлежавшихъ къ Иллирику,—и такое столкновение вызывало соблазнъ среди народа, да и по существу не соотвѣтствовало характеру и назначенію архіерейскаго служенія. Составленіе новаго «чина» совпало и съ періодомъ оживленной законодательной дѣятельности въ Византіи, относящимся къ царствованію Македонской династіи: тогда не только церковное самоопредѣленіе достигло наивысшей степени развитія, но и византинизмъ, какъ система самобытной культуры, сдѣлался объектомъ глубокаго всеобщаго опознанія и выразился въ расцвѣтѣ мощныхъ внутреннихъ силъ. Въ связи съ общимъ возрожденіемъ въ Византіи и въ соотвѣтствіи съ фактическими запросами и состоялось, при совмѣстномъ участіи церковной и государственной власти, составленіе особаго регламента для установленія права чести каждаго изъ митрополитовъ и архіепископовъ, подчиненныхъ вселенскому патріаршему престолу, и для опредѣленія порядка ихъ возсѣданія во всѣхъ официальныхъ собраніяхъ. Регламентъ приобрѣлъ для послѣдующаго времени значеніе дѣйствующаго закона, сохранившаго свою силу—въ разныхъ отношеніяхъ—и въ турецкую эпоху исторіи Константинопольской церкви.

Въ «изложенія» или каталогѣ съ именемъ св. Епифанія указываются пять городовъ или епископій, которыя были подчинены митрополиту Кесаріи Каппадокійской, въ таксисѣ императора Льва Философа исчисляются по одной редакціи восемь, а по другой—пятнадцать епископій, подчиненныхъ тому

же митрополиту, но въ изложеніяхъ императоровъ Андроника II и Андроника III вовсе не указаны подчиненныя Кесарійской митрополіи епископіи. И дѣйствительно, въ XIV и въ первой половинѣ XV в. Кесарійская митрополія находилась въ печальномъ положеніи, вслѣдствіе занятія области турками. Въ связи съ этимъ, въ январѣ 1327 г. состоялось важное административное распоряженіе вселенскаго патріарха Исаіи и священнаго при немъ синода, въ силу котораго митрополитъ Кесаріи получилъ во временное управленіе и для пользованія доходами (*κατὰ λόγον ἐπιδόσεως*) митрополіи на Востокъ—Севастію, Евхаитъ, Иконія и Мокиса и архіепископію Назіанза. Эти епархіи,—какъ сообщаетъ синодальное дѣяніе,—были уже продолжительное время лишены законныхъ архіереевъ, вслѣдствіе господствовавшего безпорядка и ненормальности въ политическомъ положеніи, возникшихъ отъ нашествія безбожныхъ враговъ (турокъ), и поэтому мѣстная православная паства не имѣла архіерейскаго попеченія, наблюденія и освященія. Вслѣдствіе затрудненія назначить сюда архіереевъ, патріархъ и священный синодъ и возложили на митрополита Кесаріи, пречестнаго и экзарха всего Востока, какъ находящагося вблизи этихъ епархій, завѣдываніе митрополіями Севастіи, Евхаитъ, Иконія и Мокиса и архіепископіей Назіанза и управленіе по основанію пожалованія. Онъ долженъ былъ наблюдать за епархіями и за всѣми ихъ имуществами и вещами, духовно надзирать и пасти клиръ и весь народъ, рукополагать для нихъ діаконѡвъ и пресвитерѡвъ и возводить согласно церковному и каноническому преданію и совершать все остальное, что свойственно законнымъ архіереямъ, но, конечно, безъ возсѣданія на священномъ сопребстоли (ἀνευ μέντοι τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐγκathedρώσεως). Клирики этихъ церквей и всѣ христіане должны подчиняться ему и повиноваться, принимать и исполнять его духовныя наставленія и руководства, полезныя для духовнаго спасенія. А если будетъ избранъ законный архіерей въ одну изъ указанныхъ епархій, то Кесарійскій митрополитъ долженъ удалиться отсюда и уступить ему завѣдываніе и архіерейское управленіе ¹³⁾.

¹³⁾ *Miklosich et Müller*, Acta, I, 143—144. Ср. Ράλλης καὶ Ποτλῆς, I, 53 (Номоканонъ патріарха Фотія, тит. I, гл. 13), III, 156—157 (толкованіе Θεοδора Вальсамона на 16-е правило Антиохійскаго собора—въ связи съ значеніемъ „пожалованія“ празднои епархіи).

Но Кесарійскій митрополитъ, какъ и другіе іерархіи Востока, проживалъ большею частью въ Константинополѣ. Въ октябрѣ 1352 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской Василій Карантиносъ принесть жалобу императору Іоанну VI Кантакузину на патріарха Каллиста I, при чемъ эта жалоба оказалась несправедливою. По распоряженію императора, въ Никейѣ надлежало созвать соборъ епископовъ для суда надъ Кесарійскимъ митрополитомъ, при участіи Антіохійскаго патріарха Пахомія. На соборѣ Антіохійскій патріархъ подаль голосъ относительно лишенія Кесарійскаго митрополита всякаго священнаго сана¹⁴⁾. Въ 1365 г. патріархъ Филоеѣ и священный синодъ вновь присоединили къ митрополіи Кесаріи, по мотиву пожалованія (*κατ' ἐπίδοσιν*), митрополіи Севастіи, Иконія и Мокиса и архіепископію Назіанза, а также митрополію Тіанъ, въ виду избранія на Кесарійскую кафедру киръ Мееодія¹⁵⁾. Въ синодальныхъ актахъ этого времени Кесарійскій митрополитъ поставленъ на первомъ мѣстѣ изъ всего состава священнаго синода¹⁶⁾. Въ ноябрѣ 1370 г. на митрополію Мокиса былъ избранъ киръ Іоанникій, который и далъ патріарху Филоеѣ и священному синоду письменное обѣщаніе въ томъ, что постоянно будетъ проживать въ своей епархіи¹⁷⁾. Но одновременно патріархъ далъ и грамоту митрополиту Кесаріи, разрѣшавшую ему совершать богослуженія и рукополагать, согласно канонамъ и древнему церковному обычаю, въ томъ случаѣ, если какая либо изъ двухъ митрополій, именно Тіанъ и Мокиса, будетъ вдовствовать¹⁸⁾. Значить, и митрополія Тіанъ въ это время была изъята отъ управленія Кесарійскаго митрополита — въ силу прежняго пожалованія. Но архіепископія (митрополія) Назіанза по прежнему была присоединена къ Кесарійской епархіи¹⁹⁾. А 20 ноября 1370 г. патріархъ Филоеѣ повелѣлъ митрополитамъ Кесаріи Каппадокійской и Мокиса отправиться въ епархію Иконійскую для разслѣдованія незаконныхъ рукоположеній и другихъ дѣлъ, со-

¹⁴⁾ *Zachariae a Lingenthal*, Jus, III, 711—712; *Miklosich et Müller*, I, 322—323. См. *ibid.*, I, 445, 467, 468.

¹⁵⁾ *Miklosich et Müller*, I, 468.

¹⁶⁾ *Ibid.*, I, 476, 477 etc.

¹⁷⁾ *Ibid.*, I, 536.

¹⁸⁾ *Ibid.*, I, 536.

¹⁹⁾ *Ibid.*, I, 536.

вершенныхъ самозванцемъ-епископомъ Павломъ Тагарі²⁰⁾. Кесарія Каппадокійская иногда называлась *великою* (μεγάλη²¹⁾), въ отличіе отъ другихъ малыхъ городовъ съ именемъ Кесаріи, напримѣръ, Фессалійской, Палестинской²²⁾.

Въ византійскую эпоху митрополитъ великой Кесаріи Каппадокійской носилъ титулъ — «пречестный пречестныхъ и экзархъ всего Востока—ὁ πέρτιμος ὑπερτίμων καὶ ἑξάρχος πάσης Ἀνατολῆς»²³⁾. Съ такимъ титуломъ Кесарійскій митрополитъ выступаетъ и въ «Новомъ изложеніи» вселенскаго патріарха Нила отъ 1 сентября 1386/7 года²⁴⁾; въ которомъ была воспроизведена болѣе ранняя церковная практика, именно XIII вѣка²⁵⁾. Точно установить время, когда Кесарійскій митрополитъ получилъ это единственное и исключительное—въ составѣ прочихъ митрополичьихъ титуловъ — наименованіе, представляется затруднительнымъ, хотя и въ срединѣ XII в. онъ еще не имѣлъ этого титула²⁶⁾, — но смыслъ послѣдняго ясенъ.

²⁰⁾ Miklosich et Müller, I, 537—538. О Тагарі говоритъ архіепископъ Арсеній, Исслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви, стр. 19—22. П. 1904. Ср. проф. О. А. Кургановъ, Отзывъ о сочиненіи архіеп. Арсенія, стр. 31—34. П. 1908.

²¹⁾ M. et M., I, 471.

²²⁾ Parthey, 353.

²³⁾ M. et M., I, 471 (1365 г.), 537 (1370 г.).—Въ болѣе раннюю эпоху Кесарійскій епископъ титуловался какъ „μπαριώτατος“ (Le Quien, I, 371, 376, 383), „δυνατός“ (ibid. I, 378) ἑξάρχος τῆς Ποντικῆς διοικήσεως—«экзархъ Понтійскаго діоцеза (ibid., I, 379), „παριώτατος“ (ibid., 388).

²⁴⁾ Ἐκθέσις νέα κтл. Полное заглавіе этого документа таково: „Новое изложеніе того, какъ патріархъ Константинополя нынѣ пишетъ папѣ, прочимъ патріархамъ, архіепископамъ, равно и митрополитамъ и завѣдующимъ мірскими властями,—какой нынѣ чинъ имѣютъ престолы, подчиненные патріарху Константинополя, и какія архіепископіи и епископіи возведены въ достоинство митрополій,—какъ митрополиты пишутъ къ самому патріарху, къ прочимъ патріархамъ и нѣкоторымъ другимъ. Настоящее изложеніе было написано 1 сентября 6895 года, индиктіона десятаго“ (Ράλλη καὶ Ποτλῆς, V, 497—512).

²⁵⁾ H. Gelzer, 611.

²⁶⁾ Въ актѣ собора 26 февраля 1147 г., низложившаго византійскаго патріарха Косму Атика, первую помѣщена слѣдующая подпись: „Κωνσταντῖνος ὁ εὐταλὴς ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Καισαρείας Καππαδοκίας ὑπὲρραψα“ (Ράλλη καὶ Ποτλῆς, V, 309).—Относительно такой подписи свѣдѣнія сообщаетъ † проф. В. В. Болоотовъ, Лекція по исторіи древней церкви, III: Исторія церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, подъ редакціей проф. А. Бриллиантова, стр. 336—339. П. 1913.

Прежде всего, титулъ «ὀβέρτιμος» носили всѣ митрополиты Византійской церкви позднѣйшей эпохи, въ отличіе отъ архіепископовъ и епископовъ, которые этого титула не имѣли. Титулъ указывалъ на особую честь митрополитовъ сравнительно съ архіепископами и епископами, воздававшуюся имъ какъ духовенствомъ, такъ и народомъ. Въ византійскую эпоху этотъ титулъ давался митрополитомъ василевсами²⁷⁾, которые, усвоили себѣ и право возводить и низводить архіерейскіе престолы и вообще измѣнять синтагматіонъ епархій Византійской церкви²⁸⁾.

О положеніи Кесарійской митрополіи въ XI в. см.: проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ, стр. 404—405.

²⁷⁾ Титулъ „ὀβέρτιμος“ въ XI в. получали, по царскому пожалованію, и простые монахи, напр., извѣстный Михаилъ Пселлъ, монахъ Михаилъ, первый министр императора Никифора Вотаіата. Этотъ титулъ считался не ниже гражданскаго титула протопроедра, который занималъ пятое мѣсто въ византійской табели о рангахъ XI в. Титулъ „ипертима“ давалъ право на участіе въ дѣятельности государственнаго сплнкита (проф. Н. А. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 158—159). Императоръ Алексій Комнинъ пожаловалъ титулъ „ипертима“ венеціанскому патріарху—митрополиту Доминику за услуги, оказанныя ему венеціанцами въ борьбѣ съ латинянами (*Anna Comnena*, *Alexias*, I, 286 12. Воннае). Значить, начало пожалованія іерархамъ титула „ὀβέρτιμος“ можно относить къ XI вѣку.

²⁸⁾ Относящійся къ этому вопросу матеріалъ сообщаетъ *Zachariae a Lingenthal*, *Jus graeco-romanum*, III, 60, 224, 241, 300—301, 326, 330, 341, 364 и др. (возвышеніе различными царями епархій). Но въ 1065 г. императоръ Константинъ Дука издалъ хрисовуль о томъ, что царь не имѣетъ права измѣнять порядокъ епархій (*Ράλλη καὶ Ποτλῆς*, V, 274—275; *Zachariae a Lingenthal*, III, 323—325. Ср. *Cedrenus*, *Historiarum compendium*, II, 486. Воннае—о пожалованіи императоромъ Романомъ III Аргиромъ (1028—1034) титула „ὀβέρτιμος“ митрополитамъ Ефеса, Кизика и Евхаитъ). Императоръ же Алексій I Комнинъ между 1081 и 1087 г.г. издалъ хрисовуль слѣдующаго содержанія: епископіи, которыя издавна были возведены на степень митрополій или архіепископій, должны и впредь пользоваться тѣмъ же достоинствомъ и основаніемъ, и никто не долженъ низводить ихъ и измѣнять то положеніе, которымъ онѣ пользуются,—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда царь, въ зависимости отъ времени и лицъ, совершить даръ въ этомъ отношеніи и пожалуетъ кого либо изъ іерарховъ соотвѣтствующимъ возвышеніемъ его каведры (*Zachariae*, III, 367). Въ 1087 г. императоръ Алексій I Комнинъ издалъ другой хрисовуль—о правѣ василевса, по личному побужденію (*οἰκόμεν ὀρμηθείς*), возводить епископіи въ архіепископіи или митрополіи, ради чести города, или по вѣрѣ его въ церковь, или изъ уваженія къ добродѣтели ея предстоятели, но съ условіемъ, чтобы современный вселенскій

Митрополитъ Кесарійскій титуловался «пречестнымъ пречестныхъ», какъ «первотронный» или «первокаедральный» — *πρωτοκαθεδρὸς* митрополитъ, пользовавшійся, въ силу первен-

патріархъ не прежде издавалъ свой питтакій о возвышеніи той или другой епархіи, какъ признаеть дарованіе ей царемъ чести согласнымъ съ божественными канонами и благословнымъ, и совмѣстно съ синодомъ архіереевъ приметъ царское распоряженіе и сопричислить пожалованнаго царемъ іерарха къ сонму пользующихся высшею честью (*Zachariae*, III, 368—370). Значить, императоръ Алексѣй и въ дѣлѣ возвышенія архіерейскихъ престоловъ установилъ согласное участіе власти гражданской и церковной. Въ свою очередь, современный патріархъ Николай III Грамматикъ, по просьбѣ аккирсака митрополита Никиты, обратился въ 1099 г. къ императору Алексѣю съ пространною грамотою, въ которой на основаніи святыхъ канонѣвъ и законовъ доказывалъ, что невозможно отдѣлять епископіи отъ митрополій по силѣ лишь царскаго распоряженія (*Ράλλης καὶ Πουλάης*, V, 62—75). Объ императорѣ Маврулѣ Комнинѣ извѣстно, что онъ пожаловалъ титулъ „пречестнаго“ (*ὁπέρτιμος*)“ афинскому митрополиту Николаю Агіоеодориту, который, на основаніи этого царскаго повелѣнія, заявилъ притязаніе на возвышеніе его престола и на предоставленіе ему права сидѣть выше всѣхъ прочихъ архіереевъ (*προκαθίσαι πάντων τῶν ἀρχιερέων*). Это требованіе послужило поводомъ къ столкновенію между царемъ и священнымъ синодомъ (*Ράλλης καὶ Πουλάης*, V, 474—475). Императоръ Исаакъ II Ангелъ также издалъ хрисовулъ о правѣ василевса возводить архіерейскіе престолы на высшія степени и фактически осуществлялъ это право (*Zachariae*, III, 552, 539, 553). Въ 1271 г. императоръ Михаилъ Палеологъ, по просьбѣ митрополита Птолемаиды, преосвященнаго и пречестнаго, пожаловалъ титулъ „ὁπέρτιμος“ предстоятелю горы Синаи, съ предоставленіемъ ему и другихъ привилегій въ процессіяхъ, сидѣніяхъ, стояніяхъ и собраніяхъ и съ правомъ одѣвать тѣ одежды, которыми пользовались и другіе митрополиты, имѣвшіе титулъ „ὁπέρτιμος“ (*Zachariae*, III, 593—595). Тотъ же императоръ пожаловалъ титулъ „пречестнаго“ митрополиту Кизика, который вмѣстѣ съ этимъ и получилъ право носить саккосъ и полиставріонъ за богослуженіемъ и — въ предѣлахъ своей епархіи — входить въ храмъ въ преднесеніи возженнаго свѣтильника (*ibid.*, III, 598—599; ср. *Ducange*, *Glossarium*, I, 1198—1199, 785—786). Большія церемѣны въ синтагматѣ византійскихъ епархій были произведены императорами Андроникомъ II и Андроникомъ III Палеологами (*Zachariae*, III, 617—623, 635—639, 641—643; *H. Gelzer*, 595—611). Насколько устойчиво было право византійскихъ василевсовъ въ области церковнаго синтагматона, — видно изъ сохранившагося собранія „царскихъ приказѣвъ“ (*βασιλικά διατάγματα*), въ ряду которыхъ имѣется и образецъ (*τύπος*) царскаго повелѣнія о „возвышеніи церкви“ (*προβιβασμοῦ ἐκκλησίας*).

„Царство мое, — говорится здѣсь, — по обычаю и прономіи, которую царство мое получило свыше и отъ начала со стороны святой церкви Божіей для возведенія нѣкоторыхъ изъ церквей на большія и высшія степени, возводить нынѣ и святѣйшую церковь... изъ епископіи въ ми-

ства своей кафедры, преимущественною честию предъ всѣми прочими митрополитами, какъ только «пречестными—*ὁπέρτις*», которую ему воздавали митрополиты другихъ епархій и архі-

трополію и узаконяетъ и повелѣваетъ, чтобы она впредъ была митрополіей и имѣла достоинство и имя митрополіи; царство мое также опредѣляетъ, чтобы состоящій теперь ея предстоятелемъ и архіереемъ киръ... былъ отнынѣ митрополитомъ, почитался вмѣстѣ съ пречестными и занималъ мѣсто такого-то (*τοῦ δεῦτος*) до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ среди живыхъ, и царство мое желаетъ, чтобы были и назывались митрополитами и тѣ, которые послѣ него будутъ архіереями въ этой святѣйшей церкви. И вслѣдствіе сего состоялось настоящее повелѣніе моего царства указанной митрополіи и архіерею, ея предстоятелю, преосвященному митрополиту... и пречестному и занимающему мѣсто“ (*Σάβας, M. B., VI, 649—650. 'Εν Παρίσις 1877*).

Если же византійскій императоръ, по своему положенію епископонарха и эклика церкви, пользовался давнею прономією возвышать престолы и измѣнять дѣйствовавшій синтагматіонъ епархій, то, разумѣется, ему принадлежало право и редактированія этого синтагматіона *in pleno*, примѣнительно къ общему ряду частныхъ административно-іерархическихъ перемѣнъ, состоявшихся по его же отдѣльнымъ повелѣніямъ. Такое право возрастало въ своей полнотѣ тогда, когда границы имперіи, какъ это было въ началѣ XIV вѣка, сокращались сравнительно съ прежними ея предѣлами и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшались размѣры и византійскаго патріархата.

Однако, въ византійскую эпоху василевсы возводили и низводили архіерейскіе престолы не единолично и не по абсолютному праву, но совмѣстно съ патріархами и при участіи священнаго синода. Объ этомъ свидѣлствуетъ и сохранившійся *τύπος* или образецъ церковной грамоты относительно возведенія престоловъ (*προβιβασμός θρόνων*). „Мѣрность наша, — говорится здѣсь, — съ соизволенія державнѣйшаго и святого моего императора и по рѣшенію находящагося при ней священнаго и великаго синода преосвященныхъ архіереевъ и пречестныхъ (имя рекъ), посредствомъ настоящей грамоты даруетъ святѣйшей епископії (такой же) имя, честь и предсѣдательство митрополіи и боголюбезнѣйшему епископу ея повелѣваетъ отнынѣ быть и называться митрополитомъ, такъ чтобы онъ сопричислялся къ прочимъ пречестнымъ и имѣлъ мѣсто и честь митрополита въ стояніяхъ и сидѣніяхъ и въ прочихъ синодальныхъ и церковныхъ собраніяхъ и во всѣхъ правахъ и прономіяхъ митрополитовъ. Ради сего и дана ему, преосвященному митрополиту (имя рекъ) и пречестному, во Святомъ Духѣ возлюбленному брату нашей мѣрности и сослужителю, и настоящая ея грамота для удостовѣренія“ (*Ράλλης καὶ Ποτλῆς, V, 588*). Вообще, и въ отношенія формальнаго измѣненія синтагматіона епархій въ Византіи *de jure* установлена была симфонія между патріаршей и царской властью, хотя *de facto* иногда наблюдался и наклонъ въ сторону власти царской (ср. *Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 247—249* (толкованіе Θεοδора Вальсамона на 12-е правило IV вѣс. собора), 392—394 (толкованіе его же на 38-е пр. Трулльскаго собора).

епископы, подчиненные ему епископы и народъ, равно и другіе члены Византійской церкви.

Кромѣ того, онъ именовался и былъ «экзархомъ всего Востока». Какъ уже упомянуто, — «Востокомъ» вообще въ византійскую эпоху назывались тѣ епархіи, которыя находились къ востоку отъ Константинополя, т. е. въ Малой Азіи, въ отличіе отъ Запада, т. е. отъ епархій, находившихся на западѣ отъ Константинополя, или въ европейскихъ оемахъ. Но въ частномъ смыслѣ «Востокомъ» называлась область, расположенная въ оемахъ Харсіанской, гдѣ и находилась Кесарійская митрополія, Севастійской, Каппадокійской и Анатоліѣ, какъ внутреннихъ провинціяхъ Азіи, въ отличіе отъ пограничныхъ и побережныхъ ея оемъ²⁹⁾. Въ такомъ именно смыслѣ понимается «Востокъ» въ патріаршемъ и синодальномъ актѣ отъ января 1327 г., въ силу котораго находившіяся въ мѣстности Востока святѣйшія митрополіи Севастіи, Евхаитъ, Иконія и Мокиса и святѣйшая архіепископія Назианза были ввѣрены временному управленію митрополита Кесаріи, пречестному и экзарху Востока³⁰⁾. Значить, экзаршескія полномочія Кесарійскаго митрополита нѣкогда распространялись на «весь Востокъ», а потомъ лишь на внутреннія малоазійскія оемы, вмѣстѣ съ провинціей «Восточною — 'Ανατολικόν», хотя въ титулѣ и сохранилось указаніе на первоначальное пространство экзаршескихъ полномочій Кесарійскаго митрополита.

Эти полномочія возникли въ связи съ общимъ развитіемъ власти экзарховъ въ Греко-восточной Церкви, въ томъ числѣ и экзарха, или высшаго митрополита, въ Понтійскомъ діоцезѣ, расположенномъ въ восточной части Малой Азіи, съ главнымъ городомъ Кесаріей Каппадокійской³¹⁾: митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, какъ видно и изъ толкованія Іоанна Зонары

²⁹⁾ См. карту „Средневѣковаго эллинизма“ въ атласѣ † проф. К. Панапригопула къ его „Ιστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους“. Ἀθήναι 1887. Ср. проф. Н. А. Скабалановичъ, 207—208.

³⁰⁾ Ἐπειδὴ αἱ κατὰ τὸν τόπον τῆς Ἀνατολῆς ἀγιώταται μητροπόλεις, ἡ τῆς Σεβαστείας δὲ ῥηλονότι, ἡ τῶν Εὐχαϊτῶν, ἡ τοῦ Ἰκονίου, ἡ τοῦ Μωκησοῦ καὶ ἡ ἀγιωτάτη ἀρχιεπισκοπὴ Ναζιανζῶς ἀμοιροῦσι γνησίων ἀρχιερέων ἐπὶ χρόνον ἤδη συχόν., ἡ μετρίότης τῶν... ἐπέτρεψε καὶ ἀνέθετο τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Καισαρείας, ὑπερίμῳ καὶ ἐξάρχῳ πάσης Ἀνατολῆς κτλ. *Μ. et Μ.*, I, 143. Ср. *ibid.* 471, 537.

³¹⁾ *Le Quien*, *Oriens christianus*, I. 365.

на 17-е правило четвертаго вселенскаго собора, имѣть право, какъ экзархъ округа³²⁾, судить епископовъ, а равно пользовался и административными полномочіями. Но такія специально экзаршескія полномочія Кесарійскаго митрополита исчезли вмѣстѣ съ возвышеніемъ Константинопольскаго патріарха, власть котораго подавила вообще развитіе экзархатовъ Понтійскаго, Асійскаго и Θρακійскаго³³⁾. На эту давность реальныхъ экзаршескихъ правъ Кесарійскаго митрополита указалъ и Іоаннъ Зонара. Въ его эпоху, равно какъ и въ позднѣйшую, митрополитъ Кесарійскій выступаетъ, какъ «экзархъ всего Востока», уже съ инымъ назначеніемъ. Говоря вообще, — ему принадлежало наблюденіе и исполненіе патріаршихъ правъ (ἡ ἐπισκοπὴ καὶ διεξαγωγή τῶν πατριαρχικῶν δικαίων) въ митрополіяхъ «Востока». Въ частности же экзархъ, канонически наблюдая и исполняя патріаршія права по полномочію патріарха, долженъ былъ заботиться, чтобы во вѣрренныхъ его экзаршескому вѣдѣнію епархіяхъ не совершалось ничего чуждаго христіанскому общежитію, но все происходило согласно господствующимъ узаконеніямъ и письменнымъ установленіямъ, и чтобы въ патріаршіихъ монастыряхъ и прочихъ подобныхъ же храмахъ возносилось и поминалось имя современнаго патріарха; затѣмъ, церковныя и духовныя дѣла, возникающія въ этихъ монастыряхъ и храмахъ, должны разслѣдоваться и исправляться экзархомъ, при чемъ никто изъ лицъ посвященныхъ, монаховъ и прочихъ христіанъ, равно изъ мѣстныхъ архіереевъ не долженъ препятствовать ему или беспокоить его при исполненіи и соблюденіи здѣсь патріаршихъ правъ, а напротивъ, — всѣ обязаны многоразлично содѣйствовать ему и помогать въ исполненіи возложеннаго на него служенія. Если же умретъ кто-либо изъ мѣстныхъ архіереевъ, то по общему мнѣнію и обсужде-

³²⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 260: Ελέγοντο δὲ ἑκτροχοὶ καὶ ἑτεροὶ, ἧγουν ὁ Καισαρείας, Καππαδοκίας, καὶ ὁ Ἐφέσου, καὶ ὁ Θεσσαλονίκης, καὶ ὁ Κορίνθου, οἷς λέγεται διὰ τοῦτο καὶ προνόμιον δοθῆναι, πολυσταύρια φορεῖν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις αὐτῶν κτλ.

³³⁾ Объ экзархахъ см. также: *Zhishman*, Die Synoden und die Episkopalämter in der morgenlandischen Kirche S. 158—160. Wien 1867; проф. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви, III, 216—222; проф. Н. С. Бердниковъ, Краткій курсъ церковнаго права, стр. 150. Казань 1888; проф. Н. С. Суворовъ, Учебникъ церковнаго права, стр. 37—39. М. 1902; П. Липинъ, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Историко-каноническій очеркъ, стр. 234—235. Казань 1909.

нію прочихъ сосѣднихъ архіереевъ надлежало избрать, подъ предсѣдательствомъ экзарха, наиболѣе соотвѣтствующаго изъ клириковъ этой перкви для временнаго управленія и завѣдыванія дѣлами этой епархіи, а затѣмъ происходило избраніе и другого способнаго и достойнаго лица для архіерейскаго сана, не имѣющаго никакого каноническаго препятствія, и этотъ кандидатъ, снабженный грамотою и свидѣтельствами экзарха и сосѣднихъ архіереевъ посылался въ Константинополь, дабы предстать здѣсь предъ священнымъ синодомъ и получить представленіе на вакантную архіерейскую каѳедру. Экзархъ получалъ право наблюдать и за патріаршими монастырями въ предѣлахъ его епархіи³⁴). Кромѣ того, экзархъ-митрополитъ, получая патріаршія экзаршескія права (πατριαρχικά ἐκzarχήα δικαια), долженъ былъ заботиться о духовной пользѣ находящихся въ ввѣренныхъ ему мѣстностяхъ клириковъ, монаховъ и мірянъ, учить и наставлять ихъ, какъ слѣдуетъ жить похристіански, а всѣ жители обязаны были оказывать ему надлежащую честь, послушаніе и повиновеніе во всемъ, что служить къ ихъ пользѣ, а иногда — и давать ему каноническій взносъ и платить другіе доходы, которые они должны были представлять Великой Христовой церкви³⁵). Затѣмъ, митрополитъ, какъ получившій всю экзархію патріаршихъ правъ (τὴν ἀντίκρουαν πᾶσαν ἐκzarχήαν τοῖς πατριαρχικοῖς δικαιαῖς), долженъ былъ наблюдать за всѣми монастырями, находившимися въ данной мѣстности въ положеніи патріаршихъ, учить подвижающихся здѣсь монаховъ, чтобы они проводили жизнь боголюбезную и согласно обѣту, оказывать покровительство повинующимся и врачевать непослушныхъ мѣрами то кроткими, то болѣе строгими, — поставлять въ монастыряхъ игуменовъ, кого самъ признаетъ изъ находящихся здѣсь монаховъ болѣе пригодными для такого служенія, наблюдать за имуществами и предметами, принадлежащими монастырямъ, и внушать всѣмъ служащимъ здѣсь и работающимъ, чтобы они беззаконно не прикасались къ священному, помня смерть наказанныхъ за корыстолюбіе Ананіи и Сапфиры, — священнодѣйствовать въ монастыряхъ и рукополагать по господствующему церковному обычаю, при чемъ всѣ монахи обязаны были повиноваться

³⁴) Miklosich et Müller, Acta, t. I, 83—85.

³⁵) Ibid., I, 257—258. Ср. I, 528.

митрополиту-экзарху во всемъ, что онъ говорить для духовнаго ихъ успѣха и совершенства, а неповинующіеся ему подлежать отлученію (*ἀφορισμός*), которое и можетъ быть митрополитомъ разрѣшено въ случаѣ раскаянія виновныхъ ³⁶⁾). Иногда патріаршій экзархъ, получая право на сборъ денежныхъ доходовъ, обязывался представлять Великой Христовой церкви лишь половину ихъ, удерживая въ свою пользу другую половину, какъ вознагражденіе за свои труды ³⁷⁾). Вообще же экзархъ долженъ былъ поступать во всемъ согласно акривіи священныхъ канонѣвъ ³⁸⁾).

Наряду съ этимъ, Кесарійскій митрополитъ, какъ экзархъ Востока, былъ духовнымъ начальникомъ тѣхъ восточныхъ или малоазійскихъ епископій, которыя были ему подчинены и на которыя распространилась власть его, какъ митрополита определенной области или провинціи. Какъ экзархъ цѣлой группы восточныхъ епископій, митрополитъ Кесаріи Каппадокійской стоялъ во главѣ соборнаго управленія своей провинціи, былъ предсѣдателемъ соборовъ іерарховъ его области и руководителемъ всей административно-судебной ихъ дѣятельности. Онъ же служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ между своимъ митрополичьимъ округомъ и вселенскимъ патріаршимъ престоломъ и, по уполномочію патріарха и священнаго синода, исполнялъ экзаршескія обязанности въ епархіяхъ всего Востока, когда, напримѣръ, возбуждались предъ центральною церковною властію жалобы на тѣхъ или другихъ митрополитовъ восточныхъ митрополичьихъ округовъ или вообще митрополій, и т. п.

Съ такимъ именно характеромъ выступало въ византійскую эпоху и положеніе Кесарійскаго митрополита, какъ экзарха всего Востока. Оно *de jure* сохранилось и въ турецкую эпоху, а въ извѣстной степени могло имѣть и фактическое значеніе, въ силу особаго каждый разъ распоряженія со стороны Константинопольскаго патріарха. Поэтому Кесарійскій митрополитъ и въ XV вѣкѣ титуловался какъ «ὁ πέρτιμος τῶν ὑπερτίμων καὶ ἑξάρχος πάσης Ἀνατολῆς» ³⁹⁾),—хотя въ то время, а равно и въ

³⁶⁾ Ibid., I, 328—329. Ср. I, 455—456.

³⁷⁾ Ibid., II, 47—48.

³⁸⁾ Ibid., II, 133—134.

³⁹⁾ *Gelzer*, 636; *И. И. Соколовъ*, 'Επαρχιακὰ ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως, № С, стр. 214. II. 1915.

XVI вѣкѣ онъ не имѣлъ ни одной подчиненной ему епископіи ⁴⁰). Это отмѣчено и въ Notitia отъ XVII вѣка: «митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, — сказано здѣсь, — имѣлъ восемь епископій и нынѣ (σήμερον) не имѣетъ ни одной» ⁴¹). Затѣмъ, въ каталогѣ епархій Константинопольской церкви отъ 1710 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской титулуется, какъ «первотронный, пречестный пречестныхъ и экзархъ всего Востока», но подчиненныхъ епископій онъ и тогда не имѣлъ ⁴²). А іерусалимскій патріархъ Хрисанъ въ началѣ своего каталога престоловъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, и вообще заявилъ читателю: «Прежде всего, замѣть, что никто изъ митрополитовъ Востока нынѣ не имѣетъ епископовъ, такъ какъ они совершенно разорены варварскимъ игомъ» ⁴³). Лишившись прежняго величія и власти, подписываясь какъ ἐπίσκοπος или ταπεινός ⁴⁴), митрополитъ Кесаріи Каппадокійской ⁴⁵) и въ послѣдующее время оставался «первотроннымъ» и титуловался «пречестнымъ пречестныхъ и экзархомъ всего Востока» ⁴⁶). Лишь отъ 1797/8 г. имѣется свѣдѣніе, что въ Кесарійской митрополіи былъ титулярный—ἐπί ψιλῷ ὀνόματι—епископъ Назіанза» ⁴⁷). Не пользуясь фактической властью, этотъ епископъ, однако, возстановилъ порванную временемъ и обстоя-

⁴⁰) И. И. Соколовъ, 'Επαρχιακὰ κτλ., № VII, σ. 15.

⁴¹) Gelzer, 638.

⁴²) И. И. Соколовъ, 'Επαρχιακὰ, № CXII, σ. 240.

⁴³) Χρυσάνθου, τοῦ μακαριωτάτου πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων, Συνταγμάτων, σ. 55'. 'Εν Τεργεβούστῳ 1714.

⁴⁴) *Historia Patriarchica*, 1848; *Regel*, *Analecta byzantino-russica*, 77. Petropoli 1891.

⁴⁵) Впрочемъ, въ документѣ 1561 г. митрополитъ Макарій подписался—«Κεσαρίας καὶ Καππαδοκίας» (*Regel*, 77).

⁴⁶) De graecae ecclesiae hodierno statu epistola auctore Thoma Smitho, editio nova, p. 61. Trajecti ad Rhenum 1698; 'Α. Παπαδόπουλος Κερμαεύς, Τακτικὸν τῶν ὀρθόδοξων ἐκκλησιῶν τῆς Ἀνατολῆς καὶ κατάλογος ἀρχιερέων ἀκμασάντων ἐν αὐταῖς μεταξύ τοῦ ΙΖ' καὶ ΙΗ' αἰῶνος (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, III, 469); Χρυσάνθος, 55'. Русскій переводчикъ „Συνταγμάτων“ патріарха Хрисанѳа приписалъ Кесарійскому митрополиту слѣдующій титулъ: „Первопрестольный митрополитъ Кесаріи и Каппадокіи, первостепенный надъ первостепенными и патріаршаго престола первоблюститель во всей Азій“ (*Описание Четырехъ Вселенскихъ (sic) Патріаршихъ Престоловъ: Константинопольскаго Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго*, стр. 3. Спб. 1784).

⁴⁷) И. И. Соколовъ, К. Ц., I, *приложенія*, № CCXIV, стр. 144.

тельствами историческую связь между позднѣйшимъ положеніемъ Кесарійской митрополіи и прошлою ея судьбою ⁴⁸⁾).

* * *

Назіанъ (Ναζιανζός)—городъ въ Каппадокійской области, на юго-западъ отъ Кесаріи и Синассоса (въ 10 ч. пути) и на югъ отъ Мокиса, по направленію къ Тианамъ, нынѣ село Нинези, къ востоку отъ озера Татта (Тузь-Гкіюлу) въ Иконійской митрополіи.

По Notitiae св. Епифанія и Льва Мудраго Назіанъ составлялъ епископію не Кесаріи или Тианъ, а митрополіи Мокиса (на первомъ мѣстѣ изъ четырехъ). При императорѣ Романѣ Диогенѣ (1067—1071 г.) городъ былъ возведенъ въ митрополію ⁴⁹⁾, занялъ 74-е, потомъ 72-е мѣсто въ синтагматіонѣ, но подчиненныхъ епископій не имѣлъ ⁵⁰⁾. И въ Н. двухъ Андрониковъ Назіанъ исчисляется въ составѣ митрополій. Между тѣмъ, въ грамотѣ патріарха Исаи и священнаго синода отъ января 1327 г., которою митрополиту Кесаріи былъ пожалованъ κατὰ λόγον ἐπίδοσις и Назіанъ, послѣдній называется «ἡ ἀνωτάτη ἀρχιεπισκοπή», при чемъ и отмѣчается, что здѣсь долго не было своего законнаго архіерея, вслѣдствіе нашествія нечестивыхъ враговъ ⁵¹⁾. Очевидно, упадокъ епархіи былъ такъ великъ, что Назіанъ, не имѣвшій, какъ и многіе другіе престолы, подчиненныхъ епископій, мыслился въ сознаніи дѣятелей патріаршей канцеляріи не митрополіей, а простою архіепископіею ⁵²⁾,—такъ какъ въ существующихъ матеріалахъ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно формальнаго низведенія Назіанза на степень архіепископіи ⁵³⁾. Но въ ноябрѣ 1370 г. митрополитъ Кесаріи Каппадокійской Аѳанасій получилъ отъ священнаго синода, по тому же мотиву пожалованія, уже не архіепископію, а митрополію Назіанза ⁵⁴⁾: патріаршая канце-

⁴⁸⁾ Отмѣтимъ, между прочимъ, что 25 декабря 1768 г. изъ монастыря Варлаама на Метеорахъ уѣхалъ Кесарійскій митрополитъ Паисій, который жилъ здѣсь въ изгнаніи свыше двухъ лѣтъ (А. П.—Κεραμεύς, Θεσσαλικά σημειώματα. Ἐπετηρίς τοῦ Φιλ. Σολ. Πατριάρχου, VI, 142).

⁴⁹⁾ Io. Scylitzes, Historia, 705 10—11. В.

⁵⁰⁾ Gelzer, 586—587; ср. Zachariae, III, 513 (отъ 1187 г.): ἡκολούθουν αὐτῷ καὶ τινες τῶν μητροπολιτῶν, ὅτε Μηθύμνης, ὁ Ναζιανζοῦ, ὁ Παροναζίας καὶ ἑτεροι.

⁵¹⁾ M. et M., I, 143. Ср. 468.

⁵²⁾ Ср. Gelzer, 586—587.

⁵³⁾ Le Quien, I, 413—414.

⁵⁴⁾ M. et M., I, 536.

лярія исправила ошибку, допускавшуюся раньше. Но и отъ этого положеніе разоренной митрополіи Назіанза не улучшилось и она во второй половинѣ XV в. прекратила свое бѣдственное существованіе, будучи присоединена по частямъ къ сосѣднимъ Кесарійской и Иконійской митрополіямъ. И въ послѣдующее время епархія Назіанза не была возстановлена, сохранивъ лишь свое наименованіе для титулярнаго епископа Кесарійской митрополіи.

И. Соколовъ.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года *).

VI.

ЛИЧНОЕ благосклонное отношеніе Константина къ христианству и именно къ католической церкви, во всякомъ случаѣ, уже въ 313 г. несомнѣнно шло гораздо далѣе, чѣмъ это могло найти и нашло выраженіе въ изданномъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ актѣ ¹⁾. О немъ ясно свидѣлствуютъ заявленія и распоряженія, сдѣланныя Кон-

*) Продолженіе. См. январь 1916 г. На стр. 78, строка 10 снизу. вмѣсто „Keim“ должно быть „Keim“ [1852].

¹⁾ Изъ различныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ текстомъ миланской конституціи, доселѣ остается не рѣшеннымъ окончательно вопросъ о томъ, какъ нужно понимать выраженіе „*vicarium postulent*“ въ латинскомъ текстѣ (§ 7): какъ просто лишь разрѣшеніе требовать соответствующаго вознагражденія (*vicarium*=*res vicaria*, *compensatio*), или какъ указаніе на должностное лицо—викарія, къ которому слѣдовало обращаться за вознагражденіемъ (ср. выше 1914, 155). Разные ученые понимаютъ его то въ первомъ смыслѣ (Heinichen, Duchesne), то—чаще—во второмъ (Hülle, Batiffol, De Bacci Venuti). За первое пониманіе могло бы, повидимому, говорить отсутствіе при *vicarium* опредѣленія: *vicarium praefectorum* (множественное число — *praefectorum* — должно было указывать въ данномъ случаѣ на коллегіальный характеръ магистратуры). Однако это опущеніе возможно, и оно было бы вполне естественнымъ именно въ томъ случаѣ, если документъ первоначально былъ адресованъ самому префекту. Что викаріи первоначально имѣлись, вѣроятно, и въ Дакии и Панноніи, ср. O. Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. II. Berlin 1901, 68, 498—9.— Въ сохранившемся греческомъ текстѣ у Евсевія выраженію *vicarium postulent* соответствуютъ слова *προσέλθοντες τῷ ἐπί τῶ πον ἐπαρχῆς* *ἐπὶ τῶν ἐπάρχων*, и въ этомъ видѣ, очевидно, должны бы предполагать въ

стантиномъ около того времени для своей западной области. Таковы всѣ тѣ 5 документовъ, которые приводятся у Евсевія

латинскомъ текстѣ терминъ *praefectus* согласно съ обычной передачей *praefectus* чрезъ ἑπαρχος или ἑπαρχος. О „префектъ“ и говорятъ въ своихъ переводахъ текста Евсевія центуриаторы (Cent. IV [1560], 63 а—в: *ad praefectum, eius loci Iudicem, accedant*), Вароній (а. 313, 7, III [1887], 565: *praefectum qui regioni, in qua habitant, praest, adeant*) и Валуа (ii *praefectum, qui in illa provincia jus dicit, adeant*). Въ русск. перев. [1858], 528: пусть обратится къ мѣстному правителю. Въ франц. перев. Grapin III [1913], 137: *qu'ils aillent au tribunal du magistrat local*. Шварцъ по поводу этого мѣста у Евсевія замѣчаетъ, что *vicarium postulent* не понято греческимъ переводчикомъ, и исправить переводъ „съ очевидностію“ не представляется возможнымъ (886, прим. къ 2—6: „die von Missverständnissen nicht freie Übersetzung lässt sich nicht mit Evidenz verbessern“; къ 5: „*vicarium postulent* missverstanden“). — Въ дѣйствительности, однако, една ли есть въ этомъ случаѣ необходимость обвинять переводчика въ „непониманіи“. Дѣло можетъ быть разъяснено, повидимому, довольно легко, если предположить незначительное и вполне возможное искаженіе греческаго текста, допущенное при перепискѣ и бывшее уже въ прототипѣ АТЕРМ, именно—если вмѣсто нынѣшняго τῷ ἐπὶ τῶν ἑπαρχῶν δικάζοντι, читать τῷ ἐπὶ τῶν [τῶν] если и не невозможно, но, кажется, менѣе вѣроятно] ἑπαρχῶν [или τῶν ἑπαρχῶν] δικάζοντι. Это послѣднее выраженіе, которое въ латинскомъ звучало бы *vices praefectorum judicanti*, или *pro praefectis judicanti*, было бы точнымъ обозначеніемъ викарія префектовъ, и отдѣльные элементы его вполне подтверждаются словоупотребленіемъ той эпохи. Кромѣ нерѣдкаго названія *pro praefectis*—или *pro praefecto—praetorio*, въ надписаніяхъ законовъ встрѣчается еще для викарія наименованіе *agens vices praefectorum*—или *praefecti—praetorio* (Cod. Theod. II, 33, 1 [325]), или *agens vicem pf. p.* (XVI, 10, 2 [341]); въ текстѣ одного закона викаріи обозначаются, какъ *hi, qui vices praefectorum cognoscunt* (XI, 30, 16 [331]). Въ написи времянъ Диоклетіана титулъ восточнаго викарія передается чрезъ *iudex sacrarum cognitionum totius orientis*] (H. Dessau, Inscriptiones latinae selectae. I. Berolini 1892, № 1211; ср. Seck, II, 498); *iudicans* вообще есть довольно обычный эпитетъ въ написяхъ для нѣкоторыхъ римскихъ магистратовъ (ср. напр. у Dessau №№ 1220—1, [1225], 1228, 1232, 1237, 1240: *vices sacra iudicanti*). Въ греческой передачѣ африканскій викарій Александръ (возставшій противъ Максентія) называется у Зосима, II, 12, 2 (Mendelssohn, 70): τῷ ἐπὶ τῶν ἑπαρχῶν τοῖς ἑπαρχοῖς τῆς αὐτῆς ἐν Αἰγύπτῳ καθεσταμένος (у Аврелія Виктора, Caes. 40, 17: *apud Pochenos Alexander pro praefecto agens*). Въ письмѣ Константина Макарію іерусалимскому у Евсевія въ V. С. III, 31 (Heikel, 92) (=Soer. I, 9, 61, Theodor. I, 17, 6), къ викарію восточнаго Дракиллиана прилагается обозначеніе его должности: τῷ διέποντι τὰ τῶν [Soer. Theod. add. λαμπροτάτων] ἐπαρχῶν μέρη („μέρη“ очевидно есть переводъ „partes“, нерѣдко замѣняющаго въ латинскомъ языкѣ „vices“; отсюда Валуа переводитъ: *agenti vices [clarissimorum] praefectorum praetorio*). Такимъ образомъ, для должности „*vicarius praefectorum praefecto-*

вслѣдъ за миланской конституціей: 3 письма въ Африку—2 къ проконсулу Апулину и 1 къ епископу карфагенскому Кс-

torio“ и въ латинскомъ языкѣ весьма обычными оказываются и другія, замѣняющія это названіе, обозначенія: pro praefectis, agens vices или vicem praefectorum, vice praefectorum cognoscens, iudex. (О викаріяхъ вообще ср. въ Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis J. Gothofredi. Ed. Ritter. VI, 2. Mantuae 1750, 18—20). Такая замѣна, въ томъ или иномъ видѣ, являлась уже прямо неизбежною при попыткѣ передать этотъ терминъ на греческомъ языкѣ, гдѣ соответствующаго латинскому vicarius слова не было (τοπότηςъ выступаетъ позже, повидимому, лишь ко времени Халкидонскаго собора; ср. Ducange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis. II. Lugduni 1688, с. 1585). Употребленіе въ комбинаціи съ διὰ τῶντι выраженія ἐπὶ τόφ (= vice; могло бы быть и просто τόφ, но, вѣроятно, уже необходимость здѣсь поставить предъ τόφ членъ τῶ, относящійся къ διὰ τῶντι, побудила присоединить, во избѣжаніе недоразумѣнія, предлогъ ἐπὶ къ τόφ) необходимо вело къ поставленію послѣ τόφ слова ἐπαρχων, хотя бы въ латинскомъ текстѣ и не было соответствующаго ему praefectorum. Слѣдуетъ замѣтить, что если бы словомъ τόπος имѣлось въ виду обозначить мѣстный характеръ власти, о которой идетъ рѣчь, то нужно было бы ожидать не ἐπὶ τόφων, а κατὰ τόπους, или κατὰ τόπων. Но къ префекту преторіи (а его именно нужно разумѣть подъ ἐπαρχος, согласно обычному словоупотребленію), заведывавшему цѣлой четвертью имперіи, такое обозначеніе едва ли могло быть приложено. Упомянутіе о префектѣ, или префектахъ, могло появиться здѣсь именно лишь при обозначеніи викарія, какъ замѣстителя префектовъ, но вслѣдствіе искаженія при перепискѣ все мѣсто получило совсѣмъ не соответствующій дѣйствительности смыслъ. Наглядный примѣръ непониманія и порчи переписчиками и корректорами описательнаго обозначенія должности викарія, также въ связи съ непонятнымъ словомъ ἐπαρχων, но въ нѣсколько иной комбинаціи, представляетъ и указанное выше мѣсто въ V. C. III, 31 (Heikel, 92). Въ Vat. 149 здѣсь читается: διέποντι: τὰ τῶν λαμπροτάτων ἐπαρχίων μέρη (J. A. Heikel, Kritische Beiträge zu den Constantin-Schriften des Eusebius. [Texte und Untersuchungen herausgeg. von. A. Harnack u. C. Schmidt. XXXVI, 4]. Leipzig 1911, 63, 73—4) (то же у Геласія кизикскаго); въ другихъ рукописяхъ (IMBA—и другихъ?) λαμπροτάτων, какъ совершенно не подходящее къ ἐπαρχίων, оказывается уже опущеннымъ; правильное чтеніе: τῶν λαμπροτάτων ἐπαρχων μέρη, сохранилось лишь въ рукописяхъ церковныхъ исторій Сократа и Θεодорита. Можно прибавить къ этому, что даже новѣйшій издатель Vita Constantini, Гейкель (не внесшій, между прочимъ, въ текстъ своего изданія, и хорошо засвидѣтельствованнаго слова λαμπροτάτων), не понявъ термина ἐπαρχος ни въ этомъ, ни въ другихъ мѣстахъ, и ошибочно придалъ ему въ своемъ указателѣ къ изданію (305)—очевидно подъ влияніемъ ἐπαρχία = provincia и ἐπαρχιώτης = provincialis—значеніе praeses provinciae (отсюда всѣ его поясненія подъ этимъ словомъ неправильны). Такимъ образомъ, можно думать, что греческій текстъ въ его первоначальномъ видѣ былъ вполне согласенъ съ латинскимъ подлинникомъ, и переводчикъ „vicarium“ понималъ именно въ

киліану, и 2 письма итальянскимъ епископамъ — римскому Мильтіаду и сиракузскому Христу ¹⁾).

Покровительствуя христіанамъ, Константинъ и здѣсь, съ одной стороны, хочетъ держаться прежде всего въ предѣлахъ лишь справедливости. Это особенно сказывается въ распоря-

смыслѣ викарія префекторовъ.—Что касается появленія *προέλαθωσι* для передачи *postulent*, то оно можетъ объясняться просто лишь тѣмъ, что глаголь *αἰτῶσι* былъ уже использованъ непосредственно предъ этимъ для синонимичнаго *petiverint* (*Bauldri, Brandt*, вмѣсто *putaverint*), и нужно было искать какого-либо другого выраженія. Повторенія одного и того же, которое видитъ Швартцъ въ *αἰτῶσι* — — *κλροκάγαθίας* и *προέλαθωσι* — — *δικάζοντι* (886, къ 5: „Doublette“), не будетъ, если читать выше не *ὡς ἦ*, а *ὡς εἰ* (ср. 1914, 150₄) или же *ὡς εἰ ἦ* (какъ предлагаютъ *Burton* и *Schwegler*, ср. у *Heinichen*'а I, 487₁₈).—Передача въ греческомъ переводѣ миланскаго документа термина *vicarius* греческимъ выраженіемъ представляетъ интересъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что можетъ указывать на иного, повидному, переводчика этого документа въ сравненіи съ другими, помѣщенными у Евсевія вслѣдъ за нимъ документами. Въ одномъ изъ нихъ — письмѣ Константина къ Кекилиану кареагенскому — тотъ же латинскій терминъ оставленъ безъ перевода. X, 6, 4, 890: Πατρικίῳ τῷ οὐκ ἁρίῳ τῶν ἐπαρχῶν, между тѣмъ бывшее здѣсь, очевидно, и въ латинскомъ подлинникѣ слово *praefectorum* давало бы переводчику еще болѣе легкую, нежели въ миланскомъ документѣ, возможность поставить вмѣсто латинскаго *οὐκ ἁρίῳ* какое-либо греческое выраженіе (если не *ἐπὶ τόποις τῶν ἐπαρχῶν* *δικάζοντι*, то, напр., *τόποις τῶν ἐπαρχῶν ἐπέχοντι* или *διέποντι*). Тенденцію переводчика миланскаго документа передавать латинскіе термины греческими словами можно усматривать и въ передачѣ слова *fiscus* (§ 7) чрезъ *ταμεῖον*, тогда какъ, напр., въ эдиктѣ Максимиана оно не переведено (IX, 10, 11: τοῦ *fiscου*). Другія латинскія слова въ документахъ IV в. въ исторіи Евсевія см. у Швартца въ указателѣ, 208—9: *βενεφικαρίος*, *βρέσιον*, *κολλήγας*, *κοινῆχτωρ*, *ὀφφικίλιος*, *πραιπόσιτος*, *φόλλας*. Вообще изъ латинскихъ документовъ въ церковной исторіи несомнѣнно самимъ Евсевіемъ, по его заявленіямъ, переведены рескрипты Адріана (IV, 8, 8) и эдиктъ Галерія (VIII, 17, 11); имъ же могли быть переведены и многіе другіе, кромѣ этихъ, но прямыхъ данныхъ, чтобы утверждать это рѣшительно, не имѣется. Ср. *F. A. Heinichen, Eusebii Pamphili Scripta historica. III. Commentarii. Lipsiae 1870, 129.*

¹⁾ Первые три письма могли появиться еще и до изданія миланскаго закона. Письмо Мильтіаду написано когда-то лѣтомъ или въ началѣ осени 313 г. (о соборѣ въ Римѣ, который потомъ открылся 2 октября), письмо Христу—весною или лѣтомъ 314 г. (приглашеніе на соборъ въ Арль къ 1 августа). Относительно привилегій клира католической церкви, Константинъ обращался, по поводу происковъ донатистовъ („*haeretici*“), въ дополненіе къ адресованному ранѣе Анулину письму (*Eus. h. e. X, 7*), еще съ особой конституціей въ Африку 31 октября 313 г. (*Cod. Theod. XVI, 2, 1*).

женіи Анулину о возвращеніи христіанамъ въ Африкѣ отобранныхъ у нихъ ранѣ имущество: оно прямо мотивируется общимъ правиломъ о ненарушеніи правъ чужой собственности¹⁾. Какъ проявленіе лишь справедливости можетъ быть разсматриваемо даже и дарованіе африканскимъ церквамъ денежныхъ средствъ изъ казны, съ распоряженіемъ дополнить недостатокъ изъ средствъ самого государя, о чемъ Константинъ извѣщаетъ Кекиліана; эти суммы, очевидно, предназначались на восстановление разрушенныхъ во время гоненія храмовъ, и христіане получали, такимъ образомъ, лишь то, чего они лишились ранѣ²⁾. Освобожденіе христіанскихъ клириковъ отъ повинностей въ другомъ письмѣ Анулину также не можетъ быть считаемо за какую-либо исключительную привилегію; такую свободу пользовались не только языческіе жрецы, но она предоставлена была, напр., врачамъ, учителямъ грамматики и другихъ наукъ³⁾, потомъ дана была и служащимъ въ іудейскихъ синагогахъ⁴⁾.

Но съ другой стороны, не только во всѣхъ этихъ документахъ подъ христіанствомъ прямо разумѣтся «каѳолическая» церковь, но объ этой каѳолической церкви Константинъ всюду выражается съ величайшимъ уваженіемъ, и въ письмѣ, напр., къ Мильтіаду это свое уваженіе выставляетъ какъ причину своихъ заботъ объ устраненіи всякихъ разногласій въ церкви⁵⁾. Немного позже, въ 315 г., въ письмѣ

¹⁾ Ср. выше, 1916, 70—71.

²⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913, 32.

³⁾ Cod. Theod. XIII, 3, 1 (321 авг. 1).

⁴⁾ XVI, 8, 2 (330 ноябр. 29), XVI, 8, 4 (331 дек. 1).

⁵⁾ X, 5, 16 (Анулину): τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ καθολικῇ τῶν Χριστιανῶν (Всесвѣй въ заглавіи документа отмѣчаетъ, очевидно, именно какъ особенность его въ сравненіи съ приведеннымъ только что миланскимъ закономъ: Ἀντίγραφον ἐτέρᾳ βασιλικῇ διατίξεως, ἣν αὐτῷ πεποιήται [πεποιήται R], μὲν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ τὴν δωρεὰν δημοσημενημένης). X, 5, 19 (Мильтіаду): τῷ σεβασμιωτάτῳ νόμῳ. 20: μηδὲ τὴν ὑμετέραν ἐπιμέλειαν ληθάνει, τοσαύτην με αἰδῶ τῇ ἐνθέσμῳ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ ἀπονέμειν, ὥς μηδὲν καθόλου σχίσμα ἢ διχοστασίαν ἐν τινι τόπῳ βούλεσθαι με ὑμᾶς καταλιπεῖν. X, 5, 21 (Христу): τῆς αἵρεσεως τῆς καθολικῆς. 22: ἐπιλαθόμενοι τινες — τοῦ σεβασμάτος τοῦ ὀφειλομένου τῇ ἀγιωτάτῃ αἵρεσει. 22: ἀπὸ τῆς ἀγιωτάτης θρησκείας ταύτης. X, 6, 1 (Кекиліану): τῶν ὑπηρετῶν τῆς ἐνθέσμου καὶ ἀγιωτάτης καθολικῆς θρησκείας. 4: τὸν λαὸν τῆς ἀγιωτάτης καὶ καθολικῆς ἐκκλησίας. X, 7, 2 (Анулину): ἐν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ, ἣ Кекиλιανὸς ἐφέστηκεν. 2: τῇ ἀγίᾳ ταύτῃ θρησκείᾳ.

также по дѣлу донатистовъ къ викарію Африки Кельсу, онъ поставляетъ своею обязанностью (*munus*), какъ государя, содѣйствовать тому, чтобы всѣ христіане воздавали съ истинной вѣрой и во взаимномъ согласіи должное почитаніе всемогущему Богу ¹⁾. И если указанныя выше дѣйствія его въ пользу церкви сами по себѣ носятъ характеръ актовъ справедливости, то побуждало къ нимъ Константина не одно лишь чувство справедливости, но и особое расположеніе къ христіанству.

Язычество послѣ 313 г. пользуется свободой во владѣніяхъ не только Ликийя, но и Константина, хотя послѣдній не находитъ нужнымъ скрывать своего нерасположенія къ нему при случаѣ и въ законодательныхъ актахъ. Язычникамъ предоставлена свобода совершать свои обряды, и даже жрецы языческой религіи продолжаютъ получать содержаніе отъ государства. Самъ Константинъ, въ то же время, не напелъ нужнымъ слагать съ себя званіе *pontifex maximus* ²⁾.

¹⁾ Въ приложеніи къ *S. Optati Milevitani libri VII. Rec. C. Ziwsa* (*Corpus script. eccl. lat. vol. 26. Vindobonae 1893*) p. 212: *Quid potius agi a me pro instituto meo ipsiusque principis munere oporteat, quam ut discussis erroribus omnibusque temeritatibus amputatis ueram religionem universos concordemque simplicitatem atque meritam omnipotenti Deo culturam praesentare perficiam?* Ср. *Batiffol, La paix Constantinienne*, 294—5.

²⁾ Если въ 319 г. арусникамъ и вообще жрецамъ строжайшимъ образомъ воспрещается производить свои гаданія и церемоніи въ частныхъ домахъ, то нужно имѣть въ виду, что подобная тайная дѣятельность прорицателей могла быть опасна въ государственномъ отношеніи, и для этого запрещенія могли быть, такимъ образомъ, политическіе мотивы. О языческихъ обрядахъ законъ говорить при этомъ въ довольно пренебрежительномъ тонѣ, хотя и разрѣшаетъ совершать ихъ, лишь бы это происходило открыто. *Cod. Theod. IX, 16, 1* (319 февр. 1) (ed. *Hänel*): *superstitioni enim suae servire cupientes poterunt publice ritum proprium exercere. IX, 16, 2* (319 мая 15): *Qui vero id vobis existimatis conducere, adite aras publicas atque delubra et consuetudinis vestrae celebrate solemnia: nec enim prohibemus, praeteritae usurpationis officia libera luce tractari.* Въ этомъ смыслѣ, нужно, повидимому, понимать и законъ 8 марта 321 г. (*XVI, 10, 1*), повелѣвающий арусникамъ, въ случаѣ пораженія молніей императорскаго дворца, или другихъ—общественныхъ сооружений, представлять самому императору подробный письменный докладъ о результатахъ своихъ гаданій. Константинъ дѣлаетъ и въ этомъ случаѣ уступку укоренившемуся обычаю (*retento more veteris observantiae*), позволяя и другимъ прибѣгать къ арусникамъ въ подобныхъ случаяхъ, но въ то же время напоминая и здѣсь о воспрещеніи домашнихъ жертвоприношеній, съ которыми и могли соединяться гаданія (*dummodo sacrificiis domesticis abstineant, quae specialiter prohibita sunt*).

Въ 323 г. Константину приходилось даже выступать на защиту христіанскихъ клириковъ и вообще христіанъ отъ привлеченія къ участию въ нѣкоторыхъ языческихъ церемоніяхъ ревнителями чуждаго христіанству «суевѣрія» ¹⁾. Законъ былъ вызванъ какими-то фактами, слухъ о которыхъ дошелъ до императора, и это показываетъ, что представители старой религіи позволяли себѣ тогда настаивать на обязательности ея обрядовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ области самаго Константина ²⁾.

Что касается Ликиніи, то едва ли онъ заявилъ чѣмъ-либо особое расположеніе къ христіанству вслѣдъ за обнародованіемъ миланскаго закона на востокъ ³⁾. Вѣроятно вскорѣ же, послѣ столкновенія съ Константиномъ, кончившагося переходомъ подъ власть Константина Иллирика (въ 314 г.), у Ликиніи сложилось подозрительное отношеніе къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, перешедшее затѣмъ въ преслѣдованіе ихъ. Данное христіанамъ еще эдиктомъ Галерія право на существованіе въ имперіи прямо не было отнято, но они начали подвергаться разнымъ стѣсненіямъ, и миланское постановленіе уже совсѣмъ потеряло свою силу ⁴⁾. Ликиній намѣревался, по

¹⁾ Cod. Theod. XVI, 2, 5 (323 мая 25): Quoniam comperimus, quosdam ecclesiasticos et ceteros catholicae sectae servientes a diversarum religionum hominibus ad lustrorum sacrificia celebranda compelli, hac sanctione sancimus etc. Законъ падаетъ на время возстановленія язычества Ликиніемъ на востокъ, и изданъ въ Сирміи.

²⁾ Между прочимъ, еще ранѣе, уже вскорѣ послѣ миланскаго закона, въ 315 г. Константину приходилось ограждать особымъ закономъ свободу перехода въ христіанство изъ иудейства отъ фанатизма иудеевъ; но въ то же время сами іудеи были лишены права пропаганды своего ученія: наказаніе угрожало и перешедшему къ нимъ и имъ самимъ. Cod. Theod. XVI, 8, 1 (315 окт. 18). Запрещеніе іудеямъ преслѣдовать обращающихся въ христіанство повторено было, съ угрозою наказанія 21 окт. 335 (XVI, 8, 5).

³⁾ Слова Евсевія въ рѣчи при освященіи тирскаго храма (бывшемъ, можетъ быть, уже въ 314 г., какъ и полагаетъ, напр., *Schultze, Untergang*, I, 43), относящіяся вмѣстѣ къ Константину и Ликинію (h. e. X, 4, 16): ὡστε — — τότε πάντων ἀνωτάτω βασιλέας — — νεκρῶν μὲν εἰδῶτων κατὰ τοὺς προσώπους, πατέιν δ' ἄθεοις διακόνων θεομὶα καὶ πλείους ἀπάτης πατροπαράδοτου καταγελάει κατ., имѣютъ въ виду главнымъ образомъ всетаки Константина, какъ прямо видно изъ дѣлаемаго далѣе упоминанія объ устроенной въ Римѣ Константиномъ написи (хотя Евсевій даже и тутъ употребляетъ множественное число: προσευράφοντας).

⁴⁾ Особымъ закономъ епископамъ запрещено было составлять соборы (для поставленія, напр., новыхъ епископовъ), другимъ закономъ

Евсевію, объявить уже и общее гоненіе, но выступленіе Константина и нанесенное послѣднимъ пораженіе, вѣроятно въ 324 г., положило конецъ этимъ планамъ.

Вступленіе Константина, сдѣлавшагося теперь единодержавнымъ правителемъ, во власть надъ восточною ея половиною ознаменовано было новыми законодательными актами съ его стороны, опредѣлявшими его отношенія къ христіанству и язычеству. Несомнѣнно подлинныя, несмотря на нерѣдко встрѣчающееся доселѣ у разныхъ ученыхъ отрицаніе принадлежности ихъ Константину, они имѣютъ сами по себѣ весьма важное значеніе для характеристики религіозной политики и вообще воззрѣній и настроенія Константина. Въ настоящемъ случаѣ представляетъ интересъ сопоставленіе этихъ новыхъ законовъ и заявленій съ прежней миланской конституціей.

Константинъ отмѣнилъ вообще «несогласныя съ правомъ» постановленія Ликинія, признавъ силу за дѣйствовавшимъ ранѣе правомъ и за своими узаконеніями ¹⁾. Но положеніе

не дозволялось являться въ храмы мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ, затѣмъ предписано было устроить богослужебныя собранія не иначе, какъ внѣ города, въ открытомъ полѣ (V. C. I, 52—53). На ряду съ этимъ подверглись изгнанію, разнымъ притѣсненіямъ и частью ссылкѣ христіане, бывшіе при императорскомъ дворцѣ; находившіеся въ военной службѣ принуждались къ принесенію языческихъ жертвъ и за неповиновеніе лишались званія (I, 52, 54). При свойственномъ вообще Ликинію стремленію всѣми средствами пополнять свою казну, конфискація имуществъ примѣнялась, конечно, въ широкихъ размѣрахъ и въ отношеніи къ христіанамъ (I, 52). Дѣло дошло и до казни епископовъ желавшими угодить императору начальниками провинцій, иногда даже безъ всякаго видимаго предлога; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ Амасіи, въ Понтѣ, стали разрушать, или же запирають церкви (II, 2). О Ликиніи и его гоненіи имѣются особыя изслѣдованія: *F. Görres*, *Kritische Untersuchungen über die Licinianische Christenverfolgung*. Jena 1875, и *Ch. Antoniades*, *Kaiser Licinius*. München 1884, но они не исчерпываютъ предмета. Замѣчанія о гоненіи ср. у *A. Casamassa*, *I documenti della „Vita Constantini“ di Eusebio Cesareense*. Roma 1913, 43—51.

¹⁾ Первый указъ объ этой отмѣнѣ обнародованъ былъ 16 декабря 324 г. (если читать вслѣдъ за Готофредомъ „XVII. Kal. I a n.“; если оставить чтеніе „XVII. Kal. I u n.“—16 мая). *Cod. Theod.* XV, 14, 1 (*ad Praef. Praet.*): *Remotis Licinii tyranni constitutionibus et legibus, omnes sciant, veteris iuris et statutorum nostrorum observari debere sanctionem*. Два дальнѣйшіе указа, 12 февраля 325 г. (XV, 14, 2, *ad universos Provinciales*) и 8 июля 326 г. (XV, 14, 3, *Praefecto Vigilum: Quae tyrannus contra ius rescripsit, non valere praecipimus; legitimis eius rescriptis minime impugnandis*) дѣлають уже ограниченія къ этому общему распоряженію; еще одинъ, 15 июля 326 г. (XV, 14, 4), касается частнаго вопроса.

христианъ въ бывшихъ владѣніяхъ Ликиніи онъ нашелъ нужнымъ опредѣлить еще особымъ эдиктомъ, обращеннымъ къ населенію восточныхъ провинцій; соотвѣтственный документъ былъ разосланъ и церквамъ. Въ первомъ его видѣ, именно, какъ письмо императора къ «жителямъ Палестины», приводить этотъ законъ Евсевій въ «Жизни Константина»; еще ранѣе онъ былъ помѣщенъ—вѣроятно, имъ же самимъ—въ приложеніи къ X книгѣ его церковной исторіи ¹⁾. Для данного момента онъ, очевидно, соотвѣтствовалъ миланскому закону 313 г. и въ своемъ содержаніи представляетъ извѣстную аналогію съ нимъ; но имѣются и важныя отличія между тѣмъ и другимъ актами ²⁾.

¹⁾ V. C. II, 24—42, p. 50—1 (ср. выше 1914, 1537): 'Επιστολὴ Κωνσταντίνου Κωνσταντίνου Ῥωμαίων αυτοκράτορος, τὸ πρῶτον καταπεμφθεὶς τοῖς ἐπὶ γῆς ἑσῆς: γράμμα μετὰ τὴν κατὰ τῶν τυράννων νίκην. „Νικητὴς Κωνσταντίνος Μέγιστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις Παλαιστίνης. Ἦν μὲν ζῶντες“ κтл. Терминъ ἐπαρχιώται, provinciales, означать жителей провинцій, но не „начальниковъ“, какъ передаетъ его Θ. А. Кургановъ для V. C. II, 24, II, 48, и для л. е. VIII, 17, въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1915, апрѣль, 583, 584, 1914, май, 835, подобно русскому переводчику „Жизни Константина“ (126, 142, 143; но для л. е. VIII, 17: 'Επαρχιώταις ἱερεῖς, и въ русскомъ переводѣ исторіи стоитъ „жителямъ своихъ провинцій“).

²⁾ Вопросъ о подлинности этого эдикта, равно какъ и разныхъ другихъ документовъ въ „Жизни Константина“, и теперь еще возбуждаетъ споры. Въ новѣйшее время на защиту его противъ *Crivellucci* (1888, 1894, 1898), который считалъ его поддѣлкой самого Евсевія, противъ *Schultze* (1894), по которому это есть подлогъ времени Валентиніана I и Валента, внесенный въ сочиненіе Евсевія когда-то до 440 г., и противъ *Mancini* (1905), который видитъ въ немъ подлогъ, сдѣланный христианами въ канцеляріи Константина еще при его жизни и принятый съ довѣріемъ Евсевіемъ, выступилъ *A. Casamassa*, I documenti della „Vita Constantini“ di Eusebio Cesarsense. Roma 1913 (также въ сборникѣ *Lecture Costantiniane*. Roma 1914); этотъ обстоятельный этюдъ, составляющій, по сообщенію автора, часть болѣе обширнаго давно начатаго труда объ историческихъ произведеніяхъ Евсевія, и посвященъ собственно въ своей главной части только разсматриваемому эдикту, такъ какъ отрицательное рѣшеніе вопроса о немъ должно служить для указанныхъ ученыхъ главнымъ основаніемъ для отверженія подлинности и другихъ (15) документовъ у Евсевія. Еще раньше (противъ *Crivellucci* и *Schultze*) обосновывали подлинность спорныхъ документовъ *Seeck* (1896, 1897) и *Heikel* (1902). Однако, по поводу изслѣдованія Казамаcсы, не соглашаясь съ нимъ, снова попытался отвергнуть подлинность какъ этого эдикта, такъ еще другихъ 5 документовъ въ V. C., *P. Batiffol*, Les Documents de la Vita Constantini, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes, 1914, № 2, 81—95. По мнѣнію Батиффоля, всѣ эти

Законъ 313 г. устанавливалъ лишь, въ первой половинѣ, полную свободу для христіанъ вмѣстѣ съ послѣдователями

6 документовъ (разсматриваемый эдиктъ, опредѣляющій отношенія Константина къ церкви, II, 24—42; другой, приводимый затѣмъ Евсевіемъ эдиктъ, объ отношеніяхъ къ язычникамъ, II, 48—60; письмо Александру и Арію—объ отношеніяхъ къ омоусіанамъ и аріанамъ, II, 64—72; письмо о пасхѣ—объ отношеніяхъ къ іудеямъ, III, 17—20; обращеніе къ еретикамъ, III, 64—65; письмо Сапору—о покровительственномъ отношеніи Константина къ христіанамъ въ имперіи, IV, 9—13) вышли изъ рукъ „полуаріанъ“, вѣроятно около 340 г., и должны были намѣтить программу религиозной политики для преемника Константина Констанція, подобно тому, какъ и самая „Жизнь Константина“ Евсевія въ окончательной редакціи есть собственно не исторія, и даже не панегирикъ Константину, а именно программа для его сына, и поэтому въ ней приписывается Константину не та политика, какой онъ держался въ дѣйствительности (р. 94—5). Въ книгѣ *La paix Constantinienne*. Paris 1914, Батиффоль въслѣдствіе этого игнорируетъ всѣ названные документы, ссылаясь на эту свою статью (р. 267). На самомъ дѣлѣ, хотя нѣкоторые возраженія противниковъ подлинности выдвигаютъ довольно трудные для объясненія факты, но другіе сами основываются лишь на гипотезахъ, или даже просто на недостаточно внимательномъ отношеніи къ имѣющимся уже разъясненіямъ по поводу тѣхъ или иныхъ мѣстъ въ текстѣ документовъ.—Что касается въ частности эдикта, о которомъ идетъ рѣчь, то едва ли, прежде всего, слѣдуетъ „удивляться“, подобно Батиффолу, хотя бы и не усматривая здѣсь *ratio dubitandi* (92), тому, что Евсевій, приводя документъ, отмѣчаетъ, что текстъ его взятъ имъ съ подлиннаго экземпляра, присланнаго въ Палестину за подписью самого Константина (II, 23): если такой важный документъ въ подлинникъ оказался въ рукахъ историка, для него вполне естественно было упомянуть объ этомъ, приводя его текстъ, и въ замѣчаніи о засвидѣтельствованіи его подлинности подписью самого императора нѣтъ нужды непременно усматривать желаніе фальсификатора предупредить недовѣріе къ подлогу. Сомнѣваться въ томъ, что кесарійскому митрополиту-историку могъ быть переданъ изъ архива присланный собственно гражданскому начальству документъ о христіанахъ, или въ томъ, что Константинъ могъ самъ подписать адресованный въ Палестину экземпляръ эдикта, назначавшагося для всей восточной половины имперіи (II, 42: *πρὸς τοὺς ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατολικοῖς μέρεσιν*), едва ли есть основанія.—Почему, далѣе, самъ Константинъ не могъ, по мнѣнію Батиффоля (92—3). въ этомъ письмѣ, соответствующему его цѣли, подробно развить апологетическія мысли о гибели гонителей христіанъ и о благополучіи императоровъ, почитающихъ Бога (II, 24—27), о чемъ онъ лишь кратко замѣчалъ нѣкогда въ письмѣ Анулину (h. e. X, 7), и почему нужно предполагать, что кто-то иной хотѣлъ приписать здѣсь Константину подробное раскрытіе этихъ мыслей,—неясно. То же можно замѣтить и касательно мысли о Константинѣ, какъ орудіи Промысла (II, 28—29).—Когда указывается, далѣе, на несоотвѣтствіе распоряженій эдикта, которыми

другихъ религій; отъ прямыхъ преслѣдованій христіане были избавлены уже эдиктомъ Галерія 311 г., и нужно было только

устраняются слѣдствія Ликиніева гоненія, тѣмъ свѣдѣніямъ, какія даетъ объ этомъ гоненіи Евсевій, то, съ одной стороны, это несоотвѣтствіе преувеличивается, съ другой—не видно, почему нельзя согласиться и съ тою мыслию, что самъ эдиктъ можетъ быть дополняющимъ Евсевія источникомъ свѣдѣній о гоненіи и что этимъ эдиктомъ устранялись частію послѣдствія еще болѣе раннихъ гоненій—Диоклетіана, Галерія и Максимина (*P. Allard, La persécution de Dioclétien et le triomphe de l'Eglise. II. Paris 1908, 314*, безъ нужды относить все къ гоненію Ликинія). Что конфискація имущества христіанъ при Ликиніи производима была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и соединялась обычно со ссылкой, это весьма выразительно отмѣчаетъ и Евсевій; страдали отъ его жадности и всѣ его подданные, тѣмъ болѣе должны были являться его жертвою въ этомъ случаѣ христіане (*V. C. I, 52: πάντων δὲ [христіανъ, бывшихъ на придворной службѣ] τὰς ὑπάρξεις ἀντὶ ἐρμαιοῦ προαρπάζων; ср. вообще о его чрезмѣрномъ корыстолюбіи I, 55, 2: οὐ γὰρ εἶχεν αὐτῷ μέτρον ἡ μικρολογία οὐδ' ἡ ἀπληστία κάρφ περιωρίζετο. — οἷας δ' ἐφευρε κατὰ τῶν μηδὲν ἡδικηκότων ὑπερροφίους τιμωρίας, οἷας ὑπάρχόντων διμεύσεις. — οὐ δὲ ταῦτα χρεὼν μηχανεῖν. Ср. то же въ h. e. X, 8, 13).* Слѣдуетъ замѣтить, что въ эдиктѣ 324 г. вниманіе и обращается прежде всего именно на возстановленіе имущественныхъ правъ частныхъ лицъ живыхъ (II, 30) и уже умершихъ—въ лицѣ ихъ наслѣдниковъ, при чемъ за отсутствіемъ послѣднихъ право наслѣдованія усвоется церкви (II, 35—36). Но законъ 313 г. этого предмета не касался, и частная собственность пострадавшихъ ранѣе христіанъ могла, такимъ образомъ, оставаться и потомъ въ чужихъ рукахъ, особенно если прежнихъ собственниковъ-христіанъ не было уже въ живыхъ; лишившіеся имущества христіане могли развѣ лишь по собственной инициативѣ возбуждать искъ о возвращеніи несправедливо отобранной собственности. Законъ 324 г. привноситъ въ этомъ случаѣ уже нѣчто совершенно новое и устраняетъ слѣдствія гоненія не Ликинія только, но и болѣе раннихъ гонителей, не устраненныя еще миланскимъ закономъ, который собственно имѣлъ въ виду установить имущественныя права христіанскихъ общинъ. Если и эдиктъ 324 г. въ II, 39—40, касается и принадлежащихъ церквамъ имущества, то характерно уже то, что рѣчь объ этомъ идетъ только послѣ распоряженій объ имуществѣ частныхъ лицъ. Это, повидимому, указываетъ на то, что самъ по себѣ весьма важный предметъ не требовалъ однако въ данный моментъ поставленія на первый планъ, потому что случаи конфискаціи церковныхъ имущества въ гоненіе Ликинія если и были, то лишь рѣдко, особенно захвату самыхъ храмовъ съ мѣстами погребенія мучениковъ (въ эдиктѣ, между прочимъ, сначала говорится вообще о церковныхъ имуществахъ II, 39: οἰκία, ἀγροί, κῆποι, а потомъ уже о мѣстахъ погребенія мучениковъ II, 40, тогда какъ въ законѣ 313 г. порядокъ обратный). Но что и при Ликиніи возможны были случаи конфискаціи церквей, хотя бы пока еще и не частые, это показываетъ сообщеніе Евсевія о фактахъ, имѣвшихъ мѣсто

отмѣнить присоединенныя здѣсь къ этому эдикту ограничительныя условія. Теперь, въ 324 г., необходимо было прежде

въ Амасіи и другихъ городахъ Понта, гдѣ церкви или были разрушаемы до основанія, какъ это дѣлалось въ началѣ гоненія Діоклетіана, или запираемы (h. e. X, 8, 15 = V. C. II, 2, 40). Очевидно, вполне возможна была при этомъ и конфискація, какъ и во времена Діоклетіана; Евсевій не говоритъ прямо о конфискаціи и при Діоклетіанѣ, Галеріи и Максиміанѣ, и мы узнаемъ объ этомъ фактѣ лишь изъ миланскаго закона. Категорически утверждать, какъ дѣлаетъ Батиффоль (93), что Ликивій ничего не конфисковалъ во время своего гоненія и что *restitutio in integrum* въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ, провозглашаемое въ эдиктѣ 324 г., оказывается безцѣльнымъ (*sans objet*), было бы слишкомъ смѣло, не имѣя прямыхъ основаній для того. — Равнымъ образомъ, нѣтъ причинъ сомнѣваться и въ томъ, что разныхъ вдовъ наказаній, которыя отмѣняются въ эдиктѣ, дѣйствительно въ большей или меньшей степени были примѣняемы Ликиніемъ, хотя Евсевій ихъ въ рассказѣ о гоненіи Ликивія подробно и не перечисляетъ. Если *ἐξορισμοί* (*ἐπερώριον τιμωρίαν*) и *ἀπαγωγαί* сдѣлались еще до открытаго гоненія на христіанъ обычными средствами для Ликивія въ цѣляхъ обогащенія по отношенію вообще къ его подданнымъ (h. e. X, 8, 13 = V. C. I, 55, ср. при этомъ замѣчаніе: *τί χρὴ ταῦτα μηχανεῖν, τῆς τῶν ἐσχατῶν αὐτοῦ πράξεων ἐπερβολῆς μικρὰ τὰ πρῶτα καὶ τὸ μηδὲν εἶναι διαλεγχούσης*) и если къ епископамъ стала примѣняться по мѣстамъ смертная казнь, даже въ особомъ видѣ (ихъ разсѣкали на части и бросали въ море, h. e. X, 8, 17 = V. C. II, 2), то возможны и случаи ссылки христіанъ на острова и присужденія къ работѣ въ рудникахъ и къ другимъ тяжелымъ или унижительнымъ трудамъ. — Что Константинъ, получивъ власть на востокѣ, прежде всего позаботился объ освобожденіи отъ наказаній исповѣдниковъ христіанства (ср. II, 43: *Τὸ μὲν δὲ πρῶτον ὡς ἦν ἐκ καταπερφεῖν βασιλεὺς γράμματα ταῦτα διέταττετο*; ср. II, 24), это вполне естественно. Можно думать, что эдиктъ былъ изданъ вскорѣ же послѣ побѣды надъ Ликиніемъ при Хрисополѣ 18 сентября 324 (323) г. Недоумѣніе можетъ, дѣйствительно, вызывать то обстоятельство, что въ эдиктѣ ничего не говорится объ отмѣнѣ „законовъ“ Ликивія, запрещавшихъ соборы епископовъ, участіе женщинъ въ богослужебныхъ собраніяхъ мужчинъ и катихизацію ихъ епископами, и, наконецъ, вообще богослужебныя собранія въ городахъ (I, 51, 53). Но это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Константинъ и не видѣлъ никакой необходимости говорить здѣсь объ этомъ *explicité*. Если онъ прямо указываетъ въ эдиктѣ свою миссію въ томъ, чтобы содѣйствовать утвержденію христіанства въ „родѣ человѣческомъ“ (II, 28, 2), то для всѣхъ, конечно, должно было быть ясно, что всякія стѣснительныя мѣры теперь не могутъ уже имѣть мѣста и возстановляется для христіанъ въ полной мѣрѣ свобода, провозглашенная нѣкогда миланскимъ закономъ (ср. II, 42). Съ побѣдой Константина надъ Ликиніемъ, указанныя „законы“ Ликивія теряли силу и помимо особаго распоряженія. Формальною отмѣною ихъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ явиться указъ Cod. Theod. XV, 14, 1,

всего устранить слѣдствія опять поднятаго Ликиніемъ—хотя бы главнымъ образомъ подъ видомъ кары за нарушеніе разныхъ вновь введенныхъ ограниченій — гоненія. Въ первой части эдикта (II, 30—34) поэтому объявляется объ освобожденіи христіанъ отъ всѣхъ тѣхъ наказаній, которымъ они лично подвергались при Ликиніи, при чемъ подробно перечисляются виды этихъ наказаній ¹⁾).

Вторая часть эдикта, какъ и соотвѣтствующая часть конституціи 313 г., посвящена вопросу объ имущественныхъ правахъ христіанъ (II, 35—41). Но въ то время какъ въ миланскомъ законѣ говорится лишь о возвращеніи мѣстъ богослуженія и другихъ имуществъ христіанскимъ общинамъ и не говорится ничего о конфискованной собственности частныхъ лицъ, теперь дѣло ставится гораздо шире. Уже въ первой части эдикта упоминается о возвращеніи отдѣльнымъ лицамъ изъ христіанъ отнятыхъ у нихъ имуществъ. Но кромѣ того, теперь специально предписывается еще, чтобы и имущество пострадавшихъ такъ или иначе за христіанство лицъ, уже не находящихся въ живыхъ ²⁾, было передано или ихъ ближайшимъ родственникамъ, или, если родственниковъ не окажется, мѣстнымъ церквамъ (если только умершими владѣльцами уже

изданный 16 декабря 324 г. (если не 16 мая—въ томъ случаѣ, если относить войну съ Ликиніемъ къ 323 г.). Но этотъ указъ въ то же время вовсе не исключалъ необходимости изданія еще ранѣе особаго эдикта, имѣвшаго ближайшею цѣлю не просто лишь подтвердить миланскій актъ, а дать свободу христіанскимъ исповѣдникамъ и устранить слѣдствія несправедливаго захвата имущества не по отношенію только къ христіанскимъ общинамъ, какъ это было сдѣлано въ миланскомъ законѣ, но и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ изъ христіанъ.

¹⁾ V. C. II, 30: изгнаніе изъ отечества (*μετοχή*), включеніе въ куріальные списки (*βουλευτικοὶ καταλόγοι*), конфискація имущества (*πάσης τῆς ὑπαρχούσης οὐσίας ἀποβολή*), 31: ссылка на острова, 32: работа въ рудникахъ или другія работы для казны (*εἰ πρὸς τοῖς δημοσίοις ἔργοις ἐμπροστίας*), *infamia* (*ἀτιμία*), 33: удаленіе съ военной службы (лишеннымъ военнаго званія христіанамъ Константинъ предоставляет теперь или опять возвратиться на военную службу, или жить въ почетной отставкѣ—*μετὰ ἀφέσεως ἐντίμου*), 34: помѣщеніе въ *γυναῖκεια* и *λινούφια*—императорскія фабрики для производства тканей.

²⁾ II, 35: 1) мучениковъ, 2) исповѣдниковъ, 3) подвергшихся изгнанію, 4) наказанныхъ только конфискаціей имущества. Послѣдніе почему-то пропущены далѣе въ 36 главѣ при новомъ перечисленіи,—вѣроятно, по недосмотру писца. Ср. относительно этого пропуска у *Casamassa*, 52—55.

самими не было что-либо изъ имущества передано кому-нибудь). Тѣ, которые пріобрѣли сами непосредственно принадлежавшія христіанамъ имущества, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ христіанъ, должны безвозмездно возвратить ихъ, довольствуясь тѣми выгодами, которыя они уже успѣли извлечь изъ этихъ имуществъ во время владѣнія; къ нимъ императоръ вообще относится съ строгимъ осужденіемъ ¹⁾. Купившіе у казны и получившіе въ даръ, хотя первые тоже заслуживаютъ порицанія, могутъ надѣяться на соотвѣтствующее вознагражденіе отъ правительства за возвращаемое ²⁾. Само собою разумѣется, что церковная собственность (οἰκίαι ἁγροί, κῆποι и пр.), тѣмъ болѣе богослужебныя мѣста, должны быть возвращены церквамъ ³⁾. Такимъ образомъ, вопросъ объ имуществахъ разсматривается здѣсь съ гораздо большею обстоятельностью, чѣмъ въ законѣ 313 г. Въ отличіе отъ послѣдняго, восстанавливаются въ полной мѣрѣ имущественныя права и отдѣльныхъ лицъ въ христіанствѣ. Церквамъ же не только возвращаются ихъ собственные имущества, но передаются въ извѣстныхъ случаяхъ, въ качествѣ наслѣдства, и имущества частныхъ лицъ.

Собственно всѣ эти постановленія и въ эдиктѣ 324 г. (не исключая и пункта о наслѣдованіи церковію имущества умершихъ лицъ, пострадавшихъ за христіанство), сами по себѣ не выходятъ еще за предѣлы простой справедливости. Но съ чисто юридическимъ элементомъ, въ этомъ обширномъ «писемѣ» единодержавнаго и уже не стѣсняемаго въ своихъ заявленіяхъ никакими посторонними вліяніями императора, соединяется теперь прямая проповѣдь христіанства и намѣчается въ самыхъ общихъ чертахъ предъ всѣми восточными подданными какъ бы программа религіозной политики—покровительство христіанству. Какъ видно изъ длиннаго введенія къ эдикту (II, 24—29), конечною цѣлью для себя Константинъ здѣсь ставитъ уже не подтвержденіе лишь принципа религіозной свободы и не устраненіе только причиненныхъ христіанамъ несправедливостей. Указавъ, что гонители христіанства терпѣли пораженія, и лишь вѣрное послѣдованіе христіанской религіи ⁴⁾ можетъ обезпечивать и земное благо-

¹⁾ II, 37—38.

²⁾ II, 41.

³⁾ II, 39—40.

⁴⁾ II, 24, I, р. 51: ἡ περὶ τῆς τοῦ χριστιανισμοῦ σεβασμιωτάτης θρησκείας ἀκριβὲς παρατήρησις.

получіе, онъ проводитъ взглядъ на себя, какъ на орудіе въ рукахъ Божества не только для освобожденія христіанъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія, въ какомъ они прежде находились, но и для обращенія вообще «человѣческаго рода» къ христіанскому «закону» и для распространенія христіанской вѣры ¹⁾. И въ концѣ эдикта онъ приглашаетъ всѣхъ подданныхъ видѣть въ происшедшемъ политическомъ переворотѣ и въ перемѣнѣ положенія христіанъ проявленіе дѣйствія высшей божественной силы ²⁾.

Прямое покровительство гѣсударя церкви, соотвѣтственно этой программѣ, и выразилось теперь въ отпускѣ изъ казны средствъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, прежде всего вообще на нужды церковнаго строительства, не только на исправленіе, но и на расширеніе существовавшихъ церквей, и на построеніе новыхъ, какъ бы въ виду того, по замѣчанію Евсевія, что «все рѣшительно (ἀπάντων) люди присоединятся къ Богу по устраненіи многобожнаго безумія». Указы объ этомъ, равно и письма «предстоятелямъ церквей» (вѣроятно митрополитамъ и епископамъ болѣе видныхъ городовъ) разосланы были по всѣмъ провинціямъ на востокъ. Евсевій приводитъ такое письмо императора, адресованное лично ему ³⁾.

Отмѣченная ясно императоромъ цѣль — утвержденіе въ «родѣ человѣческомъ» христіанской религіи, очевидно, должна была сопровождаться въ мысли императора намѣреніемъ устранить изъ имперіи язычество. Евсевій и сообщаетъ вслѣдъ за приведеннымъ эдиктомъ, что одновременно съ закономъ о построеніи по возможности обширныхъ церквей, Константиномъ былъ изданъ законъ, устранявшій «скверны издревле утвердившагося въ городахъ и селеніяхъ идолослуженія, такъ чтобы никто не осмѣливался ни ставить идоловъ, ни прибѣгать къ гаданіямъ и другимъ обрядамъ, ни приносить жертвы». Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній сомнѣваться, что Константинъ выступилъ, и именно въ данный моментъ, съ подобнымъ о б р а -

¹⁾ II, 28, 2, p. 53: τὴν ἐμὴν ὑπερθεσίαν πρὸς τὴν ἑαυτοῦ βούλησιν ἐπιτηδεῖαν ἐζητήσθαι τε καὶ ἐκρίναι, — — Ἐν' ἅμα μὲν ἀνακαλοῖτο τὸ ἀνθρώπινον γένος τὴν περὶ τὸν σεμνότητος νόμον θεοσεβείαν τῇ παρ' ἐμοῦ παιδεύομενον ὑπουργίᾳ, ἅμα δ' ἡ μακαριστὴ πίστις αὐξοίτο ὑπὸ χειραγωγῆ τῷ κρείττονι.

²⁾ II, 42, p. 59: οἱ καθ' ἓνα τε καὶ σύμπαντες ἐσπουδαζόμεναις καθοράτε φροντίσιν, τίς ἐκείνη καθέστηκεν ἐξουσία, τίς χάρις, κτλ.

³⁾ II, 46.

щеніемъ противъ язычества, имѣвшимъ характеръ законодательнаго акта, къ своимъ восточнымъ подданнымъ 1). За-

1) Издавалъ ли Константинъ законъ, запрещающій вообще идолослуженіе, вопросъ объ этомъ принадлежитъ къ числу спорныхъ. Поводъ къ спорамъ даетъ въ особенности то обстоятельство, что Евсевій, хотя упоминаетъ о такомъ законѣ, но текста его не приводитъ. Во всякомъ случаѣ, Евсевій, послѣ замѣчанія о практикѣ Константина назначать на должность президовъ и другихъ, высшихъ начальниковъ, до самыхъ префектовъ, христіанъ, и о запрещеніи остававшимся еще въ язычествѣ магистратамъ приносить языческія жертвы (II, 44), со всею определенностью говоритъ (II, 45, 1, р. 60): Εἴτα ἐξῆς δὲ οὐ κατὰ τὸ αὐτὸ ἐπέμποντο νόμοι, ὁ μὲν εἰργων τὰ μυσὰ τῆς κατὰ πόλεις καὶ χώρας τὸ παλαιὸν συντελουμένης εἰδωλολατρείας, ὥς μήτε ἐγέρσεις βοῶνων ποιῆσθαι τολμᾶν, μήτε μαντεῖαις καὶ ταῖς ἄλλαις περιεργίαις ἐπιχειρεῖν, μήτε μὴν θύειν καθόλου μηδὲνα, ὁ δὲ τῶν εὐκτηρίων οἰκῶν τὰς οἰκοδομὰς ὕφουν — διαγορεύων. Далѣе, въ четвертой книгѣ своего труда, посвященной вообще уже послѣднему періоду жизни Константина—30-мъ годамъ IV вѣка, сказавъ о ревности императора къ утвержденію христіанской религіи и искорененію язычества (IV, 15—23), Евсевій отмѣчаетъ справедливость высказанной однажды Константиномъ о самомъ себѣ характеристики, что онъ является какъ бы „поставленнымъ отъ Бога епископомъ τῶν ἐκτὸς [τῆς ἐκκλησίας]“ (IV, 24), и продолжаетъ (IV, 25, 1, р. 126): Ἐνθὰν εἰκότως ἐπαλλήλοισ τε νόμοις καὶ διατάξεσι τοῖς πᾶσι διεκτέλετο μὴ θύειν εἰδώλοις, μὴ μαντεῖα περιεργάζεσθαι, μὴ βοῶνων ἐγέρσεις ποιῆσθαι, μὴ τελετὰς χρυφίους ἐκτελεῖν, μὴ μονομάχων μακρονίκις μολύνειν τὰς πόλεις. На законъ Константина, запрещающій жертвы, ссылался потомъ въ указѣ 341 г. Константиѣ. Cod. Theod. XVI, 10, 2: Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania. Nam quicumque contra legem divi principis parentis nostri et hanc nostrae mansuetudinis iussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, competens in eum vindicta et praesens sententia exseratur.—Съ довѣріемъ относится къ сообщенію Евсевія объ изданіи Константиномъ въ 324 г., сразу по утверженіи на востокъ, закона противъ языческихъ жертвъ, *E. Chastel*, Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient. Paris 1850, 57—68, при чемъ онъ допускаетъ въ виду IV, 25, что онъ могъ быть потомъ возобновленъ Константиномъ (64). Въ данное время, вскорѣ послѣ пораженія Ликинія, законъ былъ изданъ подъ влияніемъ успѣха борьбы съ Ликиніемъ и по просьбѣ епископовъ; но онъ еще не былъ примѣненъ къ дѣлу, какъ Константинъ убѣдился въ его преждевременности, и хотя формально не отмѣнилъ его, однако далъ ему такое толкованіе въ послѣдовавшемъ затѣмъ эдиктѣ къ жителямъ востока, что имъ въ сущности парализовалось его дѣйствіе. Признаетъ законъ 324 г. противъ язычества и *Th. Keim*, Der Übertritt Constantins des Grossen zum Christentum. Zürich 1862, 54, 100. Съ рѣшительностью высказываются за достовѣрность показаній Евсевія также *V. Schultze*, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums I. Jena 1887, 55—57, и *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I³.

прещеніе могло относиться прямо лишь къ совершенію обрядовъ идолослуженія въ частныхъ домахъ, подобно тому какъ ранѣе

Berlin 1910, 61, 474—5.—Но еще *Валуа* высказалъ мнѣніе, что упоминаемый у Евсевія законъ въ дѣйствительности запрещалъ лишь частныя домашнія жертвоприношенія. *A. Beugnot*, Histoire de la destruction du paganisme en Occident. I. Paris 1835, 98—101, также полагаетъ, что законъ направленъ былъ не противъ языческихъ жертвъ вообще, а противъ того, что въ языческомъ культѣ должно было казаться предосудительнымъ даже и съ языческой точки зрѣнія (II, 45: τὰ ροσὰ τῆς εἰδωλολατρίας) и противъ домашнихъ жертвъ; Евсевій же преувеличилъ и искажилъ его значеніе. *L. Duchesne*, Histoire ancienne de l'Eglise. II. Paris 1907, 77 (русск. пер. М. 1914, 52) находитъ затруднительнымъ высказаться о содержаніи закона за немнѣніемъ его текста и допускаетъ, что въ немъ запрещались, можетъ быть, лишь языческія церемоніи въ частныхъ домахъ. Особенно пытается въ новѣйшее время показать преувеличенность и невѣрность сообщенія Евсевія въ данномъ случаѣ *F. Sasan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Falle Konstantinopels. I. Czernowitz 1911, 267—279. Константинъ устранилъ лишь „навязанный Ликиніемъ восточу языческій характеръ“, обнародовалъ, между прочимъ, и на востокъ свои законы противъ частной практики аруспиковъ,—и это дало поводъ Евсевію для его утвержденія. Константинъ могъ имѣть въ виду въ своей ссылкѣ на отца именно законы объ аруспинѣ, или же указать въ V. С. II, 48—59, или же вообще мѣры противъ введеннаго Ликиніемъ „языческаго характера“, вѣроятно же всего, хотѣлъ лишь прикрыть этой ссылкой свои собственныя намѣренія. „Крайне сомнительнымъ“ признаетъ существованіе закона Константина противъ язычества *A. A. Спасскій*, Обращеніе имп. Константина В. въ христіанство. Сергіевъ Посадъ 1905, 71—73; однако, для того, чтобы объяснить ссылку на него Константія, онъ допускаетъ, что Константинъ къ концу жизни, подъ влияніемъ окружающихъ его христіанъ, могъ составить проектъ такого закона, но не опубликовалъ его, и имъ потомъ воспользовался Константія.—Если предположить, что законъ 324—5 г., хотя содержалъ прямое запрещеніе только совершенія языческихъ обрядовъ въ частныхъ домахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзко отзывался вообще о языческомъ культѣ, и въ немъ высказывалось пожеланіе скорѣйшаго прекращенія и храмоваго богослуженія, то онъ самъ легко могъ давать поводъ къ широкому толкованію, и этимъ, можетъ быть, объясняется передача его въ слишкомъ широкомъ смыслѣ у Евсевія и ссылка на него Константія. Желательности полнаго прекращенія языческаго культа и въ храмахъ (τὸν καὶ ὡν περιτρεχέαι τὰ ἱεῖα) Константинъ вовсе не скрываетъ и въ слѣдующемъ эдиктѣ, гдѣ онъ выступаетъ уже противъ излишнихъ слѣсненій язычниковъ. Въ IV, 25, 1, Евсевій имѣетъ въ виду, вѣроятно, тотъ же самый законъ, который упоминается и въ II, 45, 1, такъ какъ хотя въ четвертой книгѣ рѣчь вообще идетъ о послѣднихъ годахъ царствованія Константина, но IV, 25, 1, можетъ относиться и къ болѣе раннимъ временамъ. Фактъ, сообщаемый въ IV, 24 (слова о τὸν ἐκτὸς ἐπι-

императоръ запретилъ на западѣ частную практику арусниковъ, но съ нимъ могло въ то же время соединяться рѣзкое порицаніе вообще языческаго культа и пожеланіе совершеннаго исчезновенія его. Сторонники старой религіи въ этомъ законѣ, разумѣется, должны были усмотрѣть стѣсненіе своей свободы. Неумѣренную ревность въ искорененіи язычества могли обнаружить нѣкоторые епископы и вообще члены клира. И между гражданскими административными лицами особенно въ виду того, что Константинъ, по Евсевію, старался замѣщать разныя должности именно христіанами, сразу же могло найтись немало такихъ, которые готовы были пойти гораздо далѣе самого императора и истолковывали въ самомъ широкомъ смыслѣ изданный имъ законъ.

Повидиму, нежелательными для самого Константина фактами этого рода и вообще ропотомъ языческой партіи по поводу указанного закона объясняется изданіе имъ въ скоромъ

схочесъ“), могъ быть и въ 325, и въ 335 г.; но постановленіе IV, 25, 1: *μη πορνείων διαφονίας πολύνειν τὰς πόλεις*, нужно, очевидно, относить прежде всего къ закону 1 окт. 325 (Cod. Theod. XV, 12, 1), и эта дата можетъ служить основаніемъ видѣть въ предшествующихъ словахъ лишь повтореніе II, 45, 1 (законъ тоже 324/5 г.). Перечисляются, хотя не въ одинаковомъ порядкѣ, въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же пункты (если *ἄλλαι περιεργίαι* = *τελεταὶ χρέσται*), и къ нимъ, нужно думать, сводилось содержаніе закона. Почему Евсевій не привелъ самаго текста закона, неизвѣстно. Можетъ быть, именно нѣкоторая неудача, постигшая Константина съ этимъ закономъ и заставившая его вскорѣ же выступить съ другимъ, уже ограничивающимъ значеніе его указомъ (II, 48—59), побудила дипломатичнаго панегириста ограничиться лишь общимъ упоминаніемъ объ этомъ законѣ; но можетъ быть, у него просто не было въ моментъ написанія „Жизни Константина“ текста его. Для его ближайшей цѣли—характеристики христіанскаго настроенія императора и его отношенія къ язычеству—выполни достаточно было и другихъ приведенныхъ у него документовъ, въ частности—даже именно указа II, 48—59. Оговорка въ законѣ 29 іюня 326 (Cod. Theod. XV, 1, 3), дозволяющая постройку новыхъ храмовъ, возможна была уже съ точки означеннаго указа; необходимо, сверхъ того, обратить вниманіе на то, что разрѣшеніе построить храмъ могло сопровождаться въ извѣстныхъ случаяхъ запрещеніемъ въ то же время совершать въ немъ языческія церемоніи (храмъ въ Гиспеллѣ). Не имѣетъ значенія въ вопросѣ о законодательствѣ Константина ссылка на законъ 21 мая 337 г. (XII, 5, 2) о привилегіяхъ для *sacerdotes et flamines perpetui*, потому что должностныя лица съ этими языческими названіями были въ данное время не болѣе, какъ предсѣдателями мѣстныхъ сеймовъ, и ими могли быть и были и христіане. Ср. *Seeck*, I³, 474—5.

времени другого эдикта ¹⁾), который у Евсевія характеризуется, какъ «поученіе, избличающее идолопоклонническое заблужденіе предшествовавшихъ ему правителей» ²⁾).

¹⁾ II, 48—59. 48, p. 61: Βασιλέως ἐπιστολὴ κατὰ πάσας τὰς ἐπαρχίας. „Νικητῆς Κωνσταντίνος Μεγίστος Σεβαστὸς ἐπαρχιώταις ἀνατολικοῖς. Πάντα μὲν θαυ- κтл. 47, p. 61: διδασκαλίαν ἀπελεγτικὴν τῆς εἰδωλολάτρου πλάνης τῶν πρὸ αὐτοῦ κακαραγμάτων τοῖς κατὰ πᾶν ἔθνος ἐπαρχιώταις κατέπεμπεν.

²⁾ Ватиффоль въ упомянутой выше статьѣ (p. 90—91) построаетъ свои возраженія противъ подлинности этого эдикта частью лишь на томъ, что влагаетъ въ него мысли, какія въ немъ вовсе не высказываются.—Такъ, онъ полагаетъ, что, говоря о своемъ отвращеніи къ предшествовавшимъ правителямъ (II, 49), Константинъ имѣетъ здѣсь въ виду вообще прежнихъ языческихъ императоровъ, и замѣчаетъ, что „мы знаемъ, напротивъ, что Константинъ хотѣлъ походить на Антониновъ, на Марка Аврелія“. Въ дѣйствительности, и изъ дѣлаемаго въ этой главѣ упоминанія о Константій Хлорѣ, и изъ всего дальнѣйшаго изложенія (49—54) видно, что рѣчь идетъ тутъ лишь о ближайшихъ предшественникахъ Константина съ Диоклетіаномъ во главѣ; и въ заглавіи (p. 38) читается: Περὶ τοῦ πατρὸς τοῦ φιλοθέου Κωνσταντίνου καὶ περὶ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ διωκτῶν.—По поводу того, что Константій Хлоръ характеризуется (II, 49), какъ μετὰ θρησκείας εὐλαβείας ἐν πάσις ταῖς ἐκείνου πράξεσι τὸν σωτῆρα θεὸν ἐπικαλούμενος, Ватиффоль замѣчаетъ: „мы знаемъ, что Константій Хлоръ никогда не былъ христіаниномъ“. Но Константинъ, очевидно, вовсе и не говоритъ здѣсь прямо о христіанствѣ своего отца, а лишь о его монотеизмѣ.—Подъ ἐμφύλιοι πόλεμοι, которые подняты были ближайшими предшественниками Константина и которые, по нему, привели ихъ къ гибели (II, 54), Ватиффоль хочетъ разумѣть въ собственномъ смыслѣ междоусобныя „гражданскія“ войны („guerres civiles“), и уличаетъ по этому поводу документъ въ сообщеніи совершенно неправдоподобныхъ свѣдѣній. Но какъ видно изъ II, 49, въ связи съ дальнѣйшимъ текстомъ (ср. примѣчаніе къ этому мѣсту Валуа, Migne, ser. lat. t. 8, c. 273 D), и, напр., изъ словъ о гонителяхъ Евсевія въ I, 13, 2 (p. 14: καὶ οἱ μὲν ἐμφύλιοις θεοσεβῶν ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν σφαγαῖς τὰς ὑπ' αὐτοῖς ἐπαρχίας ἐμάχοντο), рѣчь идетъ здѣсь о поднятыхъ ими гоненіяхъ на христіанъ.—Серьезное значеніе имѣетъ указаніе на видимое несоотвѣтствіе сообщенія Константина о началѣ гоненія при Диоклетіанѣ (II, 50—54) съ рассказомъ о томъ же Лактанція (De mort. pers. 11—15). Нельзя отрицать этого несоотвѣствія, но едва ли можно въ то же время основывать на немъ сомнѣніе въ подлинности документа. Въ эдиктѣ можно усматривать лишь сокращенную передачу въ нѣсколько иномъ освѣщеніи того же самаго, о чемъ у Лактанція говорится лишь гораздо подробнѣе. Огнѣтъ оракула Аполлона, и по Лактанцію (11), имѣетъ рѣшающее значеніе для Диоклетіана. Константинъ ограничивается, повидимому, въ своемъ сообщеніи въ II, 51, только тѣмъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ чего пришлось быть ему самому, находясь при дворѣ Диоклетіана: какъ Диоклетіанъ спрашивалъ у окружающихъ о смыслѣ только что принесеннаго отвѣта оракула Аполлона (названіе Аполлона

Онъ былъ написанъ, по Евсевію, самимъ императоромъ, разосланъ также по всѣмъ провинціямъ и адресованъ ихъ жителямъ. Евсевій приводитъ его въ греческомъ переводѣ.

ὁ Πόριος, II, 54, можетъ и не противорѣчить названію Milesius у Лактанція, II, какъ разъясняетъ это противъ Шультце O. Seeck, Die Urkunden der Vita Constantini, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, XVIII, 1898, 335—6). Дальнѣйшія слова Константина, II, 51, p. 62: ὁ δὲ τὴν ἀποκρίσιν ἡμετέρη βροχθίσας μέλι τὰ κατὰ τῶν ἀδικημάτων εὐρεθέντα ξίφη κατὰ τῆς ἀνεκλήπτου ἐπιότητος ἐξέτεινεν. αὐτίκα δὲ οὖν διατάγματα λαῶν μακρόνους ὡς εἰπεῖν ἀνωχαῖς συνέταττε κτλ., являются, конечно, неточными въ сравненіи съ рассказомъ Лактанція, однако въ своей краткой передачѣ Константинъ могъ выразиться такимъ образомъ, такъ какъ гоненіе во всякомъ случаѣ приняло кровавый характеръ вскорѣ же послѣ перваго эдикта, изданнаго вслѣдъ за полученіемъ отвѣта оракула. Нужно имѣть въ виду, что Лактанцій пишетъ въ 313—314 г. болѣе или менѣе обстоятельную исторію гоненія, Константинъ же приводитъ въ документѣ 324 г. какъ бы мимоходомъ свои личныя воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ юномъ еще возрастѣ, κοινῇ καὶ ἐτι ὑπάρχων, какъ—не безъ особой, повидимому, какой-то цѣли и съ преувеличеніемъ—находить нужнымъ отмѣтить самъ Константинъ. Хотя онъ и находился при дворѣ, но онъ могъ и не имѣть точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ тайномъ совѣтѣ императора; Лактанцій же имѣлъ въ этомъ случаѣ какой-то особый источникъ для своихъ сообщеній.—Указанное выраженіе κοινῇ καὶ ἐτι ὑπάρχων (II, 51) создаетъ, между прочимъ, само собой затрудненія. Возрастъ Константина при его смерти въ 337 г. опредѣляется въ разныхъ источникахъ отъ 62 до 66 лѣтъ (у Евсевія 64), слѣдовательно въ 303 г., когда началось гоненіе, ему должно было быть отъ 27 до 31 года, и выраженіе καὶ (обычно у грековъ для возраста отъ 4 до 14 лѣтъ) для этого момента не приложимо къ нему (въ заголовкѣ II, 51, p. 38, поставлено просто νέος ὢν). Зееккъ (въ Zeitschrift für KG. XVIII, 1898, 336—341, также Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I^a. Berlin 1910, 434—436) въ виду, между прочимъ, и этого мѣста признаетъ датой рожденія Константина 288 годъ (27 февраля). Что κοινῇ καὶ содержитъ во всякомъ случаѣ преувеличеніе, это слѣдуетъ изъ замѣчанія о Константинѣ Евсевія, который видѣлъ его еще до гоненія, когда онъ провѣщалъ вмѣстѣ съ Діоклетіаномъ чрезъ Палестину (что могло быть, по Зеекку, въ 302 г.), I, 19, 1, p. 17: ἦδη δ' ἐκ τοῦ παιδὸς ἐπὶ τὸν νεανίαν διαβάς (ср. I, 20: νεανίας для 305 г.). Но уже это показаніе Евсевія, если оно относится къ 302 г., свидѣтельствуетъ о возможности для Константина употребить, хотя бы и съ преувеличеніемъ, рассматриваемое выраженіе. Ср. также у Зеекка показанія другихъ авторовъ, подтверждающія эту возможность, напр. Nazar. paneg. X, 16: inito principatu [въ 306 г.], adhuc aevi immaturus.—Можно вообще замѣтить относительно этого документа, что „выставляемое въ немъ на видъ самимъ императоромъ желаніе сохранить „миръ“ въ имперіи (II, 64), въ противоположность введенной гонителями христіанъ смутъ (ἐμφύλιος πόλεμος), вполне соответствуетъ общему характеру поли-

Въ этомъ новомъ документѣ, въ первомъ его отдѣлѣ (II, 48—55), Константинъ, намѣреваясь изложить предъ всѣми подданными сущность своихъ «упованій» ¹⁾, говоритъ о своемъ несочувствіи къ образу дѣйствій своихъ непосредственныхъ предшественниковъ—гонителей христіанъ, и самъ, объясняя свою дѣятельность божественнымъ руководствомъ ²⁾, заявляетъ о своей всецѣлой преданности Богу и о готовности принять на себя трудъ—возстановить «святѣйшій домъ» Ему, разрушенный гонителями ³⁾. Но особенно характерною въ этомъ документѣ нужно признать (II, 56—60) дальнѣйшую часть. Поведенію гонителей, которые своимъ преслѣдованіемъ христіанъ сами вносили внутреннюю смуту въ жизнь государства ⁴⁾, Константинъ противопоставляетъ здѣсь собственную религіозную политику, направленную къ сохраненію мира. «И заблуждающіеся [язычники], подобно вѣрующимъ, безъ тревоги пусть пользуются миромъ и спокойствіемъ. Ибо эта пріятность общей мирной жизни и ихъ возможетъ исправить и вывести на прямой путь. Никто да не притѣсняетъ другого; каждый пусть содержитъ то, чего хочетъ душа его, этимъ пусть пользуется. Благочестивые должны быть увѣрены, что лишь тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Ты Самъ призываешь почитать на святыхъ Твоихъ законахъ; а отвращающіеся пусть владѣютъ удѣломъ лжснаго ученія» ⁵⁾. Христіанство само въ себѣ за-

тики Константина, столь выразительно отмѣчаемому самимъ же Батиффолемъ чрезъ самое заглавіе своей книги о константиновскихъ временахъ: „La paix Constantinienne“. Эта черта также можетъ говорить о принадлежности документа именно Константину. Между прочимъ, если бы этотъ эдиктъ былъ частью предполагаемой Батиффолемъ „программы“ для политики Константія, то оказалось бы, что для послѣдняго въ этомъ пунктѣ „программа“ не имѣла никакого значенія, какъ показываетъ изданіе имъ закона 341 г. противъ язычества.

¹⁾ II, 48, p. 62: ἐγὼ δ' ὡς ἐνι μάλιστα φανερώς περὶ τῶν κατ' ἐμυτὸν ἐλπίδων πάντων ὑμῖν ὁμολογῶμαι περὶ αὐτοῦ.

²⁾ II, 55, 1, p. 63: ταῖς σκῆς γὰρ ὁφειλόμενοι ἐνεσχησάμεν σωτηριώδη πράγματα καὶ διήνοσα.

³⁾ II, 55, 2, p. 63: διὰ ταῦτά τοι ἀνέθηκά σοι τὴν ἐμυτοῦ ψυχὴν ἔρωτι καὶ φόβῳ καθαρῶς ἀνακραθεῖσθαι.

⁴⁾ II, 49, p. 62: τῆς δὲ πονηρίας αὐτοῖς ἡ δεινότης εἰς τοσοῦτον ἐξήπτετο, ὥς πάντων ὁμοῦ τῶν θεῶν τε καὶ ἀνθρωπίνων πραγμάτων εἰρηνευομένων ἐμφυλίους ὅπ' ἐκείνων πολέμους ἀναρριπίζεσθαι.

⁵⁾ II, 56, p. 64: ὁμοίαν τοῖς πιστεύουσιν οἱ πλανώμενοι χαίροντες λαμβανέωσαν εἰρήνης τε καὶ ἡσυχίας ἀπόλαυσιν. — — μηδεὶς τὸν ἑταρόν

ключаетъ свидѣтельство своей истинности, и для правомыслящихъ и стремящихся къ дѣйствительной добродѣтели должна быть ясна его истинность. «Если кто препятствуетъ врачевать себя [отъ заблужденій язычества], пусть не винить въ томъ другого.—Только пусть никто не посягаетъ на то, что по самой сущности вещей должно быть неприкосновеннымъ. Будемъ, поэтому, всё пользоваться жребіемъ дарованнаго блага, т. е. прекраснымъ даромъ мира, удаляя совѣсть отъ всего противнаго. Если кто самъ въ чемъ убѣдился и принялъ, пусть не навязываетъ этого съ насиліемъ другому; что узналъ кто-либо и уразумѣлъ, пусть употребить на пользу ближнему, если возможно; а если невозможно, пусть оставить его въ покоѣ. Потому что одно—добровольно принимать подвигъ ради безсмертія, и иное—принуждать къ нему казнями» ¹⁾).

Такимъ образомъ, императоръ внушаетъ дѣйствовать на язычниковъ лишь убѣжденіемъ, запрещаетъ прибѣгать по отношенію къ нимъ къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ. «Я высказалъ это, заключаетъ онъ свой эдиктъ, и распространился объ этомъ даже болѣе, чѣмъ мнѣ слѣдовало бы, потому что я не хотѣлъ скрывать вѣры въ истину, въ особенности въ виду того, что нѣкоторые, какъ слышу, говорятъ, что уничтожены обряды храмовъ и власть тьмы; это я посоветовалъ бы [сдѣлать для себя] всѣмъ людямъ, если бы упорное противоборство пагубнаго заблужденія, въ ущербъ общему спасенію, не утвердилось чрезмѣрно въ душахъ нѣкоторыхъ» ²⁾). Слова эти, повидимому, и имѣютъ цѣлю отклонить то слишкомъ широкое пониманіе изданнаго ранѣе Константиномъ

παρενοχλείτω ἕκαστος ὅπερ ἡ ψυχὴ βούλεται κατεχέτω, τούτῳ καταχεχρήσθω. — οἱ δ' ἑαυτοὺς ἀφέλκοντες ἐχόντων βουλόμενοι τὰ τῆς ψευδολογίας τεμένη.

¹⁾ II, 59—60, p. 65: μόνον μὴ τις καταβλαπτέτω τοῦθ', ὅπερ ἀχραντὸν εἶναι τὰ πράγματα παρεγγύει. χρῆσάμεθα τοῖνον ἅπαντες ἄνθρωποι τῇ τοῦ θεοῦ ἀγαθοῦ συγκληρίᾳ, τούτῳ τῇ τῆς εἰρήνης καλῇ, χωρίζοντες ὁληθῇ τὴν συνείδησιν ἀπὸ παντὸς ἐναντίου. Πλὴν ἕκαστος ὅπερ πείσας ἑαυτὸν εἰδέν τε καὶ ἐνέησεν, τούτῳ τὸν πλησίον εἰ μὲν γενέσθαι δυνατόν ὡφελείτω, εἰ δ' ἀδύνατον παραπεμπέσθω. ἄλλο γάρ ἐστι <τὸ> τὸν ὑπὲρ ἀθανασίας ἄλλον ἐκουσίως ἐπαναιρεῖσθαι, ἄλλο τὸ μετὰ τιμωρίας ἐπαναγκάζειν.

²⁾ II, 60, p. 65: ταῦτα εἶπον, ταῦτα διεξῆλθον μακρότερον ἢ ὁ τῆς ἐμῆς ἐπιεικείας ἀπαιτεῖ σκοπός, ἐπειδὴ τὴν τῆς ἀληθείας ἀποκρύψασθαι πίστιν οὐκ ἐβουλόμην, μάλιστα ὅτι τινὲς ὡς ἀκούω φασὶ τῶν ναῶν περιηρησθαι τὴν εἴη καὶ τοῦ σκοτούς τὴν ἐξουσίαν ὅπερ συνεβούλευσεν ἂν πᾶσιν ἀνθρώποις, εἰ μὴ τῆς μοχθηρᾶς πλάνης ἢ βίαιος ἐπανάστασις ἐπὶ βλάβῃ τῆς κοινῆς σωτηρίας ἀμέτρως ταῖς ἐνίων ψυχαῖς ἐμπατήγει.

постановленія противъ язычества, которое могло сопровождаться лишь нежелательными слѣдствіями. Константинъ обрекаетъ язычество на уничтоженіе, но онъ вовсе не хочетъ, чтобы его собственныя рѣшительныя и властныя выступленія противъ язычества были понимаемы какъ разрѣшеніе кому бы то ни было чинить насилія надъ язычниками.

Очевидно, разсматриваемый эдиктъ является существеннымъ дополненіемъ къ первому, вышеуказанному эдикту о восстановленіи правъ христіанъ на востокѣ, и лишь оба вмѣстѣ они соотвѣтствуютъ содержанію закона 313 г. въ его полномъ объемѣ ¹⁾. Въ первомъ эдиктѣ 324 г. предполагается, какъ конечная цѣль политики Константина, вытѣсненіе язычества и замѣна его христіанствомъ, но отношеніе власти къ продолжавшимъ оставаться въ язычествѣ подданнымъ не опредѣлялось. Константинъ попытался затѣмъ начать искорененіе язычества на востокѣ запрещеніемъ идолослуженія и языческихъ обрядовъ, можетъ быть, лишь въ частныхъ домахъ, но неумѣренная ревность, вѣроятно, нѣкоторыхъ христіанъ и наклонность понимать въ слишкомъ широкомъ смыслѣ его заявленія побудили его вскорѣ же подтвердить принципъ личной свободы въ дѣлѣ религіи, который былъ нѣкогда высказанъ въ миланскомъ законѣ 313 г. Тамъ свобода для послѣдователей разныхъ культовъ устанавливалась на ряду съ опредѣленіемъ юридическаго положенія христіанъ. Здѣсь, въ виду особыхъ обстоятельствъ, издается объ этомъ особый актъ. И если тамъ усиленное подчеркиваніе свободы и другихъ культовъ, кромѣ христіанскаго, можетъ быть объясняемо главнымъ образомъ необходимостью для Константина считаться съ настроеніемъ Ликинія и Максимиана, хотя тамъ выдвигается и значеніе принципа свободы самого по себѣ ²⁾, то здѣсь, въ актѣ 324—325 г., когда Константинъ былъ единодержавнымъ, мотивомъ для него было, какъ это прямо и отмѣчается въ эдиктѣ, желаніе сохранить внутренній миръ въ имперіи ³⁾ и сознаніе малоцѣнности и непрочности вынужденныхъ насиліемъ обращеній въ новую религію ⁴⁾.

¹⁾ Не вполне точно говорится у Шесана (260—261), что первый изданный для востока законъ повторяетъ вторую часть миланскаго закона, второй—первую.

²⁾ § 3: *ut possit nobis summa diuinitas, cuius religioni liberis mentibus obsequimur, in omnibus solitum fauorem beneuolentiamque praestare.*

³⁾ II, 56.

⁴⁾ II, 60.

Взятые вмѣстѣ оба эти эдикта, изданные въ самомъ началѣ единодержавнаго правленія Константина, и представляютъ болѣе или менѣе точное выраженіе сущности вообще его религіозной политики въ отношеніи къ христіанству и язычеству. Сдѣланнымъ здѣсь заявленіямъ соотвѣтствуетъ въ цѣломъ вся его дѣятельность въ этой области. Всѣ стремленія его были уже съ 312 г. направлены къ содѣйствію, гдѣ и насколько это зависѣло отъ него, успѣхамъ христіанства. Онъ не скрывалъ и ранѣе, въ законахъ, изданныхъ на западѣ, отрицательнаго отношенія къ язычеству, какъ къ отжившему уже суевѣрію (319), и теперь высказываетъ это открыто предъ новыми восточными подданными; оно, повидимому, даже въ особо рѣзкой формѣ выразилось въ упоминаемомъ Евсевіемъ запрещеніи жертвъ. Но къ свободѣ убѣжденій сторонниковъ язычества онъ находилъ нужнымъ относиться съ самою широкою терпимостью, и иногда, по особымъ соображеніямъ, эта терпимость могла принимать видъ почти благосклоннаго отношенія и къ языческимъ учрежденіямъ,—когда онъ, напр., дозволяетъ построить языческій храмъ въ честь своего рода Флавіевъ въ Гиспеллѣ въ Умбріи ¹⁾). Это, однако, не измѣняетъ общаго направленія его политики, имѣвшей своей задачей устраненіе язычества и утвержденіе христіанства. Миланскій законъ въ сравненіи съ позднѣйшими актами является именно лишь начальнымъ моментомъ или предварительной ступенью въ этой общей религіозной политикѣ перваго христіанскаго императора.

Но въ то же время гораздо строже, нежели къ представителямъ язычества, вообще относился Константинъ, какъ покровитель церкви, къ нарушителямъ церковнаго единства въ средѣ самаго христіанства, къ еретикамъ и раскольникамъ, хотя и здѣсь политика его не всегда была вполне послѣ-

¹⁾ Inscriptiones latinae selectae. Ed. H. Dessau. V. I. Berolini 1892, p. 158—9. Храмъ, постройка котораго разрѣшается, долженъ былъ, однако, имѣть значеніе лишь просто монумента въ честь императорскаго рода, такъ какъ въ рескриптѣ (333—337 г.), въ то же время, запрещается совершать въ немъ какія-либо языческія церемоніи и о нихъ императоръ отзывается весьма пренебрежительно. 159 42—47: in cuius gremio [civitatis Hispellis] aedem quoque Flaviae, hoc est nostrae gentis, ut desideratis, magnifico opere perfici volumus, ea observatione perscripta, ne aedis nostro nomini dedicata cuiusquam contagios[ae] superstitionis fraudibus polluantur.

довательной въ частностяхъ. Въ 316 г. епископы донатистовъ были имъ присуждены къ изгнанію и церкви ихъ конфискованы. Нужно однако имѣть въ этомъ случаѣ въ виду, что донатисты сами же неотступно требовали суда императора, будучи недовольны судомъ соборовъ. Въ 321 г. императоръ предоставилъ имъ опять полную свободу. Въ 325 г. осужденный на никейскомъ соборѣ Аріи и его упорные приверженцы были приговорены къ ссылкѣ, повелѣно было называть ихъ «порфирианами», сочиненія Арія предавать огню, а за сокрытіе ихъ—казнить. Былъ потомъ изданъ, по сообщенію Евсевія, указъ правителямъ провинцій и противъ разныхъ сектъ, унаследованныхъ отъ прежняго времени: сектантамъ запрещалось собираться для богослуженія даже въ частныхъ домахъ, молитвенные дома ихъ передавались во владѣніе церкви, прочія «мѣста»—въ казну. Къ самимъ сектантамъ императоръ при этомъ обращался съ особымъ строгимъ посланіемъ, приводимымъ у Евсевія ¹⁾. Но въ проведеніи этихъ строгихъ распоряже-

¹⁾ V. С. III, 63—66. 64—65—письмо (διδασκαλία) къ еретикамъ. 64, 1, р. ΠΙΒ: Ἐπίγνωτε νῦν διὰ τῆς νομοθεσίας ταύτης, ὃ Νοοουχτιανοί, Οὐαλεντινοί, Μαρκελλισταί, Παυλιανοί [=последователи Павла Самосатскаго], οἱ τε κατὰ Φρύγας ἐπιεχλημένοι [=монтанисты], καὶ πάντες ἀπλῶς εἰπεῖν οἱ τὰς αἱρέσεις διὰ τῶν οἰκεῖων πληροῦντες συστήματων. Ватиффоль (I. с. 87—9) не признаетъ подлинности и этого документа и отвергаетъ достоверность сообщенія объ указѣ къ правителямъ. Но главное возраженіе, что отъ указаемаго у Евсевія закона на дѣлѣ не потерпѣли особаго ущерба новатіане, также монтанисты во Фригіи и сосѣднихъ провинціяхъ (ср. Soz. II, 32), а относительно новатіанъ имѣется даже особое распоряженіе отъ 25 сентября 326 г., дозволяющее имъ владѣть своими молитвенными домами и мѣстами для погребенія (Cod. Theod. XVI, 5, 2), вовсе еще не устраняетъ возможности изданія этого закона. Законъ, обнародованный нарядѣ съ особымъ посланіемъ императора къ сектантамъ, могъ быть предназначенъ, какъ предполагаетъ это Созоменъ, болѣе всего для устрашенія послѣднихъ, и въ такомъ случаѣ онъ, естественно, не выполнялся со всею строгостію, и возможны были разныя исключенія при его примѣненіи. Повидимому, онъ изданъ былъ вслѣдъ за имѣющимися въ Cod. Theod. XVI, 5, 1, закономъ отъ 1 сентября 326 г., разъясняющимъ, что привилегіи христіанству относятся лишь къ католической церкви, а еретики и схизматики, напротивъ, должны быть стѣсняемы разными повинностями (diversis muneribus). Во всякомъ случаѣ, уже самое содержаніе упомянутого распоряженія о новатіанахъ, вызваннаго особымъ ходатайствомъ ихъ къ императору, можетъ свидѣтельствовать, что стѣснительныя мѣры по отношенію къ сектантамъ, повидимому, не ограничивались одними лишь повинностями, и отсюда можно дѣлать выводъ объ изданіи еще другого закона послѣ закона 1 сентября

ній Константинъ, повидимому, самъ не хотѣлъ быть вполне послѣдовательнымъ *).

А. Бриллиантовъ.

---

326 г. Перечисленіе сектантовъ у Константина въ „письмѣ къ еретикамъ“ совпадаетъ съ перечисленіемъ ихъ у Лактанція, и прежде всего отъ Лактанція, не желающаго признавать сектантовъ и за христіанъ, онъ могъ заимствовать и свой суровый взглядъ на нихъ, въ частности—первоначально—и на новатіанъ. *Divin. inst.* IV, 30, 10 *Brandt* 396: cum enim [сектанты] Phryges aut Novatiani aut Valentiniani aut Marcionitae aut Anthropiani seu quilibet alii nominantur, Christiani esse desierunt, qui Christi nomine amisso humana et externa vocabula induerunt. „Anthropiani“ встрѣчаются уже у Кипріана (ep. 73, 4), и означаютъ у него, нужно думать, монархіанъ-динамистовъ, признававшихъ Христа, по-евѣѣитски, за простого человѣка. Очевидно, Παυλιανοὶ у Константина — Anthropiani Лактанція.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.г.) *).

СОВѢТЪ *Петроградской Академіи 1869—1884 г.г.* По уставу 1869 г. управленіе академій сосредоточивалось въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ ректора. Совѣтъ раздѣлялся на общій и частный. Общій состоялъ изъ всѣхъ профессоровъ академіи, ординарныхъ и экстраординарныхъ. Частный — изъ ректора, его помощниковъ по отдѣленіямъ, инспектора и представителей трехъ отдѣленій, по два отъ каждаго. Первый вѣдалъ важнѣйшія дѣла по учебной и учебной части, второй рѣшалъ дѣла административнаго и менѣе важнаго характера.

Большую роль играли какъ въ томъ, такъ и въ другомъ совѣтѣ въ особенности помощники ректора и отчасти выборные отъ отдѣленій. Первыми помощниками ректора были: по богословскому отдѣленію проф. И. А. Чистовичъ, по церк.-историческому—проф. И. В. Чельцовъ, по церк.-практическому—проф. В. И. Долоцкій. Инспекторомъ остался прежній—проф. К. И. Лучинскій. Членами отъ отдѣленій въ частномъ совѣтѣ, были: отъ богословскаго орд. проф. М. А. Голубевъ, экстр. проф. И. Т. Осининъ, и (по кончинѣ вскорѣ, 22 авг. 1869 г., М. А. Г., съ октября того же года) — экстр. проф. А. Л. Катанскій, отъ церк.-истор.—экстр. проф. М. О. Кояловичъ и И. Θ. Нильскій, отъ церк.-практическаго — орд. проф. Е. И. Ловягинъ и экстр. проф. Н. И. Глоріантовъ. Секретаремъ совѣта и правленія въ первые годы по преоб-

*) Продолженіе. См. январь.

разованія (1869—1873) былъ А. В. Бѣлецкій, прекрасный, можно сказать, идеальный секретарь ¹⁾.

Дальнѣйшія перемѣны состояли въ слѣдующемъ. На мѣсто проф. В. И. Долоцкого и И. А. Чистовича ²⁾, вышедшихъ въ 1873 г. въ отставку, избраны были помощниками ректора по церк.-практ. отдѣленію проф. Е. И. Ловягинъ и по богословскому позже, уже въ 1877 г. (4 года эта должность была вакантна) проф. А. Л. Катанскій. Въ 1874 г. вмѣсто проф. К. И. Лучицкаго, вышедшаго въ отставку, избранъ былъ инспекторомъ проф. М. О. Кояловичъ. Въ 1878 г., послѣ кончины И. В. Чельцова, онъ (М. О. К.) былъ избранъ помощникомъ ректора по церк.-истор. отдѣленію, а инспекторомъ—проф. И. Θ. Нильскій. Такимъ образомъ весь этотъ періодъ времени (1869—1884 гг.) прошелъ при двухъ помощникахъ ректора по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ (по богословскому—И. А. Чистовичъ, А. Л. Катанскомъ, церк.-истор.—И. В. Чельцовъ, М. О. Кояловичъ, церк.-прак.—В. И. Долоцкомъ, Е. И. Ловягинъ) и при трехъ инспекторахъ: К. И. Лучицкомъ, М. О. Кояловичъ, И. Θ. Нильскомъ ³⁾.

Выборы въ эти должности привлекали большое вниманіе и производились съ особенною осмотрительностью. Памятны въ особенности выборы на должность помощниковъ ректора по богословскому и церковно-историческому отдѣленіямъ.

По выходѣ, въ 1873 г., въ отставку И. А. Чистовича выборы пом. рект. по богословскому отдѣленію долгое время не производились, такъ какъ въ отдѣленіи (кромѣ ректора) не было ни одного ординарнаго профессора. Черезъ два года

¹⁾ Алексѣй Викторовичъ Бѣлецкій, новгор., XXVI к. (1865 г.) спб. акад., канд., а потомъ магистръ, 1865 г. препод. новгор. сем., 1868—спб. сем., 1869 г.—секрет. совѣта спб. акад., 1873—на службѣ по Мин. Нар. Пр. въ вилевскомъ учеб. окр., 1883—окр. инсп. этого окр., 1889—помощ. попеч. вил. окр.

²⁾ И. А. Ч. 1873 г. управ. канц. Министр. Нар. Пр. по дѣламъ греко-униатскаго вѣроисп. 1875 — вице-дир. канц. оберъ-прокур. Св. Синода, 1883—членъ совѣта при министрѣ Нар. Просв., 1888—управл. контролемъ при Св. Синодѣ. † 1893.

³⁾ Преемниками первыхъ выборовъ отъ отдѣленій, для присутствованія въ *частномъ* совѣтѣ, были: отъ богословскаго—М. И. Каринскій, А. Е. Свѣтилинъ. отъ церк.-истор.—И. Е. Троицкій, Θ. Г. Елеонскій, отъ церк.-прак.—Т. В. Барсовъ, Н. И. Барсовъ, замѣнявшіе лицъ или получившихъ назначеніе на должности помощн. ректора и инспектора или вышедшихъ въ отставку (Н. И. Глоріантова, И. Т. Осинина).

появляется наконецъ въ отдѣленіи орд. проф. въ лицѣ Д. А. Хвольсона, выбаллотированнаго 31 авг. 1875 г. въ это званіе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній совѣтъ дозволилъ въ 1876 г., членамъ отдѣленія въ своемъ присутствіи баллотировать Д. А. Хв. на должность пом. ректора; баллотировка дала положительный результатъ, и совѣтъ постановилъ «объ утвержденіи въ сей должности представить Св. Синоду» (журн. 15 февр. 1876 г.). Однако это «представленіе» такъ и не состоялось въ виду того, что слышались (между прочимъ и изъ Св. Синода) голоса, протестующіе противъ избранія въ руководители отдѣленія человѣка, не имѣющаго богословскаго образованія, къ тому же еврейскаго происхожденія, хотя и почтеннаго ученаго, православнаго вѣроисповѣданія. Въ объясненіе такой задержки, въ журналѣ засѣданія Совѣта, состоявшагося (14 февр. 1877 г.) ровно черезъ годъ послѣ избранія Д. А., читаемъ, въ представленіи богосл. отдѣленія, что «Д. А. Хвольсонъ, избранный богосл. отдѣленіемъ 15 февр. 1876 г. на вакантную въ семъ отдѣленіи должность помощника ректора, но не представленный совѣтомъ академіи къ утвержденію въ сей должности, въ виду (?) приближавшагося въ то время 25-лѣтняго срока службы г. Хвольсона и необходимости избранія его вновь на дальнѣйшее продолженіе академической службы, нынѣ заявилъ отдѣленію, что онъ по личнымъ своимъ обстоятельствамъ не можетъ принять на себя должность помощника ректора, о чемъ отдѣленіе и имѣетъ честь представить совѣту». Но все это только казовая сторона дѣла, болѣе или менѣе приличный для совѣта выходъ изъ неловкаго положенія. Главное же дѣло было въ упомянутыхъ слухахъ и толкахъ и въ ожиданіи, что вскорѣ можетъ получить права на занятіе этой должности другой членъ отдѣленія, экстр. проф. А. Л. Катанскій, который чрезъ мѣсяцъ послѣ февральскаго, 1877 г., засѣданія совѣта дѣйствительно и представилъ (15 марта того же года) докторскую диссертацию на разсмотрѣніе. 26 мая того же 1877 года моя диссертация была допущена до публичной защиты, 5 іюня состоялся мой диспутъ, 22 августа утвержденъ въ степени доктора богословія, 31 августа баллотированъ на званіе ординарнаго профессора, а 6 октября—на должность помощника ректора. Баллотировка на эту послѣднюю должность производилась членами отдѣленія въ присутствіи совѣта, чрезъ закрытую подачу голосовъ (баллотировальными шарами), при чемъ полу-

чилось 4 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. Такъ окончилось это довольно щекотливое дѣло.

Памятенъ еще другой случай, при баллотировкѣ также въ должность помощника рект.—по церковно-историческому отдѣленію. Этотъ случай глубоко и пріятно поразилъ всѣхъ насъ проявленнымъ при этомъ чисто рыцарскимъ благородствомъ. Въ 1878 г., послѣ кончины И. В. Чельцова, нужно было избрать ему преемника по должности помощника ректора. Баллотируются, въ присутствіи совѣта, членами отдѣленія три кандидата, ординарные профессора М. О. Кояловичъ, И. О. Нильскій и И. Е. Троицкій. И вдругъ оказывается, что всѣ трое получаютъ всѣ избирательные шары и ни одного неизбирательнаго. Баллотировка повторяется, результатъ получается тотъ же и такъ до трехъ разъ. Наконецъ сами баллотирующіеся (въ особенности И. О. Нильскій и И. Е. Троицкій, тутъ были еще 2—3 экстр. проф.) убѣждаютъ своихъ товарищей положить себѣ черняковъ. Убѣжденіе подѣйствовало и избирается единогласно старѣйшій изъ членовъ отдѣленія, въ то время занимавшій должность инспектора академіи, проф. М. О. Кояловичъ. Нужно замѣтить, что закрытыя баллотировки, вообще, не въ этомъ только случаѣ, поражали большимъ безпристрастіемъ и справедливостью. Къ акту баллотировки приступали каждый разъ съ большою серьезностью, съ сознаніемъ нравственной отвѣтственности. Нерѣдко можно было слышать фразу: «невеликъ этотъ шарикъ, а вѣдь имъ можно убить человѣка». Помнится, эту фразу особенно часто любилъ повторять проф. И. О. Нильскій при баллотировкахъ на ученые степени и званія.

Отдѣленія академіи. Въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью совѣта стояли отдѣленія. Это были какъ бы постоянныя, организованныя комиссіи, вѣдавшія дѣлами по замѣщенію вакантныхъ въ академіи каедръ, рекомендацію кандидатовъ на ихъ замѣщеніе, разсмотрѣніемъ программъ преподаванія подлежащихъ академическихъ преподавателей, отзывовъ о сочиненіяхъ на ученые степени, предварительнымъ присужденіемъ этихъ степеней, а равно — поощрительныхъ наградъ за студенческія сочиненія и вообще всѣми дѣлами, касавшимися дѣятельности какъ преподавателей; такъ и студентовъ, входившихъ въ составъ отдѣленія. Результатомъ было то, что предварительными работами отдѣленій весьма облегчалась дѣятельность совѣта и ректора, сберегалось много вре-

мени, избѣгались лишніе разговоры и пренія, такъ какъ въ отдѣленскихъ представленіяхъ приводились всѣ нужныя справки по дѣлу, давался и проэктъ рѣшенія, оставалось только согласиться съ нимъ или его отвергнуть.

Такая организація и дѣятельность отдѣленій имѣли большое значеніе прежде всего для самихъ академическихъ наставниковъ. Въ составъ отдѣленій входили безъ исключенія всѣ преподаватели академіи и старшіе и младшіе, съ одинаковымъ правомъ голоса. Дѣятельное участіе тѣхъ и другихъ, при обсужденіи разнообразныхъ академическихъ дѣлъ, не могло не отразиться на нихъ благотворно, приучая всѣхъ принимать близко къ сердцу всѣ событія общеакадемической жизни, сближая старшихъ преподавателей съ младшими, обогащая младшихъ чрезъ общеніе съ старшими большею ученою и педагогическою опытностью, подготавливая ихъ къ будущей дѣятельности въ качествѣ членовъ совѣта, попутно дисциплинируя самонадѣянную молодежь и подчиняя ее авторитету старшихъ сослуживцевъ. Послѣднему обстоятельству мы придаемъ немалое значеніе въ стройномъ теченіи тогдашней академической жизни.

Отдѣленія имѣли большое и благотворное вліяніе и на студентовъ въ смыслѣ возбужденія ихъ энергіи и даже дисциплинированія. Каждого студента знали въ отдѣленіи, и то или другое мнѣніе о немъ обобщалось между преподавателями, что придавало большій вѣсъ установившемуся мнѣнію того или другого отдѣльнаго преподавателя; студенты жадно прислушивались къ тому, что о нихъ говорятъ въ отдѣленіи. Сверхъ того, привыкали смотрѣть на членовъ отдѣленій какъ на своихъ защитниковъ или строгихъ судей въ дѣлахъ дисциплинарнаго свойства, что сдерживало ихъ въ должныхъ границахъ относительно поведенія и косвенно помогало академической инспекціи поддерживать въ академіи дисциплину.

Въ особенности большое для студентовъ значеніе имѣли помощники ректора. Съ ними студенты вели разнообразныя переговоры: относительно сроковъ подачи семестровыхъ сочиненій, объ освобожденіи того или другого студента, по уважительнымъ причинамъ, отъ экзамена, назначеннаго на извѣстный день, о полученныхъ на экзаменѣ баллахъ, объ измѣненіи этихъ балловъ и т. п. Имъ же подавались и семестровыя сочиненія, для передачи подлежащимъ наставникамъ, съ отмѣтками дня ихъ полученія; по истеченіи срока подачи, сочине-

нія не принимались, а ихъ авторы отсылались къ ректору для того, чтобы онъ собственною властью, если находилъ то возможнымъ, разрѣшалъ вопросъ объ ихъ принятіи. Присутствіе пом. ректора на всѣхъ экзаменахъ (кромѣ магистерскихъ въ IV курсѣ) по предметамъ отдѣленія въ качествѣ председателя экзаменаціонной комиссіи, обыкновенно состоявшей изъ 3-хъ человѣкъ (пом. ректора, преподавателя извѣстнаго предмета и ассистента), хорошо знакомяло съ каждымъ студентомъ и студенты это знали и чувствовали, что есть глазъ, наблюдающій за ихъ успѣхами и отчасти за тѣмъ, какъ они держатъ себя на экзаменахъ.

Были случаи, когда помощники ректора оказывали немаловажныя услуги дѣлу академическаго спокойствія и мира. Былъ, напримѣръ, такой случай. Когда я былъ помощникомъ ректора по богос. отдѣленію (1877—1884 г.), въ извѣстный день, на одномъ изъ курсовъ былъ назначенъ экзаменъ по одному изъ общеобязательныхъ предметовъ, именно по педагогикѣ. Такъ какъ преподаватели этихъ предметовъ входили въ составъ богосл. отдѣленія, то и председателемъ на экзаменахъ по этимъ предметамъ былъ всегда пом. ректора по богосл. отд., что, кстати сказать, ложилось на него немалою тяжестью: приходилось присутствовать на 25—30 экзаменахъ, по общеобязательнымъ предметамъ (студ. всѣхъ отдѣленій—до 100 чел.), крайне продолжительныхъ. Предъ началомъ упомянутаго экзамена являются ко мнѣ депутаты отъ этого курса съ заявленіемъ, что ихъ товарищи экзаменоваться по этому предмету не будутъ, такъ какъ преподаватель не соглашается исключить для экзамена нѣсколько билетовъ (3—4) изъ выданной имъ программы, между тѣмъ, говорили депутаты, эти билеты падаютъ на случайно незаписанныя лекціи. А нужно замѣтить, что большинство наставниковъ обыкновенно удовлетворяло подобныя просьбы студентовъ и они привыкли къ этой практикѣ; неуступчивость преподавателя, а можетъ быть и рѣзкій тонъ отказа возбудили на этотъ разъ чувство протеста, вылившееся въ такой некорректной формѣ ¹⁾. Послѣ моихъ увѣщаній не дѣлать такого рискован-

---

¹⁾ Предъ экзаменами почти по каждому предмету студенты имѣли обычай клянчить и торговаться на счетъ количества билетовъ. Приступали они и ко мнѣ, когда былъ экзаменъ по моему предмету. Но я никогда не позволялъ себѣ входить съ ними въ сдѣлку, въ самыхъ мяг-

наго шага депутаты удалились съ обѣщаніемъ переговорить съ товарищами. Послѣ того является снова депутатъ отъ нихъ съ заявленіемъ, что студенты явятся на экзамень. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ мы, въ составѣ полной комиссіи, отправляемся въ аудиторію въ полной увѣренности, что инцидентъ улаженъ. Но каково было наше удивленіе, когда мы находимъ аудиторію совершенно пустою,—ни одного студента... Тогда я снова призываю одного изъ студентовъ этого курса и, зная по собственному опыту (наша студенческая исторія, 4 окт. 1861 г.), что угрозами о репрессіяхъ ничего не достигнешь, становлюсь на совершенно другую точку зрѣнія, обращаюсь къ чувству обязательной и для студентовъ порядочности и обычной житейской вѣжливости и корректности и съ этой точки зрѣнія разъясняю имъ все неприличіе ихъ поступка—послѣ даннаго слова заставить всю почтенную комиссію идти во второй разъ въ аудиторію (въ первый разъ мы въ ней были, кажется, до приѣма студенческой депутаціи), чтобы полюбоваться на голыя ея стѣны и пустыя парты. Нужно еще замѣтить, что къ студентамъ по этому поводу являлся инспекторъ И. О. Нильскій или его помощникъ, уважаемый студентами А. В. Васильковъ, а можетъ быть и тотъ и другой, но не имѣли успѣха. Моя рѣчь подѣйствовала на студентовъ, и экзамень состоялся, при чемъ упомянутые 3—4 билета не были изъяты изъ обращенія (въ удовлетвореніе преподавателя), но дозволено было, по моему настоянію, замѣнять ихъ другими, если они попадались отвѣчавшимъ. Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ студентовъ этого курса (XXXVIII—1881 г.) недавно, въ случайномъ разговорѣ, сообщилъ мнѣ, что нѣкоторую долю вліянія на благополучный исходъ этого дѣла имѣла симпатія студентовъ ко мнѣ, какъ къ предсѣдателю комиссіи. Что касается власти ректора, то никакого умаленія

кихъ, вѣжливыхъ, даже дружественныхъ выраженійхъ, но рѣшительно заявляя, что у меня нѣтъ этого обычая, что я готовъ оказать всякое снисхожденіе на экзамень, но сократить количество билетовъ, назначенныхъ мною для экзамена, „по совѣсти“ не могу, что надѣюсь, они не захотятъ насиловать мою „совѣсть“. Такъ студенты и уходили отъ меня ни съ чѣмъ, но безъ всякаго раздраженія. Замѣчательно, однако, что потомъ, при новыхъ экзаменахъ, они все-таки повторяли свою попытку и съ тѣмъ же успѣхомъ. Вообще изъ своей практики я вывелъ то общее заключеніе, что, при умѣньи и добромъ желаніи, всегда можно столкнуться съ студентами и избѣгнуть конфликтовъ.

ея отъ существованія его помощниковъ по учебной части не было. Ректоръ былъ высшею инстанціею, къ которой отсылали его помощники, что бывало нерѣдко, но къ чему студенты прибѣгали весьма неохотно, такъ какъ имѣли мало надежды на удовлетвореніе ихъ ходатайствъ; ректоръ очень оберегалъ авторитетъ своихъ помощниковъ. Существованіе лишней, посредствующей между нимъ и студентами инстанціи еще болѣе возвышало ректора, не говоря уже о томъ, что освобождало его отъ многихъ не особенно важныхъ дѣлъ и заботъ.

Возвращаясь къ отдѣленіямъ. Между ними замѣтно было благородное соревнованіе и проявлялось стремленіе къ преобладанію относительно вліятельности въ совѣтъ, но серьезной борьбы не было. Конкурировали главнымъ образомъ церк.-историческое отд. съ богословскимъ, церк.-практическое — оставалось въ тѣни и какъ-то заслонялось первыми, ступеньвалось. Церк.-историческое, очень сплоченное, благодаря однородности своего состава и старшинству по службѣ его членовъ, гордилось еще тѣмъ, что имѣло своими слушателями лучшихъ изъ студентовъ. Богословское, не уступая ему въ численности членовъ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, благодаря принадлежности къ своему составу преподавателей общеобязательныхъ предметовъ, не имѣло такой сплоченности. Въ него входили преподаватели не только различныхъ богословскихъ предметовъ, но и философскихъ, а вѣдь философія всегда не особенно дружила съ богословіемъ, да и члены бог. отд. были различныхъ возрастовъ, старые перемѣшивались съ молодыми. По количеству и качеству студентовъ, избравшихъ богословское отдѣленіе, оно также уступало церк.-историческому, хотя и насчитывало немало даровитыхъ студентовъ въ своемъ составѣ. Засѣданія отдѣленій были довольно частыя, не менѣе, иногда и болѣе, одного въ мѣсяцъ, въ зависимости отъ количества дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію для представленія въ совѣтъ. Если въ какомъ изъ отдѣленій дѣло отдѣленскихъ собраній было поставлено наиболѣе серьезно, то это именно—въ богословскомъ. Его засѣданія ни разу не превращались въ товарищеское препровожденіе времени, какъ это часто практиковалось въ церк.-историческомъ, гдѣ, послѣ обсужденія и рѣшенія отдѣленскихъ дѣлъ, собранія заканчивались товарищескимъ вечеромъ съ обычными развлечениями. Ничего подобнаго не было въ на-

шемъ богословскомъ, и хотя и у насъ всегда засѣданія заканчивались небольшою братскою трапезою, но даже и за столомъ продолжался обмѣнъ мыслей, бесѣда на научныя или церковно-общественныя темы. Такой тонъ задалъ первый нашъ председатель, первый пом. рект., проф. И. А. Чистовичъ, мой предшественникъ по этой должности. Ему слѣдовалъ и я, его преемникъ. Собирались всегда вечеромъ, поочереды, въ квартирахъ семейныхъ членовъ, старѣйшихъ по службѣ, во время моего председательства—по большей части въ моей квартирѣ. Пріятно вспомнить эти серьезныя, дружественныя собранія!..

По совѣсти говоря, отдѣленія ничего кромѣ добра и много-различной пользы не внесли въ жизнь академіи и поистинѣ жаль, что съ уставовъ 1884 г. они прекратили свое существованіе. Они имѣли важное значеніе для жизни академіи въ административномъ, педагогическомъ и ученомъ отношеніяхъ, для совѣта же академіи они оказывали неопѣнимыя услуги.

Въ совѣтѣ, въ особенности частномъ, по большей части, только завершался циклъ дѣлъ, предварительно разработанныхъ въ отдѣленіяхъ и восходившихъ въ него въ видѣ проектовъ рѣшенія—письменныхъ или устныхъ. Совѣту оставалось только или соглашаться съ представленіями отдѣленій или отвергать ихъ. Понятно, насколько дѣятельность совѣта отъ того облегчалась и ускорялась. Если возникали пренія по этого рода дѣламъ, то главнымъ образомъ для разъясненія мотивовъ такого или иного отдѣленскаго рѣшенія. Источникомъ разногласія въ совѣтѣ служили иногда тренія между отдѣленіями, но тутъ выступалъ въ роли примирителя ректоръ и дѣлалъ это съ свойственнымъ ему тактомъ и искусствомъ. Ректоръ І. Л. Янышевъ, былъ идеальнымъ председателемъ совѣта. Очень деликатный, проявлявшій большую терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, въ какой бы крайней формѣ они ни выражались, но твердый блюститель порядка преній, онъ не допускалъ безпорядочныхъ рѣчей сразу нѣсколькихъ членовъ (какъ это было потомъ послѣ него), устанавливалъ ихъ очередь, не позволялъ ораторамъ перебивать другъ друга, уклоняться въ сторону, во-время улавливалъ моментъ для прекращенія преній по извѣстному вопросу, превосходно, неподражаемо, тонко и умно разюмировалъ сущность высказанныхъ мнѣній, сводилъ ихъ къ нѣсколькимъ вопроснымъ пунктамъ и пускалъ ихъ на голоса. Онъ очень напоминалъ при этомъ талантливаго председателя окружнаго суда, дающаго

слово свидѣтелямъ, прокуратурѣ, адвокатурѣ и потомъ резюмирующаго предъ присяжными все ими слышащее на судѣ. Нужно однако отдать должное и тогдашнимъ членамъ совѣта. Нѣкоторые изъ нихъ были мастерами слова и дѣла и обладали или ораторскими талантами (М. О. Кояловичъ, И. В. Чельцовъ, И. А. Чистовичъ, И. Т. Осининъ) или большою житейскою мудростью и опытностью въ академическихъ дѣлахъ (В. И. Долоцкий, К. И. Лучицкий, Е. И. Ловягинъ). Выходя изъ совѣта послѣ такихъ преній, мы перѣдко дерзали даже сравнивать наши засѣданія съ засѣданіями англійскаго парламента!.. Присутствовать тогда въ совѣтѣ доставляло истинное удовольствіе, а не сопровождалось, какъ впослѣдствіи послѣ 1884 г., тяжелымъ чувствомъ и горькимъ осадкомъ въ душѣ.

Да не подумаютъ читатели, что это съ нашей стороны идеализація и что выше указанное явленіе—исключительное, временное и мѣстное. Какъ дѣло шло въ другихъ академіяхъ, хорошо не знаемъ. Не вездѣ, конечно, были такія благоприятныя условія для дѣятельности совѣта, какъ въ Петроградской Академіи; разумѣемъ отсутствіе у членовъ нашей академической корпораціи столкновеній въ обыденной жизни (въ провинціальныхъ академіяхъ на этой почвѣ, при тѣсномъ сожитіи ея членовъ, легко могли образоваться партіи, какъ это, по слухамъ, и было въ Московской Академіи), не во всѣхъ также академіяхъ были такіе образцовые предсѣдатели совѣта, какъ у насъ. Не отрицаемъ и того, что стройному теченію академическихъ дѣлъ содѣйствовали новосты положенія (новая мстла), а равно и предшествующая исторія академіи, суровый ректорскій режимъ прежняго времени, дисциплинировавшій академическую корпорацію. Все это имѣло свою долю вліянія на складъ тогдашней академической жизни, но все-таки самое большее нужно приписать мудрому устройству административнаго академическаго механизма по уставу 1869 г. Въ этомъ механизмѣ всѣ колеса, цѣпляясь одно за другое, приводились въ движеніе постепенное и равномерное. Вся академія, начиная отъ самаго младшаго ея члена, была въ курсѣ академическихъ дѣлъ, подготовляемыхъ предварительными совѣщаніями, и проявляла большее или меньшее участіе въ ихъ направленіи и рѣшеніи. Это не то, что въ послѣдствіи, послѣ 1884 г., когда члены совѣта, даже старѣйшіе, являлись въ совѣтъ совершенно неподготовленными къ рѣшенію совѣтскихъ дѣлъ,

(представляя очень часто *tabula rasa*, да и предсѣдатели совѣта мало озабочивались предварительнымъ изученіемъ дѣлъ, и когда академическая машина, скрипя и стуча своими колесами, беспорядочно и съ большимъ шумомъ, нестройно двигалась, часто не доходя до пѣли и снова, по нѣскольکو разъ, къ ней возвращаясь въ послѣдующихъ засѣданіяхъ.

Правленіе академіи. Въ правленіи, подъ предсѣдательствомъ ректора, участвовали три его помощника, инспекторъ и экономъ (послѣдній — съ правомъ голоса по хозяйственной части). Хозяйство академіи велось въ образцовомъ порядкѣ. Ректоръ былъ прекрасный, весьма заботливый хозяинъ, вникалъ во всѣ мелочи хозяйства, не гнушался ходить по кухнямъ, подваламъ и чердакамъ ¹⁾. Когда нуженъ былъ ремонтъ крыши зданія, онъ взбирался даже на крышу и самолично ее осматривалъ. Въ наблюденіи надъ хозяйствомъ дѣятельно помогали ему тогдашніе инспекторы, въ особенности М. О. Кояловичъ и И. Θ. Нильскій. Предъ поступленіемъ на ректуру о. І. Л. Ян-ва академическое хозяйство было до того запущено, что отпускаемыхъ на него суммъ едва хватало только на первые полгода, во второе же полугодіе академія принуждена была жить уже въ долгъ. Такъ хозяйничалъ его предшественникъ пр. Іоаннъ (Соколовъ) съ тогдашнимъ экономомъ (1863 — 1867 г.), проф. А. И. Предтеченскимъ, человѣкомъ широкаго размаха, широкой натуры. Къ 1869 г. долгъ былъ уплаченъ ²⁾. Составлено было нормальное росписаніе тратъ на разные предметы: ремонтъ зданія, одежду студентовъ и ихъ пищу, съ подробнымъ обозначеніемъ цѣнъ на отдѣльные припасы: мясо, рыбу, муку, крупу и т. д. Этою таблицею съ благодарностью мы пользовались и потомъ, послѣ 1884 г. Нечего и говорить о томъ, что въ правленіе являлся о. І. Л. Я. послѣ тщательнаго приготовленія и изученія подлежащихъ дѣлъ, почему эти засѣданія шли очень гладко и ровно и не были продол-

---

¹⁾ Много лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже протопресвитеромъ, о. І. Л. Ян-въ признался мнѣ, что разъ, когда онъ осматривалъ чердакъ и въ частности баки съ водою (тогда въ нашей академіи не было водопровода), онъ пришелъ въ ужасъ: въ бакахъ, не прикрытыхъ или плохо прикрытыхъ, плавало вѣчто... „Никому я о томъ не сказалъ“ (вѣроятно, кромѣ эконома), прибавилъ онъ, но „конечно, принялъ самыя энергичныя мѣры, чтобы такіа явленія не повторялись“.

²⁾ При экономѣ, свящ. А. Соколовѣ (съ 1867 г.) которому, по словамъ о. І. Л. Ян., академія много была обязана погашеніемъ долга.

жительными, не отнимали такъ много времени, какъ при его преемникахъ, когда приходилось высиживать иногда по 5—6 часовъ. По окончаніи правленія, а иногда и въ серединѣ засѣданія, при перерывахъ, нерѣдко происходилъ обмѣнъ мыслей у помощниковъ ректора по отдѣленнымъ дѣламъ, по поводу такого или иного ихъ направленія и возможнаго въ совѣтѣ рѣшенія, что иногда имѣло видъ дипломатическихъ переговоровъ, съ ощупываніемъ почвы, намеками, предупрежденіями и т. п.

Составъ преподавателей Петроградской духовной Академіи 1869—1884 г. При введеніи устава 1869 г. произошло немало переменъ въ составѣ академическихъ преподавателей: увеличилось число кафедръ и явились приватъ-доценты при штатныхъ кафедрахъ.

Вмѣсто закрытыхъ двухъ кафедръ, математики и физики, открыто восемь новыхъ: вторая по Св. Писанію, по основному богословію, по метафизикѣ, по русской церковной исторіи (отдѣльно отъ гражданской), по библейской археологіи, по библейской исторіи, вторая по гражданской исторіи (новой), по русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ. При нѣкоторыхъ кафедрахъ явились приватъ-доценты, именно: по догматическому богословію, по церковной исторіи общей, по исторіи русской церкви, по педагогикѣ, по философій и греческому и латинскому языкамъ.

По общеобязательнымъ предметамъ. Одну изъ двухъ кафедръ по Св. Писанію, именно—Новаго Завѣта занялъ, вскорѣ послѣ введенія устава 1869 года, въ томъ же 1869 году (послѣ кончины проф. М. А. Голубева † 22 авг. того года), въ званіи доцента, преподаватель петрогр. семинаріи, магистръ В. Г. Рождественскій ¹⁾, бывший предъ тѣмъ бакалавромъ Казанской Академіи, человекъ очень мягкаго симпатичнаго характера, добрый и почтенный сослуживецъ, съ 1874 г. многолѣтній проф. богословія въ Петрогр. Университетѣ. Въ октябрѣ 1915 г. онъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей почтенной ученой и педагогической дѣятельности.

На вторую кафедру—по Св. Писанію Ветхаго Завѣта—из-

¹⁾ Василий Гавриловичъ Рождественскій, новг., 2-й маг. XXVI к. (1865 г.) слб. акад., съ 1865 по 1867 г. бакк. казанской акад. по философій (логик., нравств. фил. и исторіи филос.), съ 1867 г. препод. слб. семинаріи, 1869 г. доцентъ слб. акад., 1874 г. проф. богосл. въ слб. университетѣ, 1880 г.—экстр. проф. слб. акад.

бранъ былъ въ 1871 г., окончившій въ томъ же году кандидатъ И. С. Якимовъ ¹⁾, сначала въ званіи приватъ-доцента, а потомъ, (по защищеніи магистерской диссертациі въ 1874 г.)—доцента, отличавшійся весьма симпатичными чертами личнаго характера и преданностью научнымъ интересамъ, въ послѣдствіи заявившій себя многими цѣнными трудами по своему предмету.

Каѳедру основнаго богословія занялъ въ званіи сначала бакалавра, а потомъ (по введеніи устава 1869 г.)—доцента, бакалавръ Казанской Академіи, магистръ Н. П. Рождественскій ²⁾, даровитый преподаватель, обладавшій сверхъ того даромъ слова, развитымъ эстетическимъ чувствомъ и хорошимъ голосомъ. Нерѣдко онъ участвовалъ въ академическомъ церковномъ хорѣ и даже выступалъ въ академическихъ концертахъ, нерѣдкихъ во время ректорства І. Л. Янышева. Послѣ Н. П. Р. осталось немало цѣнныхъ научныхъ трудовъ и даже полный «Курсъ основнаго богословія, или христіанская апологетика», изданный послѣ его смерти его другомъ, проф. А. И. Предтеченскимъ. Дружба этихъ лицъ завязалась и окрѣпла въ особенности съ 1875 г., со времени изданія «Церковнаго Вѣстника», котораго проф. А. И. Предтеченскій былъ первымъ редакторомъ, а Н. П. Рождественскій его помощникомъ по редактированію этого журнала.

На каѳедру метафизики былъ избранъ магистръ Московской Академіи преподаватель московской семинаріи М. И. Каринскій ³⁾. Онъ былъ «предъизбранъ» на эту каѳедру еще въ 1868 г. до открытія ея,—предъизбранъ по рекомендаціи проф. И. А. Чистовича, обратившаго вниманіе на представленную М. И. К. въ Учебн. Комитетъ при Св. Синодѣ программу по обзору философскихъ ученій (для семинарій). По

¹⁾ Иванъ Степановичъ Якимовъ, вятск., канд. XXIX курса (1871 г.) спб. акад., 1874 г.—магистръ и доцентъ, 1876 г.—командированъ на годъ за границу, 1883 г.—экстр. проф.

²⁾ Николай Павловичъ Рождественскій, курск., 1-й маг. XXVI (1865 г.) спб. акад., 1865—1869 г. бакк. Казанск. акад. по основному и обличит. бог., 1869 г. (31 янв.)—бакк. и доцентъ спб. акад. по основ. бог., 1877 г.—экстр. проф., † 1882 г.

³⁾ Михаилъ Ивановичъ Каринскій, москв., 4-й маг. XXIII к. (1862 г.) моск. акад., сначала препод. вѣнзавской, потомъ московской сем., съ 1869 г. доцентъ спб. акад., 1871 г.—командированъ за границу, 1872—экстр. проф., 1880 г.—докторъ философіи спб. универс. и ординарный проф. спб. дух. академіи.

открытіи же кафедръ метафизики въ академіяхъ, М. И. К—ій оказался единогласно избраннымъ въ званіе доцента нашей Академіи, безъ конкурса, «въ виду несомнѣнной и особенной его способности къ разбору метафизическихъ вопросовъ» (15 авг. 1869 г.). Вскорѣ онъ командированъ за границу съ ученою цѣлію. При большой даровитости и прирожденномъ философскомъ складѣ ума,—выдающійся профессоръ философіи, достойнѣйшій изъ питомцевъ московской духовной школы (прот. Ѳ. А. Голубинскаго и В. Д. Кудрявцева). Какъ членъ совѣта (съ 1872 г.), проявлялъ большое и дѣятельное участіе въ академическихъ дѣлахъ. Обладая тонкимъ умомъ и замѣчательною способностью анализа, онъ перѣдко выяснялъ такія стороны обсуждаемаго вопроса, которыя другимъ членамъ не приходили въ голову. Къ счастью, здравствуетъ доселѣ, болѣе 20 лѣтъ находясь въ отставкѣ, но не оставляя занятій по философіи и обогащая эту науку высокоцѣнными трудами. Въ 1912 г. праздновалъ 50-лѣтіе своей достопочтенной дѣятельности. Въ настоящее время онъ старѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ нашей Академіи по годамъ службы (на 1 годъ старше меня), но не по лѣтамъ; въ этомъ отношеніи пишушій эти строки старше его на 2—3 года, къ великому, прибавлю, сожалѣнію; хотѣлось бы быть помоложе!

Въ 1884 г. проф. М. И. Каринскій оставилъ кафедру метафизики и перешелъ на каф. исторіи философіи. Богословское отдѣленіе, къ которому причислялись преподаватели всѣхъ общеобязательныхъ предметовъ, кромѣ языковъ, очень упрашивало его остаться на метафизикѣ, но онъ оказался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи, мотивируя свой отказъ отъ метафизики внутреннимъ своимъ сознаніемъ невозможности для него выработать самостоятельную систему философіи и надеждою, что быть можетъ удастся это сдѣлать кому нибудь изъ его преемниковъ. Черезъ 2 года, въ 1876 г., къ чтенію лекцій по этому предмету, въ званіи приватъ-доцента, былъ допущенъ кандидатъ нашей академіи М. И. Смоленскій ¹⁾ проходившій курсъ ученія по практическому отдѣленію. Довольно рѣдкій случай; это отдѣленіе дало всего только трехъ лицъ въ составъ академическихъ преподавателей (Н. В. Покровскаго, А. И. Пономарева и М. И. Смоленскаго). М. И. Смоленскій

¹⁾ Михайлъ Ивановичъ Смоленскій, яросл., канд. XXXI к. (1874 г.) спб. акад., до 1876 г. препод. харьков. сем., 1876—приватъ-доц., † 1881.

былъ человѣкъ несомнѣнно даровитый, но къ сожалѣнію страдавшій алкоголизмомъ, къ тому же неудачно устроившій себя въ семейномъ отношеніи. Имѣлъ призваніе къ занятіямъ философскими предметами и подавалъ немалыя надежды, что изъ него вырабатается солидный профессоръ философіи. Скончался послѣ 4-хъ лѣтъ академической службы.

Послѣ него каѳедру метафизики занялъ, въ 1882 г., также въ званіи приватъ-доцента, Н. Г. Дебольскій, кандидатъ Петроградскаго Университета, сынъ извѣстнаго прот. Г. С. Дебольскаго, автора «Дней богослуженія прав. церкви» и др. соч. Н. Г. Дебольскій къ этому времени уже заявилъ себя солидными печатными трудами по философіи. Хотя по образованію и по службѣ (онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ Народнаго Просвѣщенія), казалось бы, былъ чуждъ духовной академіи, но въ дѣйствительности онъ былъ къ ней очень близокъ: происхожденіе, складъ ума и симпатіи вполне роднили его съ духовною академическою средою, а привлекательный, въ высшей степени спокойный, ровный, симпатичный характеръ прирожденнаго философа дѣлалъ его вполне желательнымъ коллегою въ средѣ академической корпораціи. И если онъ не остался среди ея навсегда, то этому помѣшало единственно только то, что онъ не имѣлъ ученой степени магистра, обязательной для штатнаго доцента, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ въ 1887 г. оставить службу въ академіи. Академія проводила его не безъ искреннаго сожалѣнія. Былъ онъ потомъ вице-директоромъ департамента Нар. Просв.; въ настоящее время онъ—членъ совѣта при министрѣ Народнаго Просвѣщенія.

Логику и психологію продолжалъ преподавать А. Е. Свѣтилинъ сначала въ званіи доцента, а потомъ, съ 1875 г. экстр. проф.—до 1884 г., когда заболѣлъ; скончался въ 1887 г.

При философскихъ каѳедрахъ была открыта даже приватъ-доцентура—по антропологіи, но продержалась очень недолго, около 3-хъ мѣсяцевъ ¹⁾,—ее занималъ О. О. Гусевъ.

Зато другая приватъ-доцентура—по педагогикѣ существовала 13 лѣтъ, во все время дѣйствія устава 1869 г. Педаго-

---

¹⁾ Федоръ Федоровичъ Гусевъ, родной братъ А. О. Гусева (бывшаго проф. Казанской академіи), тверск., кандид. XXIX к. (1871 г.) слѣб. акад. прив. доц. по антропологіи—1871—1872 г. (21 сент.—12 янв.); 1872—1878 г.—магистръ и доцентъ кiev. акад., † 1878 г.

гика, общеобязательный предметъ, была соединена съ правственнымъ богословіемъ, отдѣленнымъ предметомъ (богосл. отд.). Нравственное богословіе избралъ ректоръ прот. І. Д. Я., а преподаваніе педагогики поручено было, съ 1871 г., кандидату С. А. Соллертинскому въ званіи приватъ-доцента. С. А. Соллертинскій ²⁾, съ 1883 г. магистръ, а впоследствии, съ введеніемъ въ дѣйствіе устава 1884 г., докторъ богословія и многолѣтній почтенный профессоръ пастырскаго богословія и педагогики, не оставлявшій академіи и по истеченіи 30 лѣтъ (1901 г.) службы, продолжавшій читать въ ней лекціи еще около 10 лѣтъ, въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора.

Изъ древнихъ языковъ—греческій порученъ былъ профессору исключенной изъ академическаго курса математикѣ, Е. И. Ловягину, а латинскій профессору также упраздненной физики, Н. И. Глоріантову. Въ то время—усиленнаго развитія классицизма въ Россіи—на древніе языки обращено было особенное вниманіе, и гр. Д. А. Толстой, тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, былъ очень недоволенъ такимъ замѣщеніемъ кафедръ по древнимъ языкамъ.

Съ Е. И. Ловягинымъ, какъ бывшимъ когда-то (1847—1853 гг.) преподавателемъ греческаго языка, заявившимъ себя къ тому же трудами по переводамъ съ греческаго языка («Богослужбные каноны прав. церкви» и др.), гр. Д. А. Т—ой еще кое-какъ мирился, но положительно никакъ не могъ перенести Н. И. Глоріантова, какъ проф. латинскаго языка. При каждомъ случаѣ, въ бесѣдахъ съ предсѣдателемъ Учебн. Комитета при Св. Синодѣ, прот. І. В. Васильевымъ, онъ считалъ нужнымъ съ язвительностью указывать на эту, по его мнѣнію, аномалію, дѣлая отсюда тотъ общій выводъ, что классическое образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ находитъ въ упадкѣ. Не смотря на энергическую защиту какъ проф. Н. И. Гл., такъ и вообще духовно-учебнаго классицизма со стороны о. прот. І. В. В—ва, гр. Толстой всегда упорно стоялъ на своемъ. Кончилось тѣмъ, что проф. Глоріантовъ долженъ былъ подать въ отставку, предварительно выступивъ, въ засѣданіи совѣта (4 марта 1876 г.), съ довольно рѣзкимъ письменнымъ объясненіемъ, по поводу указа

²⁾ Сергій Александровичъ Соллертинскій, рязан., XXIX к. (1871 г.) спб. акад.

Св. Синода (30 мая 1875 г.), предписывавшаго профессору латинскаго языка «не ограничиваться переводами въ классъ по назначенному для семинарій пособию христоматіи Носова», что, по заявленію проф. Глоріантова, не соответствовало дѣйствительности. На предложеніе совѣта исключить изъ заявленія нѣсколько рѣзкихъ выраженій проф. Глоріантовъ отвѣтилъ словами: «еже писахъ, писахъ». Отставка его состоялась 22 марта 1877 г. Онъ несомнѣнно обладалъ не только физико-математическими, но и большими лингвистическими способностями, прекраснымъ знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и громадною памятью. Всѣмъ намъ очень было жаль разставаться съ этимъ почтеннымъ профессоромъ, добрымъ сослуживцемъ, человѣкомъ не отъ міра сего.

Вакансію профессора латинскаго языка и его словесности занялъ съ 1877 г. (17 окт.) по баллотировкѣ ордин. проф. Кіевскаго Университета св. Владиміра, докторъ классической филологіи, В. И. Модестовъ ¹⁾. Знатокъ своего предмета, даровитый профессоръ, по человѣкъ гордаго и довольно неуживчиваго характера, онъ прослужилъ въ нашей академіи около 4-хъ только лѣтъ, до 1880 г. (8 янв.). Склонный къ публицистикѣ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ газеты «Голось», гдѣ между прочимъ разъ помѣстилъ большой фельетонъ, посвященный горячей критикѣ неумѣреннаго классицизма М. Н. Каткова и гр. Толстого. Тотчасъ же со стороны послѣдняго послѣдовало предложеніе высшему академическому начальству объ увольненіи свободомыслящаго профессора, что онъ и долженъ былъ сдѣлать, подавъ прошеніе объ отставкѣ. Его мѣсто занялъ, въ качествѣ временнаго преподавателя, окружный инспекторъ петроградскаго учебнаго округа, кандидатъ Петрогр. университета Н. Ѳ. Фокковъ, специалистъ собственно по греческому языку, но основательно знакомый и съ латинскимъ, энергичный и почтенный преподаватель. Занималъ эту кафедру около 3-хъ лѣтъ (съ 1880 до 1883 г.). Нѣкоторое время онъ потомъ состоялъ помощникомъ штатнаго профессора по преподаванію греческаго языка (по уходѣ прив.-доц. Я. Е. Смирнова, см. ниже).

¹⁾ Василій Ивановичъ Модестовъ, изъ воспитанниковъ новгородской дух. сем., получилъ образованіе сначала въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, а потомъ въ Петр. Университетѣ, гдѣ по окончаніи курса былъ, кажется, приватъ-доцентомъ, а потомъ былъ профессоромъ въ Казанскомъ, Новороссійскомъ и Кіевскомъ университетахъ.

Стремленіе къ усиленію классицизма въ духовныхъ академіяхъ повело къ умноженію въ нихъ (въ томъ числѣ и въ нашей) преподавателей древнихъ языковъ: явились приватъ-доценты, какъ помощники штатныхъ преподавателей. Такими были при каѳедрѣ греч. языка: кандидатъ Московской Академіи, грекъ Димитрій Менагіосъ (съ 16 сент. 1876 г. по 12 февр. 1880 г.), а потомъ кандидатъ нашей академіи Я. Е. Смирновъ (съ 18 сент. 1881 г. по 10 ноября 1883 г.); оба они служили недолго. Менагіосъ ¹⁾ долженъ былъ оставить академію вслѣдствіе случившагося съ нимъ скандала. Гордившійся тѣмъ, что онъ докторъ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ, онъ изобличенъ былъ въ присвоеніи непринадлежавшей ему докторской диссертациі. Я. Е. Смирновъ ²⁾, хотя былъ посланъ за границу для изученія греческаго языка, но вскорѣ однако оставилъ академію, поступилъ на мѣсто священника при нашей миссіи въ Дрезденѣ.

При каѳедрѣ латинскаго языка былъ сначала приватъ-доцентомъ А. И. Садовъ ³⁾. Онъ былъ также командированъ за границу (вмѣстѣ съ Я. Е. См—ъ), потомъ, получивъ магистерство (1883 г.), занялъ эту каѳедру уже въ качествѣ доцента, штатнаго преподавателя. Эта приватъ-доцентура была очень удачна; она дала въ лицѣ А. И. Садова многолѣтняго, очень солиднаго профессора, съ большою честью потрудившагося на академическомъ поприщѣ, оставшагося вѣрнымъ своей *Almae Matri* до конца своей службы (1907 г., сверхштатн. до 1909 г.), доктора церковной исторіи, заслуженнаго профессора.

По *Богословскому отдѣленію* явились слѣдующія перемѣны и новости. По каѳедрѣ догматическаго богословія въ помощь мнѣ и по моей иниціативѣ и ходатайству, избранъ былъ кандидатъ нашей академіи А. С. Лебедевъ ⁴⁾ въ званіи

¹⁾ Дим. Менагіосъ 30-й канд. XXVII к. (1870 г.) моск. акад.

²⁾ Яковъ Егоровичъ Смирновъ, владим. канд. XXXV к. (1873 г.) спб. акад., въ настоящее время настоятель нашей православной церкви въ Парижѣ.

³⁾ Александръ Ивановичъ Садовъ, нижег., XXXIII к. (1876 г.) спб. акад., 1876—1878 г.—помощн. секр. сов. акад., 1877—прив. доц., 1883—магистръ и доцентъ, 1887—экстр. проф., 1896 г.—докторъ церк. ист. и ордин. проф., 1891—1893—редакт. „Христ. Чтен.“, 1902—заслуж. орд. проф.

⁴⁾ Алексѣй Сергѣевичъ Лебедевъ, владим., канд. XXXIII к. (1876 г.) спб. акад., 1876—1878—прив. доц., 1878—законоучитель Смольнаго Инст.

приватъ-доцента для чтеній по одному изъ отдѣловъ историческаго изложенія догматовъ, именно по «изложенію догматовъ по Св. Писанію Ветхаго Завета». Но безъ нѣкотораго колебанія и возраженій со стороны высшаго начальства, какъ было слышно, прошло дѣло утвержденія этой приватъ-доцентиры. Она казалась какъ бы отраженіемъ протестантскихъ вѣяній и потому неумѣстною въ православной духовной академіи, но мнѣ представлялась очень полезною въ смыслѣ облегченія труда изложенія историко-догматическихъ данныхъ на пространствѣ многихъ вѣковъ и среди разнообразныхъ памятниковъ Богооткровенной истины. Это мое предпріятіе осуществилось несомнѣнно только благодаря широтѣ просвѣщенныхъ взглядовъ приснопамятнаго митр. Исидора и отчасти представителя Духовно-Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, прот. І. В. Васильева, а также и ректора академіи прот. І. Л. Янышева. Къ сожалѣнію, я могъ пользоваться сотрудничествомъ А. С. Лебедева только два года (1876—1878).

Проф. сравнительнаго богословія И. Т. Осининъ, въ 1882 г. удостоенный званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора, въ 1883 г. оставилъ службу при академіи, занявъ вскорѣ высокій постъ почетнаго опекуна по учрежденіямъ вѣдомства Императрицы Маріи. Каѳедру сравнительнаго богословія послѣ него (1883 г.) занялъ магистръ А. П. Лопухинъ ¹⁾ въ званіи доцента, человѣкъ очень даровитый, заявившій себя многочисленными печатными трудами, преимущественно публицистическаго характера, прекрасно владѣвшій перомъ, знатокъ иностранныхъ языковъ, преимущественно новыхъ, быстрый и на рѣдкость неутомимый писатель и издатель книгъ и переводовъ иностранныхъ церковныхъ писателей, вродѣ Фаррара, человѣкъ замѣчательной энергіи и выдающейся инициативы (изданіе по его инициативѣ перевода полного собранія твореній св. І. Златоуста); не даромъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ.

Къ преподаванію патристики былъ допущенъ, 1873 г.,

и проф. Медици. Академіи, 1886 г.—магистръ, † настоятелемъ Вознесенской церкви въ Петроградѣ.

¹⁾ Александръ Павловичъ Лопухинъ, саратов., канд. XXXV к. (1878) спб. акад., 1879—псаломщ. при русск. миссіонерск. ц. въ Нью-Йоркѣ, 1881 маг. богосл., 1882—и. д. секретаря совѣта, 1883—доцентъ по сравн. бог., 1885—доцентъ древней общей гражд. исторіи, 1889—экстр. проф., 1893—1903 ред. „Цѣрк. Вѣстн.“ и „Христ. Чтен.“.

въ званіи приватъ-доцента кандидатъ А. А. Приселковъ ¹⁾, но это избраніе оказалось не совсѣмъ удачнымъ. Нелишенный даровитости, А. А. Приселковъ какъ-то не сумѣлъ утвердиться на этой штатной каедрѣ; въ теченіе 10-ти лѣтъ (1873—1884 г.) не могъ представить магистерской диссертации, получить званіе доцента и въ 1884 г. съ новымъ уставомъ долженъ былъ оставить службу при академіи.

Гораздо счастливѣе была каедре библейской археологіи и соединеннаго съ нею еврейскаго языка. Ее занималъ до 1883 г. почтенный профессоръ Петроградскаго Университета, большой знатокъ еврейскихъ древностей и языка, докторъ еврейской словесности Д. А. Хвольсонъ, сначала, до 1870 г., съ званіемъ доцента, съ 1870 г.—экстр. профессора, а съ 1875 г.—ординарнаго. Въ 1883 г. по выходѣ его въ отставку, къ преподаванію этихъ предметовъ допущенъ былъ въ званіи приватъ-доцента кандидатъ И. Г. Троицкій ²⁾. Онъ прочно утвердился на этой каедрѣ и состоитъ уже свыше 30-ти лѣтъ, и по выходѣ въ отставку, почтеннымъ профессоромъ нашей академіи. Наслѣдовавшій отъ своего предшественника и учителя основательныя знанія по еврейскому языку и библейскимъ древностямъ, усвоившій его методы преподаванія, онъ заявилъ себя не только даровитымъ преподавателемъ предмета, но и немалымъ количествомъ печатныхъ трудовъ по его спеціальности.

По *церковно-историческому отдѣленію* послѣдовало также нѣсколько переменъ и привзошло немало новыхъ лицъ въ составъ преподавателей.

Открыта новая, отдѣльная отъ общей церковной исторіи (или какъ въ другихъ академіяхъ, напр. Московской—отъ еврейскаго языка) каедре библейской исторіи. На эту каедру избранъ былъ, по предложенію проф. И. В. Чельцова, мой товарищъ по студенчеству и близкій родственникъ Ѳ. Г. Елеонскій ³⁾, въ то время преподаватель виленской семина-

¹⁾ Александръ Александровичъ Приселковъ, тверск., канд. XXX к. (1873) спб. акад., 1873 г.—приватъ-доц., 1884 г.—уволень отъ службы, 1887—снова было принятый (20 ноябр.), по случаю представленія имъ диссертации, скончался 29 ноябрю того же 1887 года.

²⁾ Иванъ Гавриловичъ Троицкій, пензенск., кандид. XXXIX к. (1882), 1882—препод. курской сем., 1883—приватъ-доц., 1884—и. д. доц., 1886—маг. и доцентъ, 1891—экстр. проф., 1904—докторъ бог., 1905—орд. проф., 1910—заслуж. орд. проф.

³⁾ Ѳеодоръ Герасимовичъ Елеонскій, нижегор., 9-й маг. XXV к. (1863) спб. акад., 1864 г. препод. литовской сем., 1870—доцентъ библ.

ри, заявившій себя трудами по разбору исторических памятников Западнаго края и по изданію Археологическаго сборника. Вѣроятно эти его труды обратили вниманіе проф. И. В. Чельцова, а можетъ быть у этого нашего бывшаго наставника осталось хорошее впечатлѣніе отъ сочиненія Ѳ. Е. Ел. на данную намъ когда то тему относительно желательной постановки «учебнаго руководства по преподаванію исторіи Ветхозавѣтной Церкви». Какъ бы то ни было, Ѳ. Г. было сдѣлано предложеніе явиться на конкурсъ для занятія каѳедры библ. исторіи, потребована была программа будущихъ чтеній, сданы были имъ пробныя лекціи и 24 сент. 1870 г. онъ былъ назначенъ штатнымъ доцентомъ академіи: съ тѣхъ поръ, около 30 лѣтъ, профессорствовалъ въ родной академіи съ честью для нея и для себя, представляя «крупнаго ученаго труженика, главнымъ образомъ по библейской исторіи», какъ справедливо замѣчено въ «Біогр. Словарѣ» А. С. Родосскаго.

Каѳедра древней общей церковной исторіи получила также новаго преподавателя. Въ 1878 г. внезапно скончался проф. И. В. Чельцовъ, съ 1870 г. докторъ богословія, первый удостоившійся этой высшей ученой степени въ нашей академіи, послѣ публичной защиты диссертациі. Годъ пустовала каѳедра, такъ какъ поджидали окончанія курса однимъ необыкновенно даровитымъ студентомъ, именно В. В. Болотовымъ, обратившимъ на себя вниманіе всей академіи. Сразу же по окончаніи курса въ 1879 г., В. В. Болотовъ ¹⁾ и занялъ эту каѳедру (2 ноября 1879 г.) и притомъ—очень рѣдкій, при уставѣ 1869 г., случай—прямо въ званіи доцента, какъ получившій степень магистра послѣ защиты диссертациі (28 октября того же 1879 г.). Огромное приобрѣтеніе сдѣлала академія въ лицѣ этого феноменально даровитаго, можно сказать, гениальнаго человѣка, уже въ тверской семинаріи славившагося своими необыкновенными дарованіями и познаніями. Еще предъ поступленіемъ его въ академію, его инспекторъ по семинаріи, а мой бывшій слушатель по Московской Академіи А. А. Тяжеловъ ²⁾ писалъ мнѣ, что къ намъ въ академію

ист., 1875—экстр. проф., 1884—докторъ бог. и орд. проф., 1897—оставилъ службу при акад., † 1906 г.

¹⁾ Василий Васильевичъ Болотовъ, тверск., XXXVI к. (1879 г.) спб. акад.

²⁾ Александръ Аванасьевичъ Тяжеловъ, тверск., 7-й маг. XXV к. (1866 г.) моск. акад.

ѣдетъ необыкновенныхъ дарованій студентъ, который уже и въ семинаріи имѣлъ научныхъ знаній болѣе много окончившаго полный академическій курсъ. Славное имя проф. В. В. Болотова въ послѣдствіи стало извѣстнымъ далеко за предѣлами академіи и духовнаго міра и внесло въ исторію родной академіи одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ.

При кафедрахъ общей церковной исторіи древней и *новой* (вторую продолжалъ занимать проф. И. Е. Троицкій, съ 1875 г. докторъ богословія и ордин. проф.) явились двѣ привать-доцентуры: 1) по церковной географіи и статистикѣ и 2) по византійской исторіи. Лекціи по первой (церк. геогр. и статистикѣ) читалъ А. А. Автономовъ ¹⁾, даровитый, обладавшій прекраснымъ даромъ слова и большимъ остроуміемъ, но къ сожалѣнію не привившійся къ академіи и вскорѣ черезъ годъ оставившій ее сначала для свѣтской службы, а потомъ для служенія въ священномъ санѣ. Привать-доцентъ по византійской исторіи магистръ сиріецъ Герасимъ Яредъ ²⁾, служилъ гораздо долѣе (1870—1876 г.); также очень даровитый съ горячей головой и легко воспламеняющимся характеромъ, онъ оставилъ послѣ себя немало цѣнныхъ научныхъ и литературныхъ трудовъ. Преподаваніе этого отдѣла церк. исторіи онъ совмѣщалъ съ службою въ петрогр. духовной семинаріи до назначенія его на ректуру въ псковскую дух. семинарію.

На кафедрѣ русской церковной исторіи, получившей съ уставомъ 1869 г. отдѣльнаго отъ гражданской русской исторіи (съ которою она до того времени была соединена) штатнаго преподавателя, былъ избранъ въ 1871 г. и въ 1872 г. утвержденъ въ званіи доцента магистръ священникъ П. О. Нико-

¹⁾ Александръ Аванасьевичъ Автономовъ, орлов., кавд. XXIV к. (1871 г.) спб. акад., 1871—1872 г. привать-доц., поступилъ, въ 1872 г., на службу въ кредитную канцелярію, былъ потомъ священникомъ при частной церкви г. Дервиза въ Лугано въ Италіи, затѣмъ законоучителемъ Гатчинскаго Никол. сиротскаго института, членомъ духовно-цензур. комитета, свящ. Петергофской придворной церкви, петр. Конюшенной церкви, протоіереемъ Зимняго Дворца, скончался въ отставку по болѣзни. † 1914 г.

²⁾ Герасимъ Яредъ, сиріецъ-арабъ, род. 1840 г., моск. сем., 7-й маг. XXVШ к. (1869) спб. акад., 1869—препод. спб. сем. и съ 1870 г. привать-доц. акад., 1871—монахъ, 1871—ректоръ псковской сем., 1881—рижской, 1882—уволень отъ должности, 1883—членъ іерусалимскаго патріархата. 1889—рукоположенъ въ епископа съ назначеніемъ митрополитомъ Селевкійскимъ, † 1899.

лаевскій ¹⁾), знатокъ своего предмета, въ послѣдствіи многосвѣдущій, выдающійся нашъ русскій церковный историкъ, энергичный членъ академическаго совѣта.

Помощникомъ ему, съ 1875 г., былъ въ званіи приватъ-доцента кандидатъ Е. М. Прилежаевъ ²⁾), читавшій лекціи по исторіи русской церкви въ періодъ синодальнаго управленія. Это была третья приватъ-доцентура въ церковно-историческомъ отдѣленіи; она существовала около 9-ти лѣтъ, до 1884 г., т.-е. до конца дѣйствія устава 1869 г. Е. М. Прилежаевъ былъ очень полезнымъ, многообъщающимъ молодымъ преподавателемъ. Характера былъ замкнутого, очень молчаливаго.

По другимъ кафедрамъ этого отдѣленія оставались прежніе преподаватели. По исторіи и обличенію русскаго раскола проф. И. Θ. Нильскій, съ 1870 г. докторъ богословія и ордин. проф.; по русской гражданской исторіи—М. О. Кояловичъ, съ 1873 г. докторъ богословія и ордин. проф. По общей гражданской исторіи *древней* А. И. Предтеченскій, магистръ, экстр. профессоръ, съ 1880 г. заслуженный экстр. профессоръ.

Вторую кафедру общей гражданской исторіи, *новой*—послѣ неудавшейся попытки замѣстить ее магистромъ Петроградскаго Университета П. И. Люперсольскимъ ³⁾), и послѣ годичнаго временнаго (1872—1873 г.) преподаванія доцента того же Университета В. Г. Васильевскаго ⁴⁾), въ послѣдствіи знаменитаго ученаго,—занялъ, въ 1873 г., въ званіи доцента окончившій въ томъ же году магистръ нашей академіи

¹⁾ Павелъ Ѳеодоровичъ Николаевскій, новг., маг. XXVI к. (1865 г.) спб. акад., 1865—свят. петр. Владимірскаго соб., 1871—доцентъ, 1874—свят. Свят.-Троицкой общины сестеръ мил., 1882—экстр. проф., 1897—докторъ церк. исторіи и ордин. проф. † 1899 г.

²⁾ Евгеній Михайловичъ Прилежаевъ, олонец., канд. XXXII к. (1875) спб. акад., 1875—1884 г. приватъ-доцентъ, 1884—правитель дѣлъ канцеляріи Протопресв. управляющаго придворнымъ духовенствомъ (І. Л. Я—ва).

³⁾ Петръ Ивановичъ Люперсольскій, вятск., канд. XXIII к. (1859) спб. акад., до 1865 г. препод. спб. сем., 1865 г. стипенд. Мин. Нар. Просвѣщ., 1869—маг. сиб. унив., командированъ за границу для приготовленія къ профессурѣ, 1872—читалъ конкурсныя лекціи въ нашей академіи, былъ избранъ доцентомъ, но не получилъ увольненія отъ Мин. Нар. Просв., 1872 г.—экстр. проф. Варшав. унив., 1875—1897—орд. проф. Нѣжинск. истор. филол. инстит., † 1903 г. въ Петрогр.

⁴⁾ Василій Григорьевичъ Васильевскій, воспит. ярославской дух. сем. и сиб. унив., въ послѣдствіи экстр. и ордин. его проф., ординарный академикъ, знаменитый византологъ и еллинистъ.

Н. А. Скабалановичъ ¹⁾. Это былъ первый случай полученія, по уставу 1869 г., степени магистра и званія доцента въ нашей академіи ея воспитанникомъ, сразу же по окончаніи академическаго курса; второй случай—упомянутый выше (В. В. Болотова). Въ лицѣ Н. А. Скабалановича академія получила большую ученую силу, прекраснаго профессора, долготѣняго (30 лѣтъ) члена академической корпораціи, заявившаго себя не только учеными трудами, но и выдающимся публицистическимъ талантомъ (ред. «Церковнаго Вѣстника» и многолѣтній въ немъ сотрудникъ).

По церковно-практическому отдѣленію произошли слѣдующія перемѣны.

Церковное право продолжалъ преподавать мой товарищъ по студенчеству Тим. В. Барсовъ, сначала въ званіи доцента, а съ 1870 г.—экстр. профессора, соединяя профессорскую службу съ должностію (съ 1879 г.) оберъ-секретаря канцеляріи Св. Синода, 1888 г. докторъ богосл., 1889—ордин. профессоръ († 1904 г.)

Каѳедру гомилетики и соединеннаго съ нею пастырскаго богословія занялъ, съ 1869 г. другой мой, по студенчеству товарищъ, магистръ Николай И. Барсовъ ²⁾, въ званіи доцента, съ 1873 г. экстр. профессоръ. Онъ оказался вполне подходящимъ къ занятіямъ по предмету церковнаго краснорѣчія; подготовленный къ преподаванію въ академіи церковной словесности своею семинарскою службою, какъ преподаватель общей словесности въ петроградской дух. семинаріи, онъ владѣлъ хорошимъ даромъ слова, отличался большою живостію и отзывчивостію на текуція событія церковной и общественной жизни. Къ сожалѣнію, онъ былъ человѣкъ очень нервный, весьма неуравновѣшеннаго характера.

Церковную археологію и литургику,—послѣ отставки долготѣняго (1836—1873 г.) профессора этихъ предметовъ В. И. Долопкаго,—временно, около года (1873—1874 г.), читалъ пишущій эти строки, экстр. проф. А. Л. Катанскій, какъ

¹⁾ Николай Аванасьевичъ Скабалановичъ, литовск. сем., канд. XXX к. (1873) спб.-акад., въ томъ же 1873 г. магистръ и доцентъ, 1884—докторъ бог. и экстр. проф. 1891—ординарный, 1885—1893 г.—редакторъ «Церк. Вѣстн.», 1898—заслуж. орд. проф.

²⁾ Николай Ивановичъ Барсовъ, спб. сем., 3-й маг. XXV к. (1863) спб. акад., 1863—препод. спб. сем., 1869—доц. акад., 1873—экстр. проф. 1887—и. д. орд. проф., 1889—въ отставкѣ, † 1903 г.

бывшій нѣкогда бакалавромъ церковной археологіи въ Московской Академіи, при чемъ не оставлялъ въ то же время чтеній по кафедрѣ догматическаго богословія. Мнѣ удалось избрать и подготовить, изъ числа оканчивавшихъ въ то время студентовъ IV курса церк.-практическаго отдѣленія, постояннаго преподавателя въ лицѣ Н. В. Покровскаго ¹⁾, сначала въ званіи приватъ-доцента. Мой выборъ оказался весьма удачнымъ: Н. В. Покровскій, впоследствии магистръ, доцентъ, командированный съ ученою цѣлью за границу, затѣмъ экстр. проф., докторъ церковной исторіи, ординарный проф., инспекторъ академіи, директоръ Петроградскаго Археологическаго Института, получилъ потомъ большую и заслуженную извѣстность (благодаря трудамъ по его специальности) не только въ духовныхъ, но и свѣтскихъ кругахъ; нынѣ онъ выдающійся русскій церковный археологъ. Съ большою пользою для родной академіи до сихъ поръ (даже и послѣ отставки въ 1904 г.) не оставляетъ въ ней чтеній по церк. археологіи — въ званіи сверхштатнаго заслуж. профессора.

Прекрасное приобрѣтеніе сдѣлала также и другая кафедра этого отдѣленія—по теоріи словесности и исторіи русской литературы, — послѣ отставки многолѣтняго также профессора (1839—1874 г.), К. И. Лучицкаго. Его мѣсто занялъ, въ 1874 г. магистръ В. В. Никольскій ²⁾, бывшій преподаватель петроградской семинаріи по классу словесности, а въ то время блестящій профессоръ Александровскаго Лицея, обладавшій прекраснымъ даромъ слова и большими свѣдѣніями по своему предмету, увлекавшій своихъ слушателей превосходною манерою преподаванія. Въ академіи слушать его лекціи стекались нерѣдко студенты другихъ отдѣленій и курсовъ. Къ сожалѣнію, онъ прослужилъ въ родной академіи сравни-

¹⁾ Николай Васильевичъ Покровскій, костр., канд. XXXI (1874) к. спб. акад., 1874—прив. доц., 1880—магистръ и доцентъ, 1883—экстр. проф., 1892—докторъ дерк. исторіи, 1894—ордин. проф., 1893—1899—инспекторъ акад., 1898—директоръ Петрогр. Археологическаго Института, 1899—заслуж. орд. проф. академіи.

²⁾ Владиміръ Васильевичъ Никольскій, петрогр., 2-й маг. XXIII к. (1859) спб. акад., 1859—препод. спб. семин., 1862—въ заграничной отъ Оберъ-Прок. Св. Синода командировкѣ, 1863—препол. Учил. Правовѣдѣнія и др. учебн. заведеній, 1865—Александр. Лицея преподад. и потомъ экстр. проф., 1874—препод. спб. дух. акад., 1877—экстр. ея проф., въ томъ же 1877 г.—инспекторъ Александровскаго лицея, † 1883 г. за границей въ Санъ-Ремо.

тельно недолго, около 9 лѣтъ. Кончина его въ 1883 г. была большою для нея потерей.

Одновременно съ занятіемъ штатной каѳедры словесности В. В. Никольскимъ появилась при ней приватъ-доцентура въ лицѣ кандидата нашей академіи А. И. Пономарева ¹⁾, допущеннаго совѣтомъ къ чтенію лекцій по отдѣлу словесности—«обзору важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ». По кончинѣ В. В. Никольскаго, А. И. Пономаревъ, въ 1883 г., занялъ штатную каѳедру сначала въ званіи приватъ-доцента и и. д. доцента (послѣ 1884 г.), а потомъ, съ полученіемъ степени магистра, въ 1886 г.,—доцента. Въ его лицѣ академія получила впослѣдствіи солиднаго профессора и многолѣтняго служаку. Отзывчивый на всѣ церковно-общественныя движенія, — что объясняется отчасти публицистическою его дѣятельностью въ качествѣ соредактора, а потомъ редактора и издателя журнала «Страпникъ», — онъ много потрудился на духовно-литературномъ поприщѣ; пользовался расположеніемъ студентовъ. Въ событіяхъ академической жизни принималъ живое, горячее участіе; характера былъ несовѣтъ равнаго, но во всякомъ случаѣ былъ добрымъ сослуживцемъ.

Вновь открытую, съ уставомъ 1869 г., каѳедру русскаго языка и славянскихъ нарѣчій занялъ, въ 1869 г., кандидатъ-магистрантъ Петроградскаго Университета А. С. Будиловичъ ²⁾, сначала въ званіи приватъ-доцента, а по полученіи въ университетѣ степени магистра, въ 1871 г.,—доцента. Богатыхъ дарованій, глубоко преданный интересамъ славянства, съ горячей головой, широкимъ кругозоромъ и увлекательною рѣчью онъ былъ многообщающимъ, цѣннымъ для академіи молодымъ преподавателемъ. Благодаря симпатичнымъ чертамъ характера пользовался общимъ расположеніемъ сослуживцевъ. Къ сожалѣнію, служба его въ академіи была непродолжительна (около 2-хъ лѣтъ, 1869—1871 г.). Наши близкія съ нимъ отношенія, начиная съ его студенчества, не прерывались до самой его

---

¹⁾ Александръ Ивановичъ Пономаревъ, уфим., канд. XXXI к. (1874). спб. акад., 1874 — приватъ-доц., 1886—магистръ, доцентъ, 1887 — экстр. проф., 1900—докторъ церк. ист. и орд. проф., 1901—заслуж., 1905—сверхштатный.

²⁾ Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, вилensk. сем., спб. унив. канд., магистръ и докторъ, послѣ академической службы былъ въ 1872 г. профессоромъ Нѣжинскаго Лицея, потомъ Варшавскаго унив., ректоромъ Юрьевскаго унив. и наконецъ членомъ совѣта Мин. Нар. Просв.

кончины (въ Петроградѣ, въ званіи члена совѣта Мин. Нар. Просв.). По оставленіи имъ службы въ академіи его мѣсто занялъ его учитель по университету, извѣстный славистъ, проф. Петрогр. Университета Владиміръ Ивановичъ Ламанскій— въ званіи штатнаго преподавателя, съ жалованьемъ сначала въ 1200, а потомъ (съ 1877 г.) въ 2,000 р. въ годъ; быть штатнымъ помѣшало ему то обстоятельство, что онъ былъ штатнымъ профессоромъ въ университетѣ. Считаю излишнимъ говорить о громадной эрудиціи и ученыхъ заслугахъ этого выдающагося профессора и общественнаго дѣятеля. Въ академіи онъ служилъ долго, около 20 лѣтъ, отличался общительностью и симпатичнымъ характеромъ, какъ сослуживецъ. У студентовъ онъ пользовался, конечно, большимъ авторитетомъ и былъ имъ очень полезенъ, какъ большой знатокъ славянскихъ языковъ, располагалъ ихъ къ изученію этихъ языковъ, такъ что, какъ мы слышали отъ бывшихъ его слушателей, они начинали понимать сербскую, чешскую и т. п. рѣчь. Отвлекаемый широкою ученою и литературною дѣятельностью, В. И. Л., правда, не былъ особенно усерднымъ преподавателемъ академіи, но она очень имъ дорожила, что и выразила избраніемъ его въ почетные свои члены послѣ оставленія имъ службы въ академіи.

Преподавателями новыхъ языковъ, получившими съ 1869 г. названіе лекторовъ, были также новыя лица.

Лекторомъ нѣмецкаго языка, съ 1869 г., былъ Людвигъ Павловичъ Размусенъ, замѣчательная личность. Кандидатъ Копенгагенскаго университета, датчанинъ, онъ былъ избранъ по рекомендаціи ректора, І. Л. Янышева, какъ хорошо ему извѣстный, бывший до того времени (съ 1866 г) библіотекаремъ нашей академіи ¹⁾. Л. П. Размусенъ былъ глубокимъ

¹⁾ Въ 1866 г. Л. П. былъ допущенъ къ завѣдыванію академическою библіотекою, по настоянію ректора о. І. Л. Янышева, несмотря на противодѣйствіе остальной академической администраціи и старшихъ членовъ корпораціи. Долгое время (чуть ли не все время своего библіотекарства) онъ и содержаніе получалъ изъ личныхъ средствъ ректора, о чемъ не разъ говорилъ мнѣ самъ о. І. Л. Я. Л. П. Размусенъ былъ идеальный библіотекаръ, страстный библіофилъ и ревностнѣйшій охранитель дѣлести книжнаго академическаго имущества, за что и пострадалъ—въ столкновеніи съ проф. И. А. Чистовичемъ: долженъ былъ оставить библіотекарство. Крайне жаль; лучшаго библіотекаря трудно было даже выдумать. Хотя онъ былъ прекраснымъ лекторомъ нѣмецкаго языка, но настоящее его призваніе было библіотекарство. Мѣсто библио-

знатокомъ не только нѣмецкаго языка, но, что особенно удивительно, и славянскихъ нарѣчій. Разъ какъ-то, когда я былъ у ректора, приносятъ ему переводъ съ какого-то западно-славянскаго языка (чешскаго или сербскаго) и переводчикомъ оказывается Размусень. На мое удивленіе о. ректоръ замѣтилъ, что Л. П. Р. прекрасно знаетъ славянскія нарѣчія, что онъ изучилъ ихъ въ бытность свою въ Копенгагенскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ. Добросовѣстнѣйшій преподаватель и большой знатокъ нѣмецкаго языка Л. П. былъ однако очень тяжелъ для тѣхъ изъ студентовъ, которые мало заботились объ изученіи этого языка и крайне несговорчивъ относительно измѣненія экзаменскихъ отмѣтокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось оказать нѣкоторое снисхожденіе лучшимъ студентамъ, имѣвшимъ несчастіе получить плохой баллъ на экзаменѣ по его предмету. Вообще это былъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ нравственнаго характера. И жилъ онъ совершеннымъ отшельникомъ, холостякомъ, крайне нетребовательнымъ отъ жизни. Никакихъ удовольствій и развлеченій онъ не зналъ; все время проводилъ въ своей маленькой квартиркѣ за книгами; единственный его выходъ былъ въ академію, въ Публичную библіотеку, да еще въ дешевую кухмистерскую, гдѣ онъ питался. Послѣ многихъ лѣтъ службы въ академіи онъ и скончался въ очень бѣдной обстановкѣ, одинокимъ.

Лекторомъ французскаго языка (съ 1867 по 1881 г.) былъ кандидатъ нашей академіи А. И. Поповицкій ¹⁾, товарищъ по студенчеству ректора І. Л. Янышева, впоследствии замѣчательный духовный публицистъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ особенности въ эпоху изданія имъ «Церк.-Общ. Вѣстника». Основательно изучивъ французскій языкъ въ бытность свою въ

текаря послѣ него занялъ П. Θ. Комаровъ, неудавшійся бакалавръ по нравств. богословію (см. выше). И библіотекаремъ онъ былъ также неважнымъ, заставлявшимъ очень сожалѣть объ его предшественникѣ Л. П. Размусень.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Поповицкій; астрах., 43-й канд. XVIII к. (1849) слб. акад., 1849—1853 г.—въ Парижѣ, 1853—учитель франц. языка въ разныхъ учебн. заведеніяхъ Петрограда, и сотрудникъ свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ и газетъ, 1867—препод. франц. языка въ нашей академіи, въ томъ же 1867 г. редакторъ „Соврем. Листка“, изд. при журн. „Странникъ“ прот. Гречулевича, 1874—ред. и издатель „Церк. Общ., Вѣств.“, 1885—„Русскаго Паломника“, 1899 г. праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей служебной и общественной дѣятельности, сконч. 29 марта 1904 г.

Парижѣ, въ качествѣ домашняго учителя дѣтей князя А. Б. Куракина, тогда старшаго секретаря нашего парижскаго посольства, затѣмъ вернувшись въ 1853 г. въ Россію, онъ, вмѣстѣ съ трудами на публицистическомъ поприщѣ, посвятилъ себя педагогической дѣятельности: былъ долгое время преподавателемъ французскаго языка въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ 3 петрогр. гимназій и др.), а потомъ поступилъ преподавателемъ того же языка въ родную академію, съ переименованіемъ (съ 1869 г.) въ лектора. Привлекательнаго, веселаго, весьма общительнаго характера, онъ пользовался симпатією сослуживцевъ и уваженіемъ, въ особенности за свою публицистическую дѣятельность. Былъ онъ близокъ къ прот. І. В. Васильеву, благодаря пребыванію въ Парижѣ (1849—1853 г.), гдѣ онъ состоялъ, между прочимъ, сверхштатнымъ псаломщикомъ, прикомандированнымъ къ нашей посольской русской церкви. Мы часто съ нимъ видались въ домѣ моего тестя и близкое наше знакомство не прерывалось до дня его кончины (1904 г.).

Лекторомъ англійскаго языка съ 1867 г. до 1888 г. былъ англичанинъ П. М. Нурокъ, опытный преподаватель.

Въ заключеніе этого обзорѣнія состава преподавателей за время 1869—1884 гг. хочется сказать: сколько, однако, явилось въ этотъ періодъ новыхъ почтенныхъ ученыхъ силъ въ академіи!... и спросить, не обязана ли она въ этомъ отношеніи во многомъ уставу 1869 г.? Было ли бы то же самое при другихъ условіяхъ?.. *)

А. Катанскій.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Къ характеристикѣ новой педагогики.

«0 третьемъ всероссійскомъ сѣздѣ по экспериментальной педагогикѣ» 2—5 января 1916 г.

АНГЛИЙСКИЙ профессоръ педагогики (въ Шеффилдскомъ университетѣ) Дж. Гринъ, въ 1909 году посѣтившій Россію, вынесъ наблюденіе, что въ русскомъ обществѣ обнаруживается „необычайно острый интересъ“ къ вопросамъ воспитанія, и что въ отношеніи „педагогическаго одушевленія“ современная Россія близко напоминаетъ „Германію начала XIX вѣка“ ¹⁾. То было время, когда І. Г. Фихте, среди тяжелыхъ политическихъ потрясеній, обрушившихся на Германію, призывалъ націю къ созиданію „новой жизни“ при помощи „новаго и самобытнаго національнаго воспитанія, какого до тѣхъ поръ не было еще ни у одного народа“ ²⁾. Въ настоящій моментъ англійскій профессоръ, очевидно, имѣлъ бы еще болѣе *вѣстныхъ* основаній для своей аналогіи, чѣмъ шесть лѣтъ назадъ. О большомъ интересѣ къ вопросамъ воспитанія, продолжающемъ нарастать въ русскомъ обществѣ, не смотря на всепоглощающіе интересы великой войны, наглядно свидѣтельствовалъ состоявшійся въ Петроградѣ въ первыхъ числахъ января „третій всероссійскій сѣздъ по экспериментальной педагогикѣ“. Созванный „inter arma“, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, сѣздъ привлекъ, однако, весьма большое

¹⁾ Гринъ. Экспериментальное изслѣдованіе педагогическихъ проблемъ въ Россіи. Изъ „Graining College Record“ 1909, XI. „Русская Школа“ 1910, I, 209.

²⁾ „Reden an die deutsche Nation“ (Leipzig 1909) S. 13.

число педагоговъ со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ отдаленныхъ, и вообще имѣлъ, какъ говорится, „большой внѣшній успѣхъ“. Другой вопросъ, куда этотъ интересъ направляется, и дѣйствительно ли онъ внутренне связанъ съ великими историческими событіями настоящаго момента. Тотъ же самый профессоръ Гринъ въ своей пріѣзженной телеграммѣ съѣзду высказалъ „удивленіе предъ величіемъ русскаго народа“, который въ такой моментъ, какъ настоящий, способенъ заниматься вопросами воспитанія. Эти слова могли бы звучать какъ пророчія, еслибы мы не предполагали въ авторѣ ихъ несомнѣнной увѣренности, что собравшіеся русскіе педагоги живо чувствуютъ глубокую и тѣсную связь вопросовъ воспитанія съ тѣмъ великимъ національнымъ дѣломъ, которое совершается на поляхъ сраженій. Эта связь настолько очевидна, что ее трудно не замѣчать. Въ самомъ дѣлѣ, смыслъ происходящей героической борьбы сводится къ тому, что нація хочетъ и должна закрѣпить за собою прочное мѣсто среди культурныхъ народовъ при непремѣнномъ условіи полной самостоятельности и самобытности. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ процессѣ борьбы особенно болѣзненно чувствуются недостатки нашего прошлаго: наша отсталость и наша культурная зависимость. Устраненіе этихъ недостатковъ и вѣрное достиженіе намѣченныхъ цѣлей возможны только при условіи надлежаще поставленнаго воспитанія: оно должно быть столь же методически совершеннымъ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, и въ то же время должно быть самобытнымъ, соотвѣтствующимъ національнымъ идеаламъ и національному характеру. Если первая задача сознавалась нами всегда болѣе или менѣе ясно, то нельзя этого сказать о второй задачѣ. Какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ воспитанія мы особенно легко поддавались всякимъ чуждымъ вліяніямъ, главнымъ образомъ нѣмецкимъ, и со всѣмъ еще недавно среди русскихъ педагоговъ можно было слышать такое заявленіе, что мы и не нуждаемся въ своей особой теоріи воспитанія, потому что „судьба нашей школы исторически связана съ судьбой школы нѣмецкой“. А между тѣмъ эта вторая задача какъ разъ и оказывается теперь самою важною. Современные событія заставили насъ осязательно почувствовать, что даже усвоеніе чужой культуры, если оно хочетъ быть не внѣшнимъ и механическимъ, а органическимъ, требуетъ національной переработки, націо-

нального творчества. Въ противномъ случаѣ и получается, что мы „дышать не можемъ безъ нѣмцевъ“. Но мы узнали гораздо большее. То совершенно неожиданное и съ точки зрѣнія бывшихъ традицій прямо неправдоподобное обстоятельство, что мы оказались въ роли защитниковъ истинной культуры противъ варварства нашихъ культурныхъ просвѣтителей, должно наконецъ убѣдить насъ, что исторія требуетъ отъ насъ самостоятельнаго культурнаго творчества, что мы въ состояніи внести въ человѣческую культуру свои собственные высокія дѣятели. Это уже не славянофильская „теорія“, а требованіе неумолимой дѣйствительности. И прежде всего мы должны внести свое національное творчество въ постановку воспитанія, отъ котораго зависитъ наше національное будущее. Въ какомъ же отношеніи къ этимъ задачамъ стоитъ наше „педагогическое одушевленіе“? „Германія начала XIX вѣка“, съ которою угодно было сравнить современную Россію англійскому педагогу, имѣла въ педагогикѣ такія имена, какъ Фихте, Герbartъ, Фребель. У насъ есть „экспериментальная педагогика“.

Этому новому педагогическому направленію, которое въ послѣднія два десятилѣтія широкой и шумной волной прокатилось по всей Европѣ и Америкѣ, какъ-то особенно посчастливилось у насъ въ Россіи. Здѣсь мы, вопреки своему обычаю, не слишкомъ отстаемъ отъ границы, а идемъ съ нею почти въ ногу, иногда даже забѣгая впередъ. Достаточно указать, что состоявшійся въ 1910 году въ Петроградѣ первый съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ оказался „первымъ не только для Россіи, но и для Европы“. Нужно еще прибавить, что и предшествующіе два съѣзда „по педагогической психологіи“ (въ 1906 и 1909 гг.) носили въ сущности тотъ же „экспериментальный“ характеръ; поэтому настоящій „третій съѣздъ“ фактически является пятымъ за 10-лѣтіе съѣздомъ по экспериментальной педагогикѣ. Если принять во вниманіе, что за это время у насъ не было другихъ съѣздовъ, посвященныхъ обще-педагогическимъ вопросамъ, то получается впечатаніе, что въ Россіи нѣтъ другой педагогики кромѣ экспериментальной. Этого нельзя сказать даже о Германіи, гдѣ экспериментальная педагогика, повидимому, особенно пришлось по вкусу, потому что тамъ рядомъ съ экспериментализмомъ мы видимъ напримѣръ такое прямо противоположное ему построеніе, какъ философская педагогика Наторпа. У

насъ экспериментальная педагогика не имѣть соперниковъ и явно претендуетъ на руководящую роль въ дѣлѣ воспитанія: ея вліяніе не ограничивается кругомъ педагоговъ, но распространяется, повидимому, и на административныя сферы. Объ этомъ свидѣлствуетъ напр. прочитанный на сѣздѣ проектъ „школьно-гигиенической лабораторіи при врачебно-санитарной части Министерства народнаго просвѣщенія“,— проектъ, который, судя по нѣкоторымъ подробностямъ, едва ли могъ возникнуть внѣ вліянія со стороны „экспериментальной педагогики“.

Спрашивается: дѣйствительно ли экспериментальная педагогика есть то, что намъ нужно, особенно въ настоящихъ историческихъ условіяхъ? Этотъ вопросъ, вѣроятно, былъ на душѣ у многихъ педагоговъ, собравшихся на третій сѣздъ по экспериментальной педагогикѣ. Колебанія и сомнѣнія здѣсь болѣе, чѣмъ законны. Съ одной стороны, новая педагогика соблазняетъ обѣщаніемъ сдѣлать воспитаніе предметомъ точнаго научнаго знанія, положить конецъ отвлеченнымъ и скучнымъ разсужденіямъ старой „философской“ педагогики и дать воспитателю тѣ психологическіе „законы“, о которыхъ мечтали Песталоцци и Гербартъ. Съ другой стороны, въ этомъ обѣщаніи чувствуется что-то преувеличенное, затрагивающее какія-то дорогія идеи и какъ будто намъ совершенно чуждое. Недаромъ извѣстнѣйшіе психологи и даже вожди экспериментализма въ психологіи (Джемсъ, Вундтъ, Мюнстербергъ, Цигенъ и др.) испугались слишкомъ смѣлыхъ выводовъ, какіе были сдѣланы ихъ послѣдователями въ педагогикѣ, и призывали педагоговъ вернуться отъ одно-сторонняго „психологизма“ къ изученію „идей“, которыми преимущественно занималась старая „философская“ педагогика. Извѣстно, что и у насъ въ Россіи экспериментальная педагогика встрѣтила не только вѣрныхъ послѣдователей, но и скептиковъ и рѣшительныхъ противниковъ: на прежнихъ „экспериментальныхъ“ сѣздахъ основныя положенія новой педагогики не разъ были предметомъ ожесточенныхъ споровъ. На третьемъ сѣздѣ споровъ было значительно меньше, но не потому, что экспериментализмъ оказался побѣдителемъ, а потому, что его противники или просто отсутствовали, или намѣренно уклонялись отъ принципиальныхъ вопросовъ, рѣшивъ извлекать изъ новой педагогики лишь то цѣнное, что она безспорно въ себѣ заключаетъ. Дѣйстви-

тельно наблюдаемое у большинства педагоговъ колебаніе въ отношеніи экспериментализма объясняется не столько недостаточнымъ знакомствомъ съ новой педагогикой ¹⁾, сколько тѣмъ, что самая эта педагогика представляетъ величину не установившуюся, не опредѣлившую достаточно ясно своего содержанія и направленія.

Основной вопросъ сводится къ слѣдующему. Что именно хочетъ представлять собою экспериментальная педагогика: часть педагогики или всю педагогику? Хочетъ ли она быть только ученіемъ о методахъ воспитанія (конечно, въ той части, въ какой эти методы могутъ зависѣть отъ природы воспитанника), или мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особой педагогической идеологіей? Въ первомъ случаѣ экспериментальная педагогика не можетъ вызывать принципиальныхъ возраженій, если только она не выходитъ за предѣлы явленій, дѣйствительно доступныхъ „объективному“ изслѣдованію. Напротивъ, нужно съ благодарностью признать, что новая педагогика уже теперь сдѣлала очень много для того, чтобы воспитаніе могло стать болѣе совершеннымъ въ смыслѣ метода. Она дала много новыхъ или заново методически провѣренныхъ свѣдѣній о душѣ и тѣлѣ ребенка и ихъ развитіи,— свѣдѣній, съ которыми педагогъ можетъ теперь сообразовать свои приемы и методы и такимъ образомъ вѣрнѣе достигать намѣченныхъ цѣлей. Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что эти свѣдѣнія въ сущности вовсе не имѣютъ права называться „экспериментальной педагогикой“. Что эпитетъ „экспериментальная“ присвоенъ новой педагогикѣ условно (ибо она пользуется экспериментомъ не болѣе, чѣмъ и старыми методами эмпирическаго наблюденія и является въ дѣйствительности просто „эмпирическою“),—это

---

¹⁾ Случаи недостаточнаго знакомства, конечно, не исключаются. Такъ, свящ. Е. О. Сосунцовъ въ своей брошюрѣ „Законъ Божій и экспериментальная педагогика“ (Казань 1914) находитъ, что экспер. педагогика въ общемъ благоприятно относится къ религіозному воспитанію, и потому призываетъ о. о. законоучителей поспѣвать за новымъ педагогическимъ движеніемъ и „не быть въ числѣ отставшихъ“ (стр. 35). Но этотъ выводъ полученъ послѣ того, какъ о. Сосунцовъ включилъ въ число „признанныхъ дѣятелей“ экспер. педагогики не только авторовъ, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія (какъ М. Прево!), но и такого рѣшительнаго и принципиальнаго ея *противника*, какъ П. Наторпъ! (стр. 4 сл.).

признають и сами вожди новой педагогики ¹⁾. Но здѣсь нѣтъ еще въ сущности и „педагогики“, если подѣ педагогикой разумѣть, какъ это было всегда принято, систему правилъ воспитанія. „Экспериментальная педагогика“, какъ она излагается теперь, вовсе не представляет собранія правилъ воспитанія. Она просто описываетъ различные процессы физической и душевной жизни ребенка, лишь попутно и далеко не всегда дѣлая изъ нихъ педагогическіе выводы (большую частью весьма неопредѣленнаго характера), и потому является въ сущности *педологіей*, или, какъ предпочитаютъ говорить теперь, „юношествовѣдѣніемъ“ (*Jugendkunde*) ²⁾. Конечно, можно гадать и спорить о будущемъ, — о томъ, осуществима, или нѣтъ система психологически обоснованныхъ методовъ воспитанія. Серьезныя препятствія къ построенію такой системы несомнѣнно имѣются: а) методы воспитанія зависятъ не только отъ психологіи, но и главнымъ образомъ отъ наукъ нормативныхъ (какъ это прекрасно доказано Наторпомъ ³⁾; б) чѣмъ сложнее душевныя явленія, тѣмъ менѣе доступны они для „объективнаго“ изслѣдованія, а педагогикѣ болѣе всего приходится имѣть дѣло какъ разъ съ явленіями сложными. Во всякомъ случаѣ такая система пока не осуществлена, и намъ кажется, что много недоразумѣній

¹⁾ Э. Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ, т. I (3-ье изд. М. 1914), 22.

²⁾ Э. Мейманъ. Очеркъ экспериментальной педагогики (М. 1916), стр. 5. Противъ этого можно сказать, что экспер. педагогика имѣетъ свою особую педагогическую *точку зрѣнія* (*ibid.*). Но это соображеніе имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы педагогическая точка зрѣнія отражалась на всемъ построеніи новой науки. Такъ, социологія, имѣющая общій предметъ съ социальной исторіей, не имѣла бы права на самостоятельное существованіе, еслибы она стала разсматривать свой предметъ (жизнь человѣческихъ обществъ) напр. въ собственномъ исторіи хронологическомъ порядкѣ, лишь попутно дѣлая социологическіе выводы. Точно также просто „точки зрѣнія“ не достаточно, чтобы физиологія обратилась въ гигиену или медицину. Съ другой стороны, и „педологія“, имѣя дѣло съ человѣкомъ въ періодъ особеннаго роста, не можетъ считать чуждою себѣ точку зрѣнія „естественнаго развитія“, каковая въ эмпирической педагогикѣ вполне совпадаетъ съ точкою зрѣнія педагогической. Поэтому нѣкоторые дѣйствительно и не дѣлаютъ различія между экспер. педагогикой и педологіей. См. напр. А. Бинэ. Современныя идеи о дѣтяхъ, (М. 1910) стр. 1.

³⁾ Философія, какъ основа педагогики (М. 1910), 36 слѣд., 49 слѣд. и др.

было бы устранено, если бы „экспериментальная педагогика“ называла себя просто педологіей, чѣмъ она и является въ дѣйствительности, если исключить идеологическія притязанія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Это пожеланіе можно отнести и къ нашимъ сѣздамъ по „экспериментальной педагогикѣ“. Правда, они вводятъ въ свою программу и чисто педагогическіе вопросы, именно вопросы методики отдѣльныхъ предметовъ; но этотъ элементъ обычно оказывается вовсе не связаннымъ съ элементомъ „экспериментальнымъ“ или „педологическимъ“. Третій сѣздъ не представлялъ въ этомъ отношеніи исключенія: то, что было на сѣздѣ чисто педагогическаго (напр., доклады о преподаваніи исторіи и логики), не имѣло никакого отношенія къ экспериментализму, а то, что было „экспериментальнаго“, относилось не столько къ педагогикѣ, сколько къ психологіи, фізіологіи и — въ лучшемъ случаѣ — къ педологіи ¹⁾.

Однако, какъ бы ни называла себя новая педагогика, она не можетъ встрѣчать принципиальныхъ возраженій, пока остается простымъ эмпирическимъ (психологическимъ и фізіологическимъ) обоснованіемъ методовъ воспитанія. Другое дѣло, если рѣчь идетъ о новой педагогической *идеологіи*. Въ такомъ случаѣ самое названіе „экспериментальная педагогика“ звучитъ такъ же странно, какъ еслибы намъ говорили напримѣръ объ „экспериментальной этикѣ“. Тогда экспериментальная педагогика рѣшительно измѣняетъ свой первоначальный характеръ и становится уже не „наукой о фактахъ“, а философіей, защищающей опредѣленные идеи, въ цѣнности которыхъ для духовной культуры вообще и для нашей національной культуры въ частности можно сомнѣваться. Дѣло касается двухъ принципиальныхъ пунктовъ: а, цѣлей воспитанія и б, объекта воспитанія — души человека.

Экспериментально-психологическое обоснованіе методовъ воспитанія, конечно, не обязываетъ къ такому же обоснова-

¹⁾ Здѣсь нужно исключить, конечно, докладъ о преподаваніи «аглядной» или, что то же, экспериментальной психологіи въ средней школѣ (А. П. Нечаева). Этотъ вопросъ особенно охотно обсуждается на всѣхъ сѣздахъ, вѣроятно, потому, что здѣсь дѣйствительно имѣется на лицо связь между „экспериментальнымъ“ и „педагогическимъ“. Но совершенно очевидно, что эта связь чисто случайная и внѣшняя: она рухнетъ, если осуществится предположеніе Министерства объ изыятіи психологін изъ курса средней школы.

нію цѣлей воспитанія. Эмпиризмъ методологическій не обязываетъ къ эмпиризму телеологическому или принципіальному. Такъ, Песталоцци, Гербартъ и Фребель, которые стремились къ психологическому обоснованію методовъ воспитанія, цѣли воспитанія выводили изъ религіозной или философской этики. И они были правы, потому что изъ фактовъ,—изъ того, что есть, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно того, что должно быть. Позиція новой педагогики въ этомъ вопросѣ остается не вполне опредѣленной, но во всякомъ случаѣ она не совпадаетъ съ точкой зрѣнія названныхъ представителей старой „психологической“ школы. Не ясно, въ какой мѣрѣ новая педагогика терпитъ рядомъ съ собою философскую педагогику, занимающуюся особымъ этическимъ обоснованіемъ цѣлей ¹⁾. Но не подлежитъ сомнѣнію, что она хочетъ дать эмпирическое обоснованіе не для методологіи только, но для „всей педагогики“ и требуетъ себѣ „рѣшающаго голоса“ въ постановкѣ цѣлей воспитанія на томъ основаніи, что эти цѣли должны быть „приспособлены“ къ естественному процессу развитію ребенка, изучаемому экспериментальнымъ способомъ ²⁾. Это „приспособленіе“ можетъ имѣть двоякій смыслъ. Можно понимать дѣло такъ, что раньше принципіально оправданныя цѣли должны быть приспособлены къ развитію ребенка и къ его индивидуальнымъ способностямъ. Въ такомъ случаѣ „приспособленіе“ будетъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить 1-е изданіе „Лекцій“ Меймана (русск. перев. М. 1909) съ выше цитированнымъ 3-мъ изданіемъ. Въ 1-мъ изданіи нѣтъ особой рѣчи о „философской педагогикѣ“: цѣли воспитанія опредѣляются „фактическими условіями“, которыя нужно „просто принять, какъ данныя“ (стр. 43). Въ 3-мъ изданіи, очевидно, подъ натискомъ разрушительной критики Наторпа (ср. особенно прим. на стр. 64—65), „опредѣленіе общихъ цѣлей воспитанія“ считается уже „въ значительной мѣрѣ дѣломъ философской педагогики“ (стр. 60—61). То же самое можно читать въ „Очеркѣ эксперим. педагогики“ (М. 1916, стр. 41 и др.) и въ статьѣ „Къ вопросу о цѣли воспитанія“ (русск. перев. въ „Ежегодникѣ эксперим. педагогики“ 1914 VII, стр. 81 слѣд.). Но эта уступка не приведена въ согласіе съ прежними взглядами: по прежнему остается, что „всякаго рода педагогическій апріоризмъ ведетъ только къ догматическому произволу“ (Очеркъ, стр. 3), что только „фактическія условія“ могутъ служить основой педагогическихъ нормъ (Лекція, изд. 3, стр. 21), и что философская педагогика при опредѣленіи цѣлей попадаетъ въ тупикъ, изъ котораго ее можетъ вывести только психологія („Къ вопросу о цѣляхъ“ стр. 89).

²⁾ Э. Мейманъ. Очеркъ, стр. 44, 11. Лекція 3-е изд., стр. 61 и др.

относиться не столько къ телеологіи, сколько къ методологіи воспитанія. При выборѣ специальныхъ, или, какъ говоритъ Гербартъ, „возможныхъ“ цѣлей, конечно, можетъ имѣть значеніе психологія, но лишь въ томъ случаѣ, если эти цѣли заранѣе признаны равноцѣнными съ точки зрѣнія „необходимыхъ“, или нравственныхъ цѣлей. Сама по себѣ психологія можетъ сказать только, какая изъ специальныхъ цѣлей въ данномъ случаѣ легче всего можетъ быть достигнута. Но „рѣшающаго“ значенія эта справка имѣть не можетъ. Если одна цѣль достигается легко, а другая съ трудомъ, это не значитъ, что первая должна быть поставлена, а вторая отвергнута ¹⁾. Напротивъ, высшія и слѣдовательно наиболѣе безспорныя цѣли жизни и воспитанія являются въ то же время и труднѣе всего достигаемыми. Другой, уже телеологическій, смыслъ приведенной формулы будетъ заключаться въ слѣдующемъ: воспитаніе должно оставить всякія „заранѣе поставленныя“ цѣли и просто слѣдовать за естественнымъ процессомъ развитія ребенка. Нужно просто развивать природныя „способности“ или „силы“ (какъ то активность, устойчивость воли, воспріимчивость и т. п.), о которыхъ мы знаемъ изъ экспериментальнаго изслѣдованія. Последнее даетъ намъ возможность даже распознавать сравнительную „важность“ этихъ „силъ:“ оно можетъ указать, что въ нихъ является „наиболѣе существеннымъ, опредѣляющимъ“ для данной личности ²⁾. Правда, такое чисто психологическое опредѣленіе цѣлей страдаетъ формализмомъ: оно не говоритъ, въ какомъ именно направленіи нужно развивать способности, и мы подвергаемся опасности воспитать напр. „активного преступника“. Очевидно, „развитію“ необходимо дать какое-либо качественное содержаніе. Опять и въ этомъ отношеніи существенную помощь оказываетъ психологія, которая изучаетъ личность не только въ индивидуальныхъ, но и въ социальныхъ ея проявленіяхъ. Эта психологія „социальныхъ проявленій“ личности (а если не психологія, то вообще біологія, часть которой составляетъ психологія) показываетъ съ несомнѣнностью, что развитіе индивидуума опредѣляется его отношеніемъ къ социальной средѣ, и только приспособленіе

¹⁾ Ср. *Münsterberg. Grundzüge der Psychologie*, B. I (Leipzig 1900), S. 194.

²⁾ Э. Мейманъ. Къ вопросу о цѣляхъ, стр. 89.

къ этой средѣ обезпечиваетъ личности нормальное развитіе и счастье. Слѣдовательно развитіе способностей должно направляться къ социальнo-полезнымъ цѣлямъ. При такой постановкѣ вопроса нѣтъ особенной нужды входить въ обсужденіе этихъ цѣлей, достаточно ихъ знать, а это знаніе „мы почерпаемъ только изъ данныхъ *эмпирическаго* изслѣдованія реальной жизни“¹⁾. Такимъ образомъ получается, повидимому, чисто эмпирическое—„психологическое“ обоснованіе цѣлей воспитанія, но только „повидимому“. На самомъ дѣлѣ эти цѣли вытекаютъ вовсе не изъ фактовъ воспитанія, а изъ двухъ принятыхъ заранѣе „цѣнностей“: „развитія“ и „общественной среды“. Предполагается, что „развитіе“ идетъ къ лучшему, и что „общественная среда“ стоитъ того, чтобы къ ней приспособляться. Эти цѣнности составляютъ характерный признакъ эволюціонно-позитивистической или, какъ ее принято называть, „естественно-научной“ педагогики, систематическое изложеніе которой можно видѣть у Спенсера. Такимъ образомъ за „психологизмомъ“ новой педагогики, если онъ проводится послѣдовательно, стоитъ эволюціонизмъ. Во всякомъ случаѣ это уже не факты, а теорія и притомъ такая теорія, которая едва ли можетъ принести пользу педагогикѣ. Устраняя идеальныя цѣнности въ пользу реальныхъ требованій среды, она принижаетъ задачи воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ принижаетъ личность, отрицая въ ней все самоцѣнное, что опредѣляется ея непосредственнымъ отношеніемъ къ идеалу, и дѣлая ее простымъ орудіемъ среды.

Другой пунктъ, въ которомъ „экспериментальная педагогика“ затрагиваетъ принципиальную сторону воспитанія, касается пониманія объекта воспитанія—души ребенка. Опять и здѣсь нужно сказать, что „эмпирическое обоснованіе методовъ воспитанія“ вовсе не обязываетъ къ такому или иному рѣшенію философскаго вопроса о томъ, что такое душа. Оно можетъ одинаково легко мириться съ какою угодно теоріей, будетъ ли то дуализмъ, или монизмъ, спиритуализмъ, или матеріализмъ. Однако увлеченіе „точностью“ экспериментальнаго метода и желаніе распространить его примѣненіе на всѣ душевныя явленія заставляютъ новую педагогику склоняться именно къ опредѣленной метафизической предпосылкѣ. Вполнѣ понятно, что точному, въ собственномъ смыслѣ

¹⁾ Ср. Э. Мейманъ. Очеркъ эксп. педаг. 10.

экспериментальному методу легче всего поддаются низшіе процессы, относящіеся къ области фізіологіи и психо-фізики; напротивъ, чѣмъ дальше мы углубляемся въ область чисто душевныхъ и особенно высшихъ процессовъ, тѣмъ менѣе точны становятся наши изслѣдованія, и тѣмъ болѣе мы вынуждаемся отказываться отъ эксперимента въ пользу простого методическаго наблюденія и главнымъ образомъ „самонаблюденія“. Это обстоятельство можно объяснять двоякимъ образомъ. Можно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ двумя качественно различными рядами процессовъ, изъ которыхъ одинъ рядъ поддается экспериментальному изслѣдованію, а другой доступенъ только простому наблюденію и самонаблюденію. Но можно представлять дѣло и такъ, что различіе между этими двумя рядами процессовъ только количественное, что такъ называемые высшіе процессы отличаются отъ низшихъ только болѣею сложностью, и что если они пока не поддаются эксперименту, то это лишь временное затрудненіе, которое съ усовершенствованіемъ экспериментальнаго метода будетъ устранено. Преклоненіе предъ экспериментальнымъ методомъ заставляетъ представителей новой педагогики склоняться къ послѣднему объясненію: многіе изъ нихъ полагаютъ, что „мостъ“ отъ низшихъ процессовъ къ высшимъ уже переброшенъ, и что экспериментальное изслѣдованіе побѣдоносно шествуетъ чрезъ этотъ мостъ отъ простыхъ явленій къ все болѣе и болѣе сложнымъ. Такъ изъ-за метода образуется тенденція къ матеріалистически-монистическому воззрѣнію на душу. Правда, здѣсь возможны колебанія въ зависимости отъ того, гдѣ мы будемъ проводить границу между названными двумя рядами процессовъ, а это въ свою очередь зависитъ отъ того, какъ мы будемъ понимать терминъ „экспериментъ“. Это понятіе въ новой педагогикѣ отличается поразительною неустойчивостью: начиная отъ строгаго естественно-научнаго пониманія эксперимента (со включеніемъ признака „изоляция“ изслѣдуемыхъ явленій), идетъ цѣлая градація оттѣнковъ до такого широкаго пониманія, въ которомъ стирается всякое различіе между экспериментомъ и простымъ методическимъ наблюденіемъ. Все зависитъ отъ того, какими явленіями,—простыми, или болѣе сложными,—тотъ или другой экспериментаторъ занимается. Понятно, что чѣмъ болѣе строго понимается экспериментъ, тѣмъ опредѣленнѣе сказывается наклонъ

къ „физиологизму“. Напротивъ, при изслѣдованіи сложныхъ явленій, когда поневолѣ приходится расширять понятіе эксперимента, повидимому, нѣтъ никакой необходимости сводить душевную жизнь къ физиологіи. Болѣе того: и свойства изслѣдуемыхъ явленій, и тѣ существенныя измѣненія, которыя приходится производить въ методѣ, должны бы, повидимому, убѣждать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіями не похожими на физиологическія. Но здѣсь выступаетъ на сцену безотчетная увѣренность экспериментаторовъ, изучающихъ сложные душевные процессы, что они работаютъ тѣмъ же самымъ точнымъ экспериментальнымъ методомъ, что и физиологи, и что поэтому, если не теперь, то въ будущемъ, психологія сложныхъ явленій сможетъ протянуть руку „точной“ физиологіи. Кажется, роковую роль здѣсь играетъ слово „экспериментъ“, которымъ обозначаются совершенно разные понятія, и которое тѣмъ не менѣе выставляется какъ общее знамя новой педагогики. Что касается экспериментаторовъ, изучающихъ низшіе процессы, то они часто (какъ можно было убѣдиться и на съѣздѣ) не видятъ въ душевной жизни ничего кромѣ неврологіи и всѣ данныя самонаблюденія считаютъ „субъективнымъ примышленіемъ“ къ тѣмъ несомнѣннымъ „фактамъ“, о которыхъ говоритъ „объективное“ экспериментальное изслѣдованіе. Нужно принять во вниманіе, что въ экспериментальной педагогикѣ руководящую, или во всякомъ случаѣ очень большую роль играютъ физиологи и врачи. Послѣ этого понятно, почему вопросъ о границахъ экспериментальнаго метода и его отношеніи къ самонаблюденію и на съѣздахъ, и въ печати вызывалъ такіе страстные споры. Конечно, ихъ не было бы, еслибы вопросъ былъ только техническимъ, а не принципиальнымъ, еслибы за экспериментализмомъ не скрывался наклонъ новой педагогики къ „физиологизму“, или къ матеріалистическому мнѣнію. Излишне говорить, что это воззрѣніе вовсе не вытекаетъ изъ „фактовъ“ объективнаго изслѣдованія, а „фактамъ“ самонаблюденія прямо противорѣчитъ и является поэтому построеніемъ чисто метафизическимъ. Въ теоріи о немъ можно много спорить, но въ педагогикѣ оно отражается безспорно отрицательными результатами. Эти результаты выражаются въ двухъ характерныхъ тенденціяхъ новой педагогики. Во-первыхъ физиологическимъ, психо-физическимъ и вообще низшимъ душевнымъ функціямъ въ новой педа-

гогикѣ придается несоотвѣтственно высокое значеніе сравнительно съ высшими функціями, для эксперимента недоступными. Такъ, физическое развитіе часто считается опредѣляющимъ факторомъ духовнаго развитія ¹⁾; „одаренность“ опредѣляется такими свойствами, какъ „острота воспріятія“, „память чувствъ“ и въ лучшемъ случаѣ вообще память ²⁾; физическая активность считается равноцѣннымъ средствомъ воспитанія воли, какъ и активность духовная ³⁾ и т. п. Вторыхъ новая педагогика вноситъ свойственную матеріализму механическую точку зрѣнія на душевные процессы и ихъ развитіе. Основная особенность душевной жизни заключается въ ея органической цѣльности, опредѣляемой единствомъ присутствующаго въ каждомъ отдѣльномъ переживаніи внутренняго агента, то есть всей души въ ея нераздѣльности, вслѣдствіе чего каждое явленіе включаетъ въ себя элементы разныхъ „силъ“ и „способностей“ и въ то же время, является единственнымъ и неповторимымъ. Такъ какъ этотъ внутренній агентъ доступенъ только самонаблюденію, то экспериментальная педагогика своимъ методомъ вынуждается всегда держаться на периферіи душевной жизни и игнорировать ея центръ. Но при этомъ отдѣльныя части этой периферіи,—будемъ ли мы называть ихъ „силами“ и „способностями“, или просто отдѣльными „группами“ душевныхъ процессовъ,—оказываются внутренне не связанными между собою. Въ результатѣ душевная жизнь разсматривается какъ совокупность отдѣльныхъ „способностей“ или „функцій“, изъ различной комбинаціи которыхъ чисто механически „складывается“ личность. Съ этой точки зрѣнія и воспитаніе не можетъ заключаться въ чемъ либо иномъ, какъ только въ формальномъ упражненіи отдѣльныхъ силъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ возвращеніемъ къ старой (до-Гербатіанской) психологіи „способностей“, на что и было указано педагогамъ-экспериментаторамъ самимъ Вундтомъ ⁴⁾.

Такова идеологія экспериментализма, раздѣляемая въ большей или меньшей степени тѣми представителями новой педагогики, которые хотятъ построить на экспериментѣ всю

¹⁾ Э. Мейманъ. Лекціи I (М. 1914), 98 слѣд., II (М. 1911), 80 слѣд.

²⁾ Ibid. II, 88, 93, 89.

³⁾ Ibid. I (М. 1909), 279 слѣд.

⁴⁾ Wundt. Ueber reine und angewandte Psychologie. Psychologische Studien 1909, B. V, H. 1—2 S. 45.

педагогику, а не ограничиваются просто эмпирическим обоснованіемъ нѣкоторыхъ методовъ воспитанія. Очевидно, подобная идеологія могла возникнуть и имѣть успѣхъ только „въ нефилософское время 1)“,—въ эпоху безраздѣльнаго господства позитивизма и матеріализма. Но для настоящаго момента, когда идеалистическія воззрѣнія уже не составляютъ удѣла только присяжныхъ „философовъ“, когда замѣчается нѣкоторое „разочарованіе“ въ позитивизмѣ 2), эта идеологія можетъ представляться, пожалуй, нѣсколько устарѣвшей или во всякомъ случаѣ достаточно тривиальной.

Однако, можетъ быть, она отвѣчаетъ запросамъ нашего національнаго воспитанія? Какъ ни странно подобное предположеніе, оно высказывается иногда совершенно серьезно. Именно, реалистическій характеръ новой педагогики, соединяемый съ наклономъ къ волюнтаризму, противопоставляется нашей старой классической и интеллектуалистической школѣ, которая считается характерною именно для нѣмцевъ 3). Сюда же заодно пристегивается иногда и наша „семинарская философія“, будто бы ведущая свое начало также отъ нѣмцевъ 4). Оказывается, такимъ образомъ, что въ новой педагогикѣ мы имѣемъ радикальное средство противъ „нѣмецкаго засилья“. Трудно себѣ представить что-либо болѣе ошибочное. Мы продолжаемъ говорить о нѣмецкомъ идеализмѣ, интеллектуализмѣ и классицизмѣ, какъ будто живемъ въ началѣ XIX в., какъ будто современная „Германія 70-го года“ имѣетъ что-нибудь общее съ мечтаніями новогуманистовъ о воспитаніи „человѣка“ въ истинномъ значеніи этого слова, о греческой „калокагаеи“, о „studia humanitatis“, исключаящихъ всякія утилитарно-практическія цѣли и т. д. Въ основѣ современной германской культуры лежитъ вовсе не классическая школа, паденіе которой мы проглядили, а новая такъ называемая „рабочая школа“ (Arbeitschule), — по идеѣ „соціальная“, но на нѣмецкой почвѣ получившая характеръ государственной профессиональной школы. Эта школа основывается какъ разъ на противоположныхъ классицизму реальныхъ и практическихъ началахъ. Весьма не сложную

1) *Münsterberg*. Grundzüge der Psychologie, B. I, S. VI.

2) *Ibid.* S. VII.

3) См. напр. Церковный Вѣстникъ 1915 № 2, ст. „Къ судьбамъ русской школы“.

4) Новое Время 1916, № 14311.

теорію „рабочей школы“ можно читать напр. въ широко распространенныхъ и у насъ брошюрахъ Г. Кершенштейнера ¹⁾, едва ли не самаго популярнаго педагога современной Германіи. Воспитаніе есть развитіе личности. Но личность — ничто внѣ соціальной среды, а соціальная среда—это національное государство: внѣ государства для человѣка невозможны ни нравственность, ни счастье; государство есть для него „высшее внѣшнее благо“. Поэтому единственная цѣль воспитанія—приспособленіе личности къ государству. Конкретно оно должно заключаться въ подготовленіи къ определенной профессіи, въ которой человѣкъ выполняетъ провиденціальное свое назначеніе. Такъ какъ государство (по крайней мѣрѣ въ настоящей стадіи развитія) нуждается больше всего въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, да и „дарованія большинства гражданъ лежатъ въ области матеріальной работы“, то въ школѣ, по крайней мѣрѣ народной, словесное знаніе должно быть замѣнено „ручнымъ трудомъ“. Послѣдній важенъ и съ той стороны, что имъ воспитываются въ гражданинѣ „активность и дисциплина“, въ которыхъ особенно нуждается государство для достиженія своихъ цѣлей. Что касается „идеологіи“, то она большинству гражданъ не доступна, да и не нужна: если человѣкъ, исполняя свою профессиональную работу, будетъ знать и помнить, что онъ дѣлаетъ это для блага государства, то его работа тѣмъ самымъ уже получить „сверхличный“, т. е. нравственный характеръ. Поэтому идеологію можно предоставить развѣ лишь ученому классу. — Не нужно разяснять, насколько характерны подобныя разсужденія для современнаго германизма. Но развѣ есть въ нихъ что-либо общее съ интеллектуализмомъ и классицизмомъ? Наоборотъ, теорія Кершенштейнера, очевидно, имѣетъ тѣ же эволюціонистическія предпосылки, что и экспериментальная педагогика. Оригинальность заключается только въ крайне узкомъ пониманіи общности въ смыслѣ специфически нѣмецкаго государства. Впрочемъ самъ Кершенштейнеръ, какъ и многіе другіе представители „трудовой школы“, является въ то же время и ревностнымъ экспериментаторомъ.

Изъ этого сопоставленія слѣдуетъ, что приведенная выше „экспериментальная идеологія“ воспитанія вовсе не спасаетъ

¹⁾ См. напр. его «Основные вопросы школьной организаціи», Спб. 1911, „Трудовая школа“, М. 1910 и др.

насъ отъ „нѣмецкаго засилья“, а скорѣе какъ разъ наоборотъ направляетъ по проторенной дорожкѣ вслѣдъ за новѣйшимъ нѣмецкимъ образцомъ. Какой изъ двухъ образцовъ,—новѣйшій, или старый „классическій“ болѣе соответствуетъ подлинному духу нѣмецкой націи,—это для настоящаго момента довольно безразлично, хотя нельзя не замѣтить, что идеализмъ и интеллектуализмъ нѣмцевъ у насъ прежде преувеличивались¹⁾. Зато не подлежитъ сомнѣнію, что для русскаго національнаго характера новѣйшій образецъ является еще болѣе чуждымъ, чѣмъ старый. Въ самомъ дѣлѣ, намъ чужда была нѣмецкая „вербалистическая“ форма классицизма. Но едва ли это можно сказать о самомъ классицизмѣ. Классицизмъ былъ явленіемъ обще-европейскимъ и притомъ первоначально болѣе восточно-европейскимъ, чѣмъ западнымъ: онъ былъ преданіемъ святоотеческой и византійской педагогики. Слѣдовательно классицизмъ самъ по себѣ во всякомъ случаѣ ни съ какой стороны не противорѣчилъ нашимъ культурнымъ традиціямъ. Что же касается того, какой „характеръ“,—интеллектуалистическій, или практический,—въ русской натурѣ является преобладающимъ, то объ этомъ можно много спорить, особенно если смѣшивать формальное развитіе воли съ нравственными идеями, какъ это часто бываетъ. Однако исторія и жизнь даютъ основаніе предполагать, что русскій народъ едва ли удовлетворится школою, лишенною всякихъ нравственныхъ идей и направленною исключительно на утилитарныя цѣли. Весьма знаменательно, что всѣ извѣстнѣйшіе русскіе педагоги,

---

¹⁾ Въ исторіи педагогическихъ идей можно указать не мало примѣровъ того, какъ на нѣмецкой почвѣ меркли и погибали, приобрѣтая узкій утилитарно-практический характеръ, широкія идеалистическія построенія не-нѣмецкаго происхожденія, и какъ быстро размѣнивался на мелкую монету идеализмъ лучшихъ нѣмецкихъ педагоговъ, вдохновлявшихся преимущественно отъ греческой античной традиціи. Сопоставьте напр. педагогику раннихъ итальянскихъ гуманистовъ и нѣмецкое „цицероніанство“ и даже педагогическіе взгляды Эразма. Посмотрите, во что обратилась утопическая, но широкая по замыслу теорія „свободнаго воспитанія“ Руссо у Базедова съ его раздѣленіемъ учениковъ на сословія, съ его „педагогистами“ и „фамулянтами“, съ его мелочной дисциплиной. Идеинный классицизмъ Гердера уже у Вольфа началъ приобрѣтать свой позднѣйшій формально-словесный характеръ. Наконецъ, Платоновскій идеализмъ „соціальной педагогики“ Наторпа на нашихъ глазахъ вырождается въ узкій практицизмъ Көршенштейнера.

какъ Пироговъ, Ушинскій, Толстой, Рачинскій, сходились между собою въ томъ, что согласно подчеркивали особенно важное значеніе нравственнаго и особенно религіозно-нравственнаго элемента въ воспитаніи. Такимъ образомъ нѣмецкая утилитарная школа, школа безъ всякой идеологіи, едва ли можетъ служить для насъ образцомъ. Впрочемъ, утверждать противное значило бы зачеркивать высокій идейный смыслъ происходящей героической борьбы.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что „идеологія“ экспериментализма не можетъ составлять для насъ особеннаго пріобрѣтенія съ точки зрѣнія національной самозащиты. Спрашивается: какъ относится къ ней современная русская экспериментальная педагогика? Вотъ вопросъ, съ которымъ въ современной исторической обстановкѣ всего естественнѣе было подходить къ „третьему съѣзду по экспериментальной педагогикѣ“. Нужно замѣтить, что идеологическія притязанія свойственны далеко не всѣмъ представителямъ новой педагогики. Въ этомъ отношеніи французскіе эксперименталисты выгодно отличаются отъ нѣмецкихъ. Напримѣръ, глава французскихъ эксперименталистовъ А. Бинэ рѣшительно ограничиваетъ компетенцію экспериментальной педагогики изученіемъ природы ребенка, отождествляя ее съ педологіей ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ необходимость всякихъ предвзятыхъ сужденій о природѣ души, принимая въ качествѣ основного психологическаго метода самонаблюденіе и понимая экспериментъ въ самомъ широкомъ смыслѣ ²⁾.

На съѣздѣ мы слышали, между прочимъ, одинокое и ничѣмъ не аргументированное заявленіе, что споръ между старой „философской“ и новой „экспериментальной“ педагогикой окончательно разрѣшенъ, и нѣтъ нужды къ нему возвращаться. Значитъ ли это, что экспериментальная педагогика признала философскую педагогику, отказавшись отъ всякой идеологіи, или наоборотъ философская педагогика признала идеологическія притязанія эксперименталистовъ,—это осталось тайной. Однако въ работахъ съѣзда нельзя было замѣтить ни того, ни другого. Последняго нельзя было замѣтить по той простой причинѣ, что заинтересованная сторона—философія вовсе отсутствовала на съѣздѣ, или

¹⁾ Современные идеи о дѣтяхъ (М. 1910), стр. 2—4.

²⁾ Введеніе въ эксперим. психологію (Спб. 1895), 22 слѣд.

во всякомъ случаѣ о себѣ не заявляла. Что отсутствіе философіи не было случайнымъ, — это было подчеркнуто въ самомъ началѣ, въ одномъ изъ привѣтствій съѣзду. Представитель Академіи Наукъ (М. М. Ковалевскій) сказалъ между прочимъ, что „въ Академіи нѣтъ кресла для спеціалиста по философіи, то есть метафизикѣ“, и что „этимъ именно и нужно объяснить (по его мнѣнію) особый интересъ и сочувствіе, съ которыми Академія относится къ экспериментальной психологіи и педагогикѣ“. Дѣйствительно, идеологическая сторона новой педагогики представлена была на съѣздѣ довольно ярко.

Вопросъ о цѣляхъ затронутъ былъ въ двухъ докладахъ проф. А. О. Лазурскаго, извѣстнаго своими работами по индивидуальной психологіи, на темы: „Личность и воспитаніе“ и „Классификація личностей“, а также отчасти въ докладѣ его ученицы Коварской на тему: „Сравнительное психопедагогическое значеніе разныхъ учебныхъ предметовъ“. Отношеніе экспериментальной педагогики къ опредѣленію цѣлей воспитанія представлено было здѣсь въ такомъ видѣ. — Въ современной педагогической телеологіи, какъ извѣстно, имѣются два противоположныя теченія — индивидуалистическое и коллективистическое: одно имѣетъ въ виду интересы личности, а другое — общества. Необходимо избрать средній путь: „нужно развивать личность, но приспособительно къ условіямъ общественной среды и чрезъ эту среду“. „Это положеніе можно обосновать при помощи экспериментальнаго изслѣдованія“ (!). Какимъ же образомъ? „Говорятъ, что цѣли воспитанія опредѣляются философіей (этикой) и социальными науками. Это не вѣрно, — говоритъ г. Лазурскій, — вѣрный путь, какимъ нужно идти въ воспитаніи, можетъ указать психологія“. Это — психологія индивидуальная, или ученіе о характерахъ, которое въ послѣднее время достигло особенно плодотворныхъ результатовъ (въ работахъ г. Лазурскаго и его учениковъ) путемъ примѣненія къ психологическому изслѣдованію школьниковъ „естественнаго эксперимента“. (Что такое „естественный экспериментъ“, объ этомъ послѣ). Примѣненіе новаго метода дало возможность изслѣдователямъ „проникнуть въ самую глубину личности“. Прежде всего, удалось установить различіе между „эндопсихикой“, т. е. прирожденными чертами личности, и „экзопсихикой“, т. е. чертами, приобретаемыми въ результатѣ

соприкосновенія личности съ окружающею средою. Оказалось, что эндопсихикѣ принадлежитъ рѣшающая роль въ развитіи личности: „изъ первоначальной психологической структуры личности вытекаютъ всѣ самыя сложныя ея проявленія“ включительно до характерныхъ особенностей міросозерцанія. Въ эндопсихикѣ лежитъ главное основаніе всѣхъ различій между индивидуальностями. Эти различія отчасти количественныя, отчасти качественные. Основу количественныхъ различій съ біологической точки зрѣнія можно опредѣлить предположительно какъ сравнительное количество или „запасъ нервно-психической энергіи“. Этотъ „запасъ энергіи“ выражается въ сравнительномъ развитіи слѣдующихъ пяти формальныхъ признаковъ: „дифференціація“, т. е. разнообразія и богатства индивидуальныхъ дарованій, „интеграція“, т. е. ихъ согласованности и цѣльности, „сознательности“, „опредѣленности“ или „законченности міросозерцанія“ и наконецъ „интенсивности, яркости и силы проявленій“ личности. Съ точки зрѣнія отношеній къ средѣ „запасъ нервно-психической энергіи“ выражается „въ активномъ приспособленіи индивидуума къ средѣ“. Здѣсь мы имѣемъ дѣло также съ неумолимымъ біологическимъ закономъ: чѣмъ совершеннѣе личность, тѣмъ успѣшнѣе происходитъ приспособленіе къ средѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ индивидуумы могутъ быть раздѣлены на три типа: слабый типъ — не умѣющій приспособиться къ средѣ, средній типъ — приспособляющійся къ средѣ, и сильный типъ — „приспособляющій“ среду къ себѣ (талантъ или гений). Качественныя различія индивидуальностей опредѣляются преобладающею или наиболѣе сильною стороною эндопсихики: одни напр. обнаруживаютъ сильное мышленіе, другіе — воображеніе, третьи — практическую разсудительность, четвертые — волевую энергію и т. д. — Что же слѣдуетъ изъ этихъ психологическихъ наблюденій относительно цѣлей воспитанія? Изъ количественныхъ различій вытекаетъ общая для всѣхъ цѣль воспитанія: нужно просто развивать „нервно-психическую энергію“ въ направленіи пяти указанныхъ выше формальныхъ принциповъ. При этомъ не нужно ничего „привносить извнѣ“, а нужно просто помогать природѣ, такъ какъ въ эндопсихикѣ даны уже основанія и для „разнообразія“, и для „единства“ личности. Указанная формальная цѣль достигается путемъ формальнаго упражненія способностей соотвѣтственно

установленному Ламаркомъ біологическому закону, по которому развитіе органовъ зависитъ отъ ихъ употребленія, или неупотребленія (Коварская). Однако, такъ какъ личность развивается только въ общественной средѣ, и въ приспособленіи къ этой средѣ выражается самый ростъ „нервно-психической энергіи“, то естественно, чтобы описанное формальное развитіе совершалось „на общественно-полезномъ матеріалѣ“. Такая точка зрѣнія помогаетъ удержаться между педагогическимъ матеріализмомъ (накопленіемъ знаній) и крайнимъ формализмомъ, какой мы имѣли напр. въ „Толстовско-Деляновской“ школѣ, которая хотѣла развивать личность „на общественно-бездельномъ матеріалѣ“. Изъ качественныхъ различій вытекаютъ индивидуальныя цѣли воспитанія. Эти различія настолько ярки, что о каждомъ ребенкѣ при внимательномъ экспериментальномъ его изслѣдованіи можно заранѣе сказать: это типъ ученаго, или художника, или хозяйственнаго дѣятеля, или администратора и т. д. Такимъ образомъ, благодаря „естественному эксперименту“,—полагаетъ г. Лазурскій, — „мы можемъ заранѣе безошибочно опредѣлять, къ какой общественной и даже профессиональной дѣятельности данная личность годится“. Въ доказательство возможности подобныхъ опредѣленій г. Лазурскій ссылается на психологовъ Мюнстерберга и Г. И. Челпанова, которые проектировали учрежденіе при школахъ особыхъ „психологическихъ бюро“ или „психологовъ-консультантовъ“, а также на нѣмецкій (кажется) опытъ эксперим. изслѣдованія солдатъ и, въ заключеніе, на попытку одного американскаго фабриканта изслѣдовать путемъ эксперимента трудовую производительность своихъ рабочихъ для болѣе цѣлесообразнаго распределенія между ними труда и заработной платы. Правда, эта попытка вызвала бунтъ рабочихъ, который заставилъ фабриканта прекратить экспериментацію. Поэтому и г. Лазурскій считаетъ нужнымъ оговориться, что онъ отнюдь не одобряетъ подобныхъ опытовъ, потому что они обращаютъ человека въ машину и угрожаютъ той „механизацией“ культуры, какую мы видимъ сейчасъ у нѣмцевъ.

Однако, эта послѣдняя оговорка какъ разъ и показываетъ, что вся попытка построить телеологию воспитанія на психологии и биологии оканчивается катастрофически. Проекты Мюнстерберга и Челпанова привлечены здѣсь совершенно

напрасно, потому что къ телеологіи они отношенія не имѣютъ: психологи-консультанты проектируются не для того, чтобы ставить воспитанію цѣли, а для того, чтобы указывать психологически обоснованныя средства; особенно въ такъ называемыхъ „трудныхъ случаяхъ“ ¹⁾. Напротивъ, точка зрѣнія фабриканта экспериментатора вполне совпадаетъ съ точкой зрѣнія г. Лазурскаго и даетъ ключъ для критики не только ученія объ индивидуальныхъ цѣляхъ, но и всего телеологическаго построения г. Лазурскаго. Если бы разспросить рабочихъ о причинахъ ихъ недовольства, то они, вѣроятно, объяснили бы слѣдующее. Человѣкъ есть прежде всего существо нравственное и требуетъ нравственнаго къ себѣ отношенія. Цѣнность человѣка, да и самая продуктивность его работы, определяется не только количествомъ соотвѣствующихъ „силъ“ (какъ въ машинѣ), но еще и доброй волей человѣка, его нравственнымъ характеромъ, который не можетъ быть опредѣляемъ экспериментальнымъ способомъ. Съ другой стороны, человѣкъ, какъ существо нравственное, требуетъ, чтобы и то примѣненіе, какое дается его силамъ, имѣло какое-нибудь отношеніе къ нравственнымъ цѣностямъ, или по крайней мѣрѣ не противорѣчило имъ. Вопреки этому фабрикантъ разсматривалъ рабочихъ какъ машины и старался возможно интенсивнѣе эксплуатировать ихъ въ цѣляхъ наживы, т. е. въ цѣляхъ не нравственныхъ. Изъ отсутствія нравственнаго элемента и получилась та „механизация“, которую констатировалъ г. Лазурскій. Но нравственный элементъ отсутствуетъ и въ построеніи самого г. Лазурскаго, а отсюда между этимъ построеніемъ и проектомъ фабриканта получается полная параллель. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ личность рабочаго разсматривается какъ совокупность формальныхъ „силъ“, независимо отъ всякаго нравственнаго содержанія; и здѣсь личность воспитанника разсматривается, какъ совокупность силъ, развивающихся согласно формальнымъ принципамъ дифференціаціи, интеграціи и т. д., независимо отъ направленія этого развитія. Напр. говорится объ „опредѣленности“ міросозерцанія, но каково должно быть міросозерцаніе по содержанію, это для оцѣнки индивидуума не принимается въ расчетъ. Тамъ личность „приспособляется“ къ эко-

¹⁾ См. докладъ Г. И. Челпанова въ „Трудахъ II съѣзда по эксперим. педагогикѣ“ (Спб. 1914), стр. 258. Мюнстербергъ. Психологія и учитель (М. 1911), 89. Ср. Psychologie I, 198.

номическимъ разсчетахъ фабриканта; здѣсь личность „приспособляется“ къ требованіямъ общественной среды. Но извѣстно, что эта „среда“, какъ она существуетъ теперь, руководится чаще всего именно экономическими и въ лучшемъ случаѣ правовыми нормами, во всякомъ случаѣ больше всего разсчетами пользы: нравственная общность скорѣе предметъ исканія, чѣмъ реальная дѣйствительность. Такимъ образомъ „приспособленіе“ къ существующей „средѣ“, въ качествѣ единственной цѣли воспитанія, рѣшительно отстраняетъ личность отъ нравственныхъ идеаловъ и направляетъ на исключительное служеніе низшимъ утилитарнымъ цѣнностямъ. Въ результатѣ получается близкое совпаденіе съ германской теоріей Кершенштейнера, въ которой личность также разсматривается только какъ часть государственнаго механизма и оцѣнивается съ утилитарно-профессіональной точки зрѣнія. То замѣчаніе, что приспособленіе должно быть „активнымъ“, мало поправляетъ положеніе, потому что активность понимается здѣсь, очевидно, въ смыслѣ просто „дѣятельности“, а не „произвольности“: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о „приспособленіи“, притомъ совершающемся по неумолимому біологическому закону, трудно говорить о свободѣ. Правда, на третьей ступени индивидуумъ оказывается уже „приспособляющимъ“ къ себѣ среду. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ положеніемъ, разрушающимъ все построеніе. Къ чему же именно индивидуумъ будетъ „приспособлять“ среду, если самъ онъ представляетъ пустую форму, которая свое содержаніе получаетъ именно отъ среды? Дѣйствительное средство отмежеваться отъ „механизаціи“ и оправдать свою оговорку г. Лазурскій имѣлъ бы единственно въ томъ случаѣ, если бы онъ дополнилъ свои понятія „личности“ и „среды“ нравственными опредѣленіями: еслибы онъ имѣлъ въ виду не „общество, какъ оно есть“, а общество, какимъ оно *должно* быть, и личность, „надѣленную всѣми цѣнностями воспитанія“ ¹⁾, а не простую совокупность формальныхъ сихъ. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы неизбежно выйти изъ границъ психологіи и біологіи и обратиться къ этикѣ.

Впрочемъ, г. Лазурскій все равно не избѣжалъ философіи. Совершенно ясно, что всѣ его разсужденія о цѣляхъ ни

¹⁾ Э. Мейманъ. Къ вопросу о цѣляхъ, стр. 90.

въ какомъ случаѣ не вытекаютъ изъ „фактовъ“ біологіи и психологіи. Для опредѣленія цѣли недостаточно установить фактъ „развитія“ личности, а нужно показать, что развитіе идетъ „къ лучшему“. Но это оцѣночное сужденіе не принадлежитъ ни біологіи, ни психологіи, а вытекаетъ изъ этической предпосылки, что культура личности „лучше“ некультурности. Однако же есть люди, которые думаютъ обратное, нисколько не отрицая самаго факта развитія. Тѣмъ менѣе біологическій фактъ „приспособленія къ средѣ“ можетъ обязывать къ чему-нибудь въ смыслѣ цѣли. Для этого потребна особая философія, которая разсматриваетъ данную среду, хотя бы и несовершенную, какъ необходимое звено въ общемъ развитіи человѣчества, и учитъ, что индивидуумъ долженъ этому развитію содѣйствовать для достиженія собственного блага и блага среды, которая въ конечномъ счетѣ совпадаютъ и т. д. Всѣ эти философскія предпосылки, которыя преподносятся подъ именемъ „фактовъ“, взяты изъ эволюціонистической философіи и ближе всего напоминаютъ теорію Спенсера. Отсюда заимствовано все біологическое обоснованіе „экспериментальной“ телеологіи: и „приспособленіе къ средѣ“, и формальные принципы развитія „дифференціація, интеграція и опредѣленность“ (нѣкоторыя измѣненія, вносимыя здѣсь г. Лаазурскимъ, только лишаютъ теорію стройности), и утилитарно-эвдемонистическая тенденція, и особенное подчеркиваніе прирожденной организаціи, и даже, пожалуй, раздѣленіе „эндопсихики и экзопсихики“, которое напоминаетъ Спенсерово „приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣшнимъ“. Только, вырванное изъ широкой перспективы „міровой эволюціи“, какал предносилась Спенсеру, біологическое построеніе г. Лаазурскаго оказывается болѣе узкимъ и ограниченнымъ, чѣмъ его первоисточникъ: оно требуетъ, напр., приспособленія къ обществу, безъ соображенія того, что и само общество можетъ уклоняться отъ нормальнаго пути эволюціи и тѣмъ обрекать себя на „вымираніе“. Я не буду говорить о деталяхъ теоріи г. Лаазурскаго, которыя способны вызвать не одно недоумѣніе. Цѣль этихъ строкъ—не критиковать теорію, а показать ея характеръ и происхожденіе и прежде всего показать то, что она основывается вовсе не на фактахъ, какъ обѣщаетъ, а на своеобразной философіи. Г. Лаазурскій настолько вѣренъ этой философіи, что идетъ даже *противъ* фактовъ, когда увѣряетъ, что

приспособленіе къ средѣ совершается тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ выше одаренность личности. Въ дѣйствительности, какъ мы хорошо знаемъ, очень часто самые ограниченные (ниже средняго) индивидуумы легко уживаются со средою, а самые одаренные, наоборотъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ не чувствуютъ себя чуждыми данной средѣ: въ большинствѣ случаевъ они не „приспосаблиются“ и не „приспосаблиють“, а получаютъ общественное признаніе только въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Этотъ фактъ былъ поставленъ на видъ докладчику А. П. Нечаевымъ. Но тутъ же мы должны были убѣдиться, что подобные факты не способны поколебать въ представителяхъ новой педагогики ихъ преклоненія предъ „реальной дѣйствительностью“ и полного равнодушія къ идеальнымъ цѣностямъ, ради которыхъ великіе люди расходились со средою. А. П. Нечаевъ объяснилъ дѣло такъ, что тѣ „личности съ глубокимъ содержаніемъ“, вліяніе которыхъ на среду сказывается слишкомъ поздно, просто не обладаютъ достаточною „быстротою реакціи“. Комментаріи излишни.

Послѣ всего сказаннаго, пожалуй, не нужно прибавлять, что „экспериментальнаго обоснованія“ цѣлей воспитанія, которое было обѣщано въ самомъ началѣ, мы здѣсь не видимъ и слѣда. Въ дѣйствительности всѣ разсужденія основываются на предположеніяхъ и въ лучшемъ случаѣ на наблюденіяхъ, частью субъективныхъ. Напримѣръ, что можетъ сказать экспериментъ о различіи между „эндопсихикой“ и „экзопсихикой“, если послѣдняя врывается въ личность ребенка съ первымъ лучомъ сознанія, и далѣе эти двѣ стороны души являются абсолютно нераздѣлимыми? Только путемъ долгаго знакомства съ человѣкомъ мы начинаемъ отличать наиболѣе постоянныя черты его личности и считаемъ ихъ прирожденными. Но и въ этомъ случаѣ никогда нельзя сказать съ увѣренностью, были бы эти черты или нѣтъ, если бы человѣкъ съ рожденія жилъ въ иныхъ условіяхъ. Кстати, старое раздѣленіе одаренности на „прирожденную“ и „одаренность въ широкомъ смыслѣ“¹⁾ едва ли не правильнѣе новаго раздѣленія на „эндопсихику“ и „экзопсихику“: вѣдь, послѣдняя есть въ сущности *поп-sens*, нѣчто и теоретически немыслимое безъ эндопсихики, если не держаться механическаго взгляда на жизнь души... Не „экспериментально“, конечно,

¹⁾ Э. Мейманъ. Лекціи, т. II (М. 1910), 37 слѣд.

установлено и то, что счастье достигается путемъ приспособленія къ средѣ, или что талантъ и гений „приспосаблиють“ среду и т. п.

Такимъ образомъ ясно, что подъ именемъ „экспериментальныхъ данныхъ“ намъ предлагаютъ теорію, выведенную изъ иного источника. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ приѣмомъ, который жестоко, но едва ли не заслуженно, заклеилъ Мюнстербергъ какъ разъ по поводу попытки новой педагогики выводить цѣли воспитанія изъ „науки о фактахъ“—психологіи. „Такого рода логическій развратъ,—говоритъ онъ,—наблюдается повсюду въ наше время, и слишкомъ часто онъ остается незамѣченнымъ; но никогда не бываетъ, чтобы онъ не угрожалъ духовной жизни нашей эпохи“¹⁾. Дѣйствительно, когда намъ предлагаютъ „естественно-научную“ или позитивистическую педагогику открыто, мы знаемъ, какъ къ ней отнестись; но когда то же самое предлагаютъ подъ видомъ экспериментальной педагогики, основывающейся на точномъ изслѣдованіи фактовъ и слѣдовательно для всѣхъ обязательной, тогда мы подвергаемся серьезной опасности принять за точную науку старую, многими отвергнутую теорію. Между тѣмъ эта теорія явно принижаетъ воспитательные идеалы, замѣняя идеальныя цѣнности утилитарными, и въ то же время удаляетъ насъ отъ національныхъ традицій, по которымъ, вопреки „механической культурѣ“ современныхъ германцевъ, у насъ всегда цѣнилось религіозное и нравственное воспитаніе личности. Утилитарныя задачи необходимы, но для того, чтобы человекъ не обращался въ машину, необходимо, чтобы онъ свѣтился отраженнымъ свѣтомъ высшихъ духовныхъ цѣнностей *).

А. Дьяконовъ.

¹⁾ Мюнстербергъ. Психологія и учитель (М. 1911), стр. 32.

^{*)} Окончаніе слѣдуетъ.

Переписка протопресвитера І. Л. Янышева съ генераломъ А. А. Кирѣвымъ *).

ХІІІ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Посылаю Вамъ для просмотра переводъ Вашей рѣчи ¹⁾. Когда просмотрите, пожалуйста пришлите обратно, не теряя времени; дѣло и то ужасно затянулось.

Сообщите пожалуйста, не находятся ли у Васъ письма (къ намъ) разныхъ нашихъ корреспондентовъ? Въ этомъ случаѣ ихъ должно переслать къ тому лицу, которое слѣдуетъ за отцомъ Васильевымъ ²⁾, такъ какъ Іосифъ Васильевичъ боленъ, и письма ему не нужны въ настоящую минуту.

Преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

ХІV.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

На дняхъ я пришлю Вамъ переводъ Вашего отчета. Онъ сдѣланъ пасторомъ Лешомъ. Иванъ Терентьевичъ находитъ, что п. Лешъ переводитъ весьма удовлетворительно, но я все таки совѣтую Вамъ его дробѣжать. Въ переводѣ моего письма я счелъ нужнымъ сдѣлать кое какія исправленія.

---

*) Продолженіе. См. январь.

¹⁾ Разумѣется, можетъ быть, упоминавшійся выше отчетъ І. Л. Янышева о кельнскомъ конгрессѣ, переведенный на нѣмецкій языкъ. *И. С.*

²⁾ Протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, предсѣдатель Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ († 1891 г.), состоявшій въ первые два года членомъ совѣта с.-петербургскаго отдѣла О. Л. Д. П. *И. С.*

Не зная адреса проф. Катанскаго ¹⁾, я прошу Васъ, мно-
гоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, передать г. Катанскому,
что я прошу его прислать ко мнѣ рукопись его рѣчи ²⁾.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XV.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Посылаю Вамъ доставленный мнѣ экземпляръ отчетовъ,
дабы Вы могли исправить по немъ цитаты. Я полагаю, что
въ нѣмецкомъ переводѣ эти цитаты дѣйствительно удобнѣе
выпустить, но не рѣшаясь это сдѣлать самъ, прошу Васъ
произвести „ампутаци“, которыя считаете полезными. За-
тѣмъ прошу Васъ прислать мнѣ переводъ обратно.

Переводъ Леша дѣйствительно не дуренъ, хотя и стра-
даетъ подстрочностью, но за то переводъ отчета І. Василье-
вича ³⁾, сдѣланный въ редакціи Nord. Zeitung, я долженъ былъ
передѣлывать. Тамъ напр. переводится слово приходъ—Ein-
künfte (доходъ) и т. п.

XVI.

Суббота.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вскорѣ послѣ засѣданія совѣта (предположеннаго въ среду
въ 8 часовъ) придется сдѣлать общее собраніе; на немъ бу-
детъ продолженіе разсуженій съ Т. И. Филипповымъ ⁴⁾; по-
этому было бы весьма желательно заранѣе знать, будетъ ли
свободенъ между 10 и 15 февраля г. Нильскій ⁵⁾. Я полагаю,
что ежели онъ не будетъ участвовать въ разсужденіяхъ, то
печатаніе протокола встрѣтитъ затрудненія; поэтому, не за-
ручившись возможностью присутствія Нильскаго, нечего и

¹⁾ А. Л. Катанскій, профессоръ с.-петербургской духовной академіи.
И. С.

²⁾ Рѣчь на тему: „Краткій очеркъ и характеристика попытокъ къ
соединенію церквей греко-восточной и римско-католической за весь
восьмидесятилетний періодъ раздѣленія церквей“, прочитанная въ засѣданіи
отдѣла О. Л. Д. П. 27 ноября 1872 г. И. С.

³⁾ Повидимому, разумѣется переводъ на нѣмецкій языкъ сообщенія
прот. І. В. Васильева „о старокатолическомъ движеніи во Франціи“,
сдѣланнаго въ засѣданіи отдѣла О. Л. Д. П. 22 октября 1872 г. И. С.

⁴⁾ Т. И. Филипповымъ († 1899 г.) предложено было чтеніе „О нуж-
дахъ единовѣрія“ въ засѣданіи 18 января 1873 г. И. С.

⁵⁾ И. Θ. Нильскій, профессоръ с.-петербургской духовной академіи
(† 1894 г.). И. С.

назначать собраніе общества. Будьте такъ добры сообщить мнѣ, что Вы знаете о Нильскомъ.

Весь Вашъ А. Кирѣевъ.

P. S. Когда Ваша диссертация будетъ защищаться? ¹⁾.

XVII.

Суббота. 1873 года.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вчера засѣданіе состоялось (хотя ни Великаго Князя, ни Васъ не было). Мы имѣли въ виду разныя затрудненія мисляницы и 1-й недѣли и назначили засѣданіе собранія 25 февраля (воскресенье).

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XVIII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я послалъ приглашеніе на засѣданіе 25 февраля проф. Нильскому, но, не будучи увѣреннымъ въ томъ, что онъ его получилъ, прошу Васъ подтвердить это приглашеніе, (такъ какъ Вы безъ сомнѣнія часто выдаете г-на Нильскаго).

Проф. Чистовича ²⁾ я просилъ на всякій случай принести съ собою его сообщеніе. Можетъ быть, толки о нуждахъ православія ³⁾ будутъ продолжаться слишкомъ краткое время.

Вы, конечно, слышали о несчастіи, постигшемъ Евгенія Ивановича?

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

¹⁾ И. Л. Янышевымъ представлена была въ 1872 г. диссертация на степень доктора богословія подъ заглавіемъ: „Состояніе ученія о совѣсти, свободѣ и благодати въ православномъ систематическомъ богословіи и попытка къ разъясненію этого ученія“. (И. Чистовичъ, С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ. СПб. 1889, стр. 122). „Но,—какъ сообщаетъ самъ И. Л. Янышевъ,—ни совѣтъ академіи не призналъ возможнымъ безъ разрѣшенія Св. Синода, ни Св. Синодъ не разрѣшилъ печатать ее“. См. Прот. *И. Л. Янышевъ*, Правосл.-христ. ученіе о нравственности. Изд. 2-е. СПб. 1906, стр. VII. *И. С.*

²⁾ И. А. Чистовичъ, профессоръ с.-петербургской духовной академіи († 1893). Его сообщеніе: „По поводу старокатолическаго движенія“ было прочитано лишь въ засѣданіи 30 апрѣля 1873 г. *И. С.*

³⁾ Тема названа ошибочно вмѣсто: „о нуждахъ единовѣрія“. *И. С.*

XIX.

5 апрѣля.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Не можете ли Вы меня ссудить на нѣсколько часовъ D. Merkur (№ 11 и 14)? Мною получены 10, 12, 13 и 15 по 11 и 14 не получены (Вел. Князь тоже ихъ не получалъ). Между тѣмъ эти №№ должны быть интересны. Я бы возвратилъ ихъ Вамъ въ тотъ же день.

Могу сообщить Вамъ извѣстіе, которое, конечно, Васъ обрадуетъ. Рейтернъ ¹⁾, благодаря настояніямъ Вел. Князя, которому впрочемъ добросовѣстно помогалъ гр. Толстой ²⁾ согласился, наконецъ, исполнить мольбы Слав. Комитета. Т. обр. пражская церковь обезпечена. Церковь есть, но будетъ ли приходъ??

Письмо къ Рейшу отправлено безъ всякихъ, конечно, измѣненій. Я его подписалъ, но, признаюсь, желалъ бы немного поболѣе „рельефности“ (она не повредила, повидимому, въ частной корреспонденціи и, можетъ быть, осталась даже не безъ нѣкотораго вліянія на быстроту отвѣтовъ), но впрочемъ, конечно, лучше сказать менѣе того, что хочется, нежели болѣе. Надѣюсь, что въ виду всеобщихъ обѣщаній вождей ст. кат., заключающихся въ ихъ послѣднихъ письмахъ, они отвѣтятъ и на мое. Отвѣтитъ, полагаю, Рейшъ „in Namen“...

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Проектъ письма Губеру ³⁾ оканчиваю: будетъ самое смиренное и великопостное. Но составляетъ ли Mitbenutzung храма общеніе въ обрядахъ?? Вопросъ, кажется, очень серьезный.

XX.

24. Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Для ускоренія дѣла Вел. Князь поручилъ мнѣ просить членовъ Совѣта доставить ко мнѣ замѣчанія ихъ на проектъ письма къ Губеру. Въ случаѣ, если эти замѣчанія будутъ

¹⁾ Министръ финансовъ. И. С.

²⁾ Оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой († 1839 г.). И. С.

³⁾ І. Н. Губеръ, мюнхенскій профессоръ, одинъ изъ вождей старокатолицизма († 1879). Письмо содержало, повидимому, отвѣтъ на просьбу мюнхенскихъ старокатоликовъ (въ 1873 г.) разрѣшить имъ совершать службу въ православномъ храмѣ въ Мюнхенѣ. См. Quelques lettres du général Alexandre Kiréeff au prof. Michaud sur l'ancien-catholicisme, publiées par M-me Olga Novikoff, p. 11. И. С.

относиться только до формальной стороны дѣла, Вел. Князь желалъ бы (по докладѣ ему этихъ замѣчаній) отправить отвѣтъ къ Губеру, не дожидаясь вторичнаго собранія Совѣта. Посему прошу Васъ, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, прислать мнѣ обратно проектъ письма; въ случаѣ, если Ваши замѣчанія будутъ формальнаго свойства, я немедленно ихъ приму во вниманіе, перепишу письмо и отправлю по назначенію.

В. Князь желаетъ собрать и Совѣтъ и Общество въ одинъ и тотъ же день (въ томъ же помѣщеніи)—Совѣтъ въ 8 часовъ, а Общество въ 8^{1/2}. Онъ выбралъ понедѣльникъ ¹⁾. Удобно ли это для Васъ?

Между Филипповымъ и Нильскимъ произошла, повидимому, размолвка и, кажется, весьма серьезная! Я писалъ по этому случаю Нильскому, стараясь его по возможности успокоить; онъ, повидимому, очень раздраженъ рецензіею „Гражданина“. Какъ бы это уладить? Или лучше предоста-вить времени исправить дѣло (на подобіе греко-болгарскаго вопроса, который тоже намѣреваются исцѣлить временемъ)?

Душевно преданный Вамъ А. Карѣвъ.

XXI.

Пятница.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Не считая себя въ правѣ и не желая *активно* вмѣшиваться въ сношенія Нильскаго и „Гражданина“, я тѣмъ не менѣе считаю не бесполезнымъ сообщить Вамъ, что Нильскій послалъ заявленіе въ редакцію о томъ, что онъ болѣе никогда не былъ, что это выдумка etc.... Забывая, что вѣдь Филипповъ говорилъ объ этомъ не отъ себя, а на основаніи *моихъ* и *Вашихъ* словъ ²⁾. Затѣмъ, такъ какъ я письменно извинился передъ Нильскимъ въ недоставленіи ему, приглашенія на засѣданіе, я уже ничего не могу болѣе сдѣлать. *Fiat quid possit!*

¹⁾ На понедѣльникъ въ 1873 г. приходилось засѣданіе 30 апрѣля. Судя по этому, письмо было написано 24 апрѣля 1873 г. *И. С.*

²⁾ На засѣданіи Общества 28 марта 1873 г., въ которомъ Т. И. Филипповъ выступалъ со своими возраженіями противъ его реферата „о нуждахъ единовѣрія“, прочитаннаго 25 февраля того же года, Н. Θ. Нильскій не присутствовалъ, такъ какъ „по неизвѣстной причинѣ“ не получилъ приглашенія. Между тѣмъ въ „Гражданинѣ“ помѣщенъ былъ рядъ статей съ нападеніями на Н. Θ. Нильскаго и съ обидными для него намеками о причинѣ его отсутствія. Авторомъ этихъ статей считали самого Т. И. Филиппова. См. Сборн. протоковъ О. Л. Д. П. Спб. Отд. Годъ второй, 1874, стр. 88, 401. *И. С.*

Хотя я писалъ Чистовичу о томъ, что Совѣтъ просить его прочесть свою статью о старокатоликахъ, однако я бы попросилъ Васъ, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, и отъ себя передать это приглашеніе Чистовичу—*doppelt reisst nicht!*

Я докладывалъ Велик. Князю о редакціяхъ письма къ Губеру; онъ настоялъ на томъ, чтобы все таки прочесть ихъ въ Совѣтѣ. Какъ сказано, Совѣтъ приглашается на засѣданіе въ помѣщеніе Геогр. Общества въ 8 часовъ, а засѣданіе Общества начнется немедленно послѣ окончанія засѣданія Совѣта, т. е., я полагаю, въ 8^{1/2} или въ 9.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XXII.

Суббота.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Великій Князь слышалъ, что проф. Нильскій желалъ бы, чтобы ему была дана возможность еще разъ поговорить о „нуждахъ единовѣрія“. Ежели это такъ (и такое желаніе со стороны Нильскаго весьма понятно), то я бы очень просилъ Васъ или лично или черезъ меня довести объ этомъ желаніи до Вел. Князя. Было бы, можетъ быть, не бесполезно предварительно обо всемъ переговорить. Таково мнѣніе и Вел. Князя. Какое-либо заявленіе въ самомъ общемъ собраніи со стороны Нильскаго, можетъ быть, вызоветъ разные толки и недоразумѣнія. Будьте такъ добры, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, сообщить мнѣ объ этомъ Ваши желанія.

Душевно преданный А. Кирѣевъ.

НВ. Я живу теперь близъ Мраморнаго дворца, Милліонная, домъ № 9 (Прокоповичъ-Антонскаго).

XXIII.

21 ноября.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я произвелъ разслѣдованіе на счетъ доставки Вамъ приглашенія и Сборника; по разсылнымъ книгамъ оказывается, что и то и другое доставлено Вамъ на квартиру, и что кто-то расписался карандашемъ, фамилія начинается на Т. или Ш. Пожалуйста помогите раскрыть истину.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Я поручилъ Арнавскому дальнѣйшее разслѣдованіе.

XXIV.

23 ноября.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

И. О. Нильскому будетъ, можетъ быть, не совершенно удобно разбивать свою рѣчь на 2 части, но въ виду того, что Іосифу Васильевичу угодно говорить первому ¹⁾, съ этимъ неудобствомъ придется помириться. Впрочемъ, судя по себѣ, это неудобство не особенно важно; трудно позабыть сказанное даже мѣсяць тому назадъ, въ особенности ежели Нильскій будетъ говорить по тезисамъ. Въ пригласительныхъ билетахъ я не укажу на послѣдовательность рѣчей и на имена ораторовъ, такъ что ораторы не будутъ связаны какимъ-либо „ordre du jour“. Можетъ быть, И. В. Чельцовъ пожелаетъ говорить послѣ Филиппова? Вѣдь намъ необходимо имѣть человѣка, который бы заключилъ пренія (этого желаетъ Св. Синодъ); оно бы и было кстати, въ особенности ежели И. В. будетъ говорить, не вдаваясь въ подробности. Его тема, кажется, была (или должна была быть)—клерикализмъ?

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

XXV.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Въ письмѣ Вашемъ Вы увѣдомляете меня, что въ будущій вторникъ ²⁾ „готовъ сдѣлать желаемое имъ сообщеніе профессоръ Нильскій“ (я на этомъ основаніи распорядился, чтобы въ перечнѣ занятій и было объ этомъ упомянуто), но Вы не изволите ничего писать о результатѣ Вашихъ переговоровъ съ профессоромъ Чельцовымъ. Не ошиблись ли Вы какъ нибудь въ именахъ, не слѣдуетъ ли замѣнить фамилію Нильскаго фамиліею Чельцова? Ежели это такъ, то прошу Васъ увѣдомить меня для исправленія печатныхъ приглашеній.

Преданный Вамъ Алекс. Кирѣвъ.

XXVI.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Пишу Вамъ по одному довольно деликатному и шекотливому вопросу. Во вторникъ будетъ отвѣчать Т. И. Филип-

¹⁾ Въ засѣданіи 27 ноября 1873 г., о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, состоялось чтеніе „о нуждахъ единовѣрія“ (въ отвѣтъ Т. И. Филиппову) одного прот. І. В. Васильева. *И. С.*

²⁾ 4 декабря 1873 г., когда И. О. Нильскій сдѣлалъ свое второе сообщеніе „о единовѣріи“. *И. С.*

пову проф. Нильскій. Въ виду статей „Гражданина“, извинительно и понятно нѣкоторое отсутствіе объективности въ рѣчахъ оппонентовъ Филиппова; тѣмъ не менѣе желательно, чтобы эти статьи принимались сколь возможно менѣе во вниманіе возражателями. Конечно, самъ Тертій Ивановичъ не отказывается отъ вліянія на эти статьи; мысли, выражаемые въ нихъ, очевидно, принадлежатъ Т. Ивановичу; но постоянное упоминаніе о нихъ перенесетъ споръ на почву литературы. Это едва ли желательно... Послѣ рѣчи Іосифа Васильевича „Гражданинъ“ въ *правѣ* отвѣчать; „Гражданинъ“ и Ко. изъ „кругомъ виноватаго“ можетъ сдѣлаться „до нѣкоторой степени правыми“; притомъ за нимъ на почвѣ насмѣшекъ и колкостей не угоняешься. Таково мнѣніе и Вел. Князя. Было бы очень желательно, чтобы Вы какъ-нибудь могли это „beibringen auf eine recht feine Art“ Нильскому.

Преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

P. S. Извините помарки; очень спѣшу.

XXVII.

Четвергъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

По приказанію Вел. Князя присылаю Вамъ на просмотръ и для замѣчаній, буде таковыя окажутся, проектъ письма къ Лангену ¹⁾. Я придерживался замѣчаній, сдѣланныхъ мнѣ въ собраніи, и сообщая съ И. Т. Осининымъ исправилъ первый мой проектъ (прочитанный въ Совѣтѣ), затѣмъ представилъ его Вел. Князю, сдѣлавшему въ немъ нѣсколько редакціонныхъ замѣчаній (отмѣчены синимъ карандашомъ), затѣмъ Побѣдоносцеву (принявшему его безъ измѣненій) и наконецъ І. В. Васильеву, сдѣлавшему одно замѣчаніе (стр. 4, отм. краснымъ карандашомъ), именно вставлены слова (die mit der heiligen Schrift übereinstimmende Ueberlieferung). Будьте столь добры сдѣлать Ваши замѣчанія и возвратить мнѣ сколь возможно скорѣе проектъ для представленія Вел. Князю и отправленія въ Боннъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

---

¹⁾ Боннскій профессоръ І. Лангенъ († 1901), председатель назначенной въ 1873 г. старокатоликами комиссіи по вопросу о соединеніи съ греко-россійскою церковію. На имя его отправлено было с.-петербургскимъ отдѣломъ О. Л. Д. П. письмо (отъ 19 января 1874 г.) съ указаніемъ принциповъ, какіе должны быть положены обѣими сторонами въ основу переговоровъ о единеніи, и съ приложеніемъ перечня разностей между восточною и западною церквами. *И. С.*

XXVIII.

Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я не менѣ Васъ могу жаловаться и сѣтовать на то, что отвѣтъ ст.-католиковъ ¹⁾ еще не доложенъ и не отпечатанъ. Дѣло въ томъ, что онъ находится у Ивана Терентьевича, который его до сихъ поръ не возвращаетъ. Надѣюсь получить его сегодня въ засѣданіи Совѣта.

Постараемся устроить дѣло такъ, чтобы Чельцовъ могъ исполнить свое намѣреніе.

Преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

XXIX.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Сейчасъ только получилъ Ваше письмо... Крайне неприятно и досадно, что понадѣлся на другихъ; удивляюсь, какъ Иванъ Терентьевичъ, читавшій переводъ въ Совѣтъ и взявшій его на домъ для просмотра, не замѣтилъ ошибки. Львовъ перевелъ буквально (wandeln дѣйствительно по лексикону—ходить), а я понадѣлся на исправленіи Ив. Тер. и отправилъ въ печать, какъ только получилъ. Къ сожалѣнію въ 4 академіи экземпляры отправлены. Но членамъ еще никому не разослано. Дѣло можно сколько-нибудь исправить, пославъ имъ немедленно исправленные чернилами экземпляры. Ежели Вы еще, можетъ быть, что либо нашли, пожалуйста укажите. Нѣмецкій оригиналъ будетъ отпечатанъ сегодня вечеромъ; я Вамъ его вышлю. Пока посылаю Вамъ наше Sendschreiben ²⁾.

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣвъ.

XXX.

Воскресенье.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я полагаю, что Иванъ Васильевичъ ³⁾ будетъ имѣть достаточно времени для того, чтобы возражать Филиппову.

¹⁾ Отвѣтное письмо проф. Лангена съ приложеніемъ замѣчаній старо-католиковъ на присланный имъ перечень разностей между двумя церквями. *И. С.*

²⁾ Повидимому, упомянутое письмо на имя проф. Лангена. *И. С.*

³⁾ Проф. И. В. Чельцовъ. О какомъ возраженіи его Т. И. Филиппову идетъ рѣчь, неясно. Письмо, судя по упоминанію о Веттеркинген, относится къ 1874 г. Изъ протоколовъ Общества видно, что И. В. Чельцовъ выступалъ съ возраженіями Т. И. Филиппову 18 января и 28 марта 1873 г. Но пренія о единовѣріи продолжались и въ 1874 г. на засѣданіяхъ 26 февраля, 13 марта и 20 марта. *И. С.*

Ежели отбросить полемическія „дополненія“ и личности и притомъ не вдаваться въ частности, которыя уже были разсмотрѣны Иваномъ Теодоровичемъ ¹⁾, то въ одну лекцію можно сказать многое (заявленіе совѣта, выборъ членовъ и чтеніе отчета займутъ не много времени). Вѣдь въ *полезности* вселенскаго собора согласны *всѣ*, вопросъ только остается одинъ: былъ ли онъ необходимъ для того, чтобы своимъ авторитетомъ освятить дѣйствія м. Платона.

Оригинала печатнаго Bemerkungen ²⁾ все еще не могу получить изъ цензуры.

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣевъ *).

---

¹⁾ Проф. И. О. Нильскій, возражавшій, Т. И. Филиппову въ засѣданіяхъ 25 февраля и 4 декабря 1873 г. и 20 марта 1874 г. См. Сборн. протоков. О. Л. Д. П. СПб. Отд. г. I и II. *И. С.*

²⁾ Замѣчанія старокатоликовъ на присланный с.-петербургскимъ отдѣломъ О. Л. Д. П. (19 янв. 1874 г.) перечень разностей между западною и восточною церквами. См. Сборн. протоков. О. Л. Д. П. СПб. отд. годъ второй, стр. 437. *И. С.*

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ жизни Императорской Петроградской Духовной Академіи.

Въ воскресенье, 31-го минувшаго января мѣсяца, въ 2 часа дня въ актовомъ залѣ Императорской Петроградской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Питирима, Митрополита Петроградскаго и Ладожскаго, состоялось торжественное годичное собраніе Комиссіи по научному изданію Славянской Библии, по случаю исполненія первой годовщины дѣятельности означенной Комиссіи. Эта годовщина совпала съ столѣтіемъ Высочайшаго указа о переводѣ Библии на русскій языкъ.

Въ этомъ собраніи секретаремъ Комиссіи, профессоромъ-протоіеремъ А. П. Рождественскимъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности Комиссіи по научному изданію Славянской Библии за первый годъ существованія Комиссіи (съ 28 января 1915 года), а редакторомъ изданій Комиссіи, ординарнымъ профессоромъ И. Е. Евсѣевымъ предложенъ былъ собранію докладъ, посвященный столѣтнему юбилею Высочайшаго указа о переводѣ Библии на русскій языкъ.

Присутствовавшій въ семъ собраніи Высокопреосвященный Митрополитъ Питиримъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашу Академію въ первый разъ по своему прибытіи на митрополичью кафедру. Встрѣченный въ вестибюлѣ администраціей Академіи, Владыка Митрополитъ прослѣдовалъ въ академическій храмъ, гдѣ преосвященный Ректоръ Академіи, Епископъ Анастасій привѣтствовалъ отъ лица корпораціи прибывшаго Владыку слѣдующей рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство,
 Милостивый Архипастыръ и Отецъ,
 Высокопреосвященнѣйшій Владыка!

„Въ день великаго научнаго торжества высшей богословской науки, которое справляетъ сегодня наша академія, — первой годовщины дѣятельности академической комиссіи по научному изданію Славянской Библии и столѣтія Высочайшаго указа о переводѣ Библии на русскій языкъ, Императорская Петроградская духовная академія особенно счастлива съ чувствомъ сыновней преданности срътить Ваше Высокопреосвященство. Она срътаетъ покровителя науки и своего начальника и попечителя въ первый разъ въ своихъ стѣнахъ, и въ семъ святомъ храмѣ молитвенно привѣтствуетъ Ваше вхожденіе святыми словами: „Благословенъ грядый во имя Господне“.

Академія привыкла къ дорогой архипастырской любви и сердечно просить Вашу святительскую доброту принять насъ подъ свое мудрое отеческое водительство и въ святую любовь, дабы при попечительной заботѣ Вашего Высокопреосвященства наше дѣланіе было ко благу дорогой намъ академіи, на процвѣтаніе науки богословской, во славу пресвятой Церкви Божіей и на пользу дорогой Родины.

Въ научной жизни, за свои сто лѣтъ существованія, академія выработала себѣ свои прочные научные устои, работая на основаніи которыхъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ профессоровъ и воспитанниковъ, уже получила и почетное мѣсто въ наукѣ. Въ своей жизни учебной она воспитала, пользуясь своей ученой традиціей, не одно поколѣніе полезныхъ дѣятелей для святой Церкви Христовой и дорогого Отечества; она горда своимъ дивнымъ ученикомъ—приснопамятнымъ батюшкой, о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, и многими, многими другими. Тяжело только теперь живетъ, Владыка, академія: при обилии стремящихся къ высшимъ научнымъ богословскимъ знаніямъ, при отсутствіи, къ сожалѣнію, у академіи, возможности, изъ-за тѣсноты помѣщеній корпуса, отвѣчать на всѣ запросы и просьбы—принять и вмѣстить въ общежитіе все количество желающихъ посвятить себя высшей богословской ученой работѣ, она по необходимости должна отклонять добрую половину этого числа. Тяжка въ настоящее время въ академіи и экономическая обстановка довольствія насельниковъ академическаго общежитія при общей дороговизнѣ

всего, необходимаго для жизни, и маломъ ассигнованіи на это денежныхъ средствъ. Скучно также, при давно устарѣвшихъ уже штатахъ, и матеріальное обезпеченіе самого ученаго персонала работниковъ—профессоровъ и служащихъ въ академіи... Все это заставляетъ насъ огорчать Вашу доброту и усиленно тревожить святую любовь Вашего Высокопреосвященства, нашего благодѣянаго попечителя, прося о Вашей мощной помощи намъ и о ходатайствѣ предъ Святѣйшимъ Синодомъ по этимъ жгучимъ вопросамъ нашей жизни.

Благословите насъ, Владыка святыи, благословеніемъ отчимъ, устрояющимъ дома чадъ, и усердно просимъ васъ—помолитесь“!

Послѣ обычнаго многослѣтія, Высокопреосвященный покровитель Академіи, отвѣчая на рѣчь Преосвященнаго ректора Академіи, обращаясь къ корпораціи и студентамъ, отвѣчалъ въ свою очередь задушевную рѣчью, отмѣтивъ и свою радость, при первой возможности посѣтить ученое собраніе въ Академіи, и благодарность за приобщеніе его къ ученой корпораціи избраніемъ въ почетные члены Академіи, и отеческое упованіе на мощныя силы Академіи въ дѣлѣ служенія Св. Церкви Христовой, наукъ и родинѣ.

Кромѣ Владыки Митрополита, собраніе Комиссіи почтили своимъ присутствіемъ: Высокопреосвященный Тихонъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, Высокопреосвященный Серафимъ, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, Преосвященный Веніаминъ, Епископъ Гдовскій, Директоръ департамента духовныхъ дѣлъ при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ Г. Б. Петкевичъ, Помощникъ Управляющаго Синодальной Канцеляріей С. Г. Рункевичъ, академическая корпорація во главѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, Епископомъ Анастасіемъ, члены комиссіи, приглашенные почетные гости изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, студенты Академіи и прочая, интересующаяся наукой публика.

17 минувшаго февраля Императорская Петроградская Духовная Академія торжественно справляла 107 годовщину своего существованія. Академическій праздникъ въ текущемъ году прошелъ въ отсутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Анастасія, который незадолго до праздника экстренно долженъ былъ выѣхать въ г. Казань на погребеніе своего близкаго родственника.

Наканунѣ праздника закончилось въ текущемъ учебномъ году чтеніе лекцій студентамъ всѣхъ курсовъ. Въ 6 часовъ вечера совершенно было въ академическомъ храмѣ Высокопреосвященнымъ Тихономъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ, всенощное бдѣніе, а по окончаніи онаго панихида по почившимъ дѣятелямъ Академіи.

Въ самый день праздника 17 февраля Божественную литургію въ академическомъ храмѣ совершалъ Высокопреосвященный Питиримъ, Митрополитъ Петроградскій и Ладожскій, въ сослуженіи протопресвитера А. А. Дернова, заслуж. проф. прот. С. А. Соллертинскаго, проф.-прот. А. П. Рождественскаго, П. И. Лепорскаго, В. М. Верюжскаго и академическаго учащагося духовенства. За литургіей, вмѣсто запричастнаго стиха, проф.-свящ. В. И. Зыковъ произнесъ составленную имъ проповѣдь на текстъ изъ 1 посл. къ Тимоѳ. I, 18, „Преподаю тебѣ... такое завѣщаніе, чтобы ты воинствовалъ..., какъ добрый воинъ“.

По окончаніи литургіи отслуженъ былъ благодарственный молебень, послѣ котораго Владыка Митрополитъ отбылъ изъ Академіи, а почетные посѣтители съ профессорами приглашены были въ залъ Совѣта, гдѣ предложенъ былъ чай. Въ 1½ часа дня въ актовомъ залѣ Академіи состоялся торжественный годичный актъ, на которомъ исполн. обяз. Ректора, Инспекторъ Академіи, экстра-ордин. проф. С. М. Заринъ прочиталъ въ извлеченіи отчетъ о состояніи Академіи за 1915 гражд. годъ (см. въ настоящей кн. „Христ. Чтенія“), а ordin. проф.-прот. А. П. Рождественскій прочиталъ составленную, по порученію Совѣта Академіи, проф.-прот. А. В. Петровскимъ (не присутствовавшимъ по болѣзни) рѣчь на тему: „Книга Іова и Вавилонская пѣснь страждущаго праведника“.

Актъ почтили своимъ присутствіемъ: Высокопреосвященный Тихонъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, Преосвященный Наѳанаилъ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій, Преосвященный Иннокентій, предсѣдатель Миссіонернаго Совѣта при Св. Синодѣ, протопресвитеръ А. А. Дерновъ, заслуж. проф. прот. С. А. Соллертинскій, протоіерей К. И. Вѣтвеницкій, прот. І. В. Моревъ, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода А. Н. Волжинъ и его товарищъ Н. Ч. Заіончковскій, Директоръ Канц. Об. Прокурора В. И. Яцкевичъ, Управляющій Канц. Св. Синода П. В. Гурьевъ, графъ Н. Ѳ. Гейденъ

и мн. др. духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ профессорской корпораціей и студентами во главѣ.

Въ день годового праздника Академіи были получены телеграфныя привѣтствія отъ нижеслѣдующихъ лицъ:

1. Отъ Ректора Академіи, Епископа Анастасія изъ Казани: „Душою съ дорогой Академіей. Молюсь и привѣтствую сердечно всѣхъ“.

2. Отъ Архіепископа Харьковскаго Антонія: „Да процвѣтаетъ родная Академія и вслѣдъ за святымъ Теодоромъ ¹⁾ да совершаетъ духовное жертвоприношеніе Пресвятой Троицѣ“.

3. Отъ Архіепископа Донскаго Митрофана: „Сыновне привѣтствую родную Академію со сто седьмою годовщиной ея славнаго служенія святой церкви. Усердно молюсь о ея благоденствіи“.

4. Отъ Епископа Полтавскаго Теофана: „Привѣтствую родную Академію съ праздникомъ; молюсь о преуспѣяніи ея на пользу церкви православной“.

5. Отъ Епископа Калужскаго Георгія: „Сердечно привѣтствую Ваше Преосвященство и дорогую Академію съ ученымъ праздникомъ“.

6. Отъ заслуженнаго профессора, протоіерея В. Г. Рождественскаго: „Почтительнѣйше поздравляю Ваше Преосвященство и всю досточтимую профессорскую корпорацію съ празднованіемъ сто седьмой годовщины родной Академіи“.

7. Отъ протоіерея Георгія И. Титова: „Съ благоговѣніемъ приношу родной Академіи радостное привѣтствіе съ днемъ основанія и искренно желаю быть свѣтильникомъ на свѣщникѣ Божіемъ“.

8. Отъ графа Сергѣя Д. Шереметева: „Къ сожалѣнію, состояніе здоровья лишаетъ меня возможности прибыть на торжество 107-й годовщины Петроградской Духовной Академіи“.

9. Отъ заслуженнаго ординарнаго профессора Михаила Ивановича Каринскаго: „Сердечно поздравляю Академію съ ея годовымъ праздникомъ, искренно сожалѣю, что по болѣзни не могу лично принести поздравленіе“.

10. Отъ заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Львовича Катанскаго: „Дорогую родную Академію горячо привѣтствуетъ старый профессоръ“.

---

¹⁾ Св. Теодоромъ Тирономъ, память котораго празднуется 17 февраля—въ день основанія Академіи.

НОВЫЯ КНИГИ.

Архангельскій А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Т. 1. Исторія литературы, какъ науки. Очеркъ научныхъ изученій въ области исторіи русской литературы. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Птгр. 1916. стр. VII+701. Ц. 5 р.

Гегель, Наука логики. Перев. съ нѣм. Н. Г. Дебольскаго. Часть 1-я, кн. 1. Птгр. 1916, стр. XXX+269. Ч. 1-я, кн. 2-я. Птгр. 1916 стр. XIII+153. Ч. 2-я. Птгр. 1916. Стр. VIII+222. Ц. за 3 т. 5 р.

Зеленинъ Д. К. Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ шести вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи. Томъ XLII. Птгр. 1915. стр. XLIV+640. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакц. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 3, 4, 16 и 18. М. 1916.

Лебедевъ В. а. с., Пятюкнижіе Моисея. Обзорнія содержанія и краткія объясненія. Тамбовъ 1915. Стр. 346.

Никольскій Н. К. проф. Сочиненія Соловецкаго инока Герасима Фирсова по неизданнымъ текстамъ. Къ исторіи сѣвернорусской литературы XVII вѣка. Памятники древней письменности и искусства. Птгр. 1916. Стр. XLIII+233.

Овсяннико-Куликовскій Д. Н., проф. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Психологія мысли и чувства. Художественное творчество. Лирика. Кризисъ русскихъ идеологій. Птгр. 1914. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Около-Кулакъ А. Административное устраненіе отъ пастырской должности въ католическомъ каноническомъ правѣ. Птгр. 1916. Стр. X+112. Ц. 1 р. 50 к.

Сагарда Н. И., проф. Вѣра и жизнь христіанская по ученію святыхъ отцовъ и учителей Церкви. Вып. IV. О Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ міра. Птгр. 1916. Изд. Училищн. Сов. при Св. Синодѣ. Стр. 152. Ц. 30 к.

Сперанскій Н. М., проф. Русская литература XVIII и начала XIX вѣка. Ч. 1. М. 1916. Стр. 289.

Филевскій І., свящ., Православный учебный Катихизисъ. Харьковъ 1915. Стр. IV+254+VI. Ц. 1 р.

Шахматовъ А. А., проф., Введеніе въ курсъ русскаго языка. Часть 1-я. Историческій процессъ образованія русскихъ племень и нарѣчій. Птгр. 1915. Стр. 146+II.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ: БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ЯНВАРЬ 1916 г.

Св. Максима Исповѣдника. Вопросыотвѣты къ Фалассію.
С. Л. Епифановича.

Письма Владиміра Соловьева къ брату Михаилу. *Сообщилъ и снабдилъ примѣчаніями С. М. Соловьевъ.*

Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі „Изъ исторіи древнихъ пасхальныхъ цикловъ. 1. 19-лѣтній циклъ Анатолія лаодикійскаго. С.-Петербургъ, 1912“. *свящ. Д. А. Лебедева.*

О церковномъ употребленіи пасхальной еянеакэдекаетиды Анатолія лаодикійскаго. *Архимандрити Иларіона.*

Иконологія нижняго яруса иконостаса XIV—XV вѣка.
Н. Д. Протасова.

Планъ составленія „Лѣствицы“ (небесной) преподобнымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ. *Архіепископа Тверскаго и Нашинскаго Антонія (Норжавина) [?]*

Изъ Острожской старины. *М. К. Струмънскаго.*

За границей. Письма изъ Франціи. *А. Н. Куприяновой.*

Къ сужденію о христіанствѣ Н. Θ. Оедорова. (Полемика).
I.—О христіанствѣ Н. Θ. Оедорова, автора философіи Общаго Дѣла. *Н. П. Петерсона.* II.—Отвѣтъ Н. П. Петерсону. *С. С. Голованѣнко.*

Критика: I. Новый опытъ преодоленія гнесеологизма. С. Л. Франкъ. Предметъ знанія. Объ основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія. Петроградъ. 1915. *С. Н. Булгакова.* II. О фи-

лософіи религіи. Н. Боголюбовъ—Философія религіи. Часть 1-я—историческая. Томъ 1-й. Кіевъ. 1915. *С. С. Глаголева*.
 III. Христовщина. Айвазовъ И. Г. Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ. Петроградъ 1915. *Проф. свящ. В. Зыкова*.

Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи за 1915 г.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся и бывшимъ воспитанникамъ Императорской Московской Духовной Академіи за 1914 г.

Объявленія.

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ЯНВАРЬ 1916 г.

Лютеранское ученіе по Шмалькальденскимъ членамъ (Критическій очеркъ). *І. В. Борнова*.

Философія Ницше въ ея отношеніи къ христіанству. (Опытъ богословско-философскаго изслѣдованія философіи Ницше). *Н. И. Сатрапинскаго*.

Книги Екклесіастъ и Пѣснь Пѣсней въ греко-славянскомъ и русскомъ переводахъ. *П. А. Юнгера*.

Императоръ Константинъ Великій, святой, равноапостольный. *В. А. Курганова*.

Библиографическая замѣтка. *Н. В. Харламповича*.

Содержаніе: 1) Октябрь—Ноябрь—Декабрьской книжки Богословскаго Вѣстника и Декабрьской книжки Христіанскаго Чтенія за 1915 г.

Объявленія.

Инородческое Обзорѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за іюнь 1915 года. Книга 11-ая.

Отчетъ о состояніи Императорской Казанской Духовной Академіи за 1914—1915 учебный годъ. (Съ 16-го августа 1914 г. по 15-е августа 1915 г.).

Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1913 годъ.

ТРУДОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЯНВАРЬ 1916 г.

І. Рѣчь за молебствіемъ 3 декабря 1915 года, предъ началомъ академическихъ занятій. *Епископа Василія*.

II. Рѣчь при встрѣчѣ въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, 22 декабря 1915 г., Его Высокопреосвященства. Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. *Епископа Василя.*

III. Житіе св. Великомученицы Варвары. *Я. Янушева.*

IV. Положеніе женщины въ библейской семьѣ и обществѣ. *Г. Г. Поповича.*

V. Древне-христіанскій писатель Арнобій и его апологія христіанства (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова.*

VI. Гностикъ Вардесанъ. *М. Э. Поснова.*

VII. Письма преосвященнаго Филарета (Филаретова), епископа Рижскаго и Митавскаго, къ кафедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцеву 1872—1882 г.г. *Н. И. Петрова.*

VIII. Къ вопросу о самарянствѣ. *В. П. Рыбинскаго.*

IX. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

X. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1914—1915 учебный годъ.

XI. Объявленія.

---

8 марта 1916 года. Печатать дозволяется. Ректоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи, Епископъ *Анастасій.*

Редакторъ, профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи *Николай Сигарда.*